

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№156/07-08 (5027)
Июль-август 2023

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

1035-летие
Крещения Руси

9 770757 223144

4 191898 005508

3 0 1 5 6

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ... €5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

ВЕРА КАК НАДЕЖДА

*Крещение России, произошедшее 1035 лет назад,
стало ее стартом в новый, всеобщий мир*

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

– Слышу Русь, Святую Русь!

Именно с этим эпитетом мы зачастую говорим о России. Это не фигура речи, а суть исконного восприятия необъятного пространства, доставшегося нам от предков; замечу: исключительно восприятия – далеко не *modus vivendi* в нем. И сам высокий термин «святость» как общий синоним непорочности духа, души и тела, непричастности злу здесь не суть главное. Ибо речь идет о святости не в смысле состояния бытия, нашего образа жизни, а о святости христианской, точнее – православной. О святости русской Веры.

Встреча эта состоялась без малого четыре десятилетия назад, но я помню все как сейчас.

– Господи праведный, как пахнет! Как божественно пахнет! – Вера Львовна трогательно-бережно, как младенца или как драгоценную жемчужину, держала привезенную ей в подарок из Москвы буханку черного. Эмигрантка первого, «белого», поколения русских беженцев, осевших под Парижем, она никак не могла до конца насладиться неповторимым, горько-карамельным духом бородинского хлеба.

Старая женщина (какое, право, жестокое словосочетание!) припала губами к румяному, пряному ржаному бочку и, отломив корочку, поцеловала ее:

«История новейшая есть история христианства», – утверждал Александр Пушкин. Он говорил прежде всего о культуре, а российская культура – христианская в большинстве своем. Вспоминается наш давнишний разговор с Василием Аксеновым, еще в Биаррице, во Франции, до возвращения писателя из эмиграции в Москву. Я спросил Василия Павловича в его уютном маленьком домике с баскским названием «Арбола дерра», почему его американские лекции в значительной степени были посвящены Серебряному веку. Аксенов ответил: «Серебряный век был апогеем российской культуры. Той самой, без которой Россия не стала бы на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий одной

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№156/07–08(5027)
ИЮЛЬ – АВГУСТ 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
47 avenue Hoche, 75008, Paris, France

ОБЛОЖКА:
Памятник крестителю Руси князю Владимиру
Святославицу в Москве. Фото: РИА Новости

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА
БЫЛИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
МАТЕРИАЛЫ:

pravmir.ru, fedmp.ru, unesco.org, interfax.ru, culture.ru,
wikireading.ru, wikipedia.org/wikipedia/commons,
ozon.ru, pixabay.com, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 11 000 ЭКЗ.

Иван Айвазовский. «Великий князь Владимир выбирает веру». 1822

из первых политических и экономических держав мира. Мощь страны измеряется потенциалом ее творцов. Не только ученых, изобретателей, рационализаторов, но и, в первую очередь, интеллектуалов: писателей, философов, композиторов... Глубинная же культура России основана на учении Христа. Крещение страны стало, по сути, точкой отсчета ее обозримой истории, ее стартом в новый, всеобщий мир».

Не скрою, меня удивило, что это прозвучало из уст человека, родившегося в СССР и сформированного советским обществом. Замечательного писателя никто бы никогда не назвал, как сейчас говорят, «воцерковленным». Нет, автор «Острова Крыма»

и «Затоваренной бочкотары» был достойным представителем вполне светской эпохи. И тем ценнее мудрость Аксенова, выдающегося мыслителя и патриота. Ибо год 988-й, когда состоялось официальное крещение Руси (некоторые исследователи полагают, что событие это произошло позже: в 990 или даже в 991 году), явился отправной точкой для всего, что мы сегодня видим вокруг нас, – началом больших начал явился.

Когда христианство пришло на территорию нынешней России? Неблагодарная миссия отвечать на этот вопрос, ибо с развитием науки появляются такие открытия, которые определяют первые в стране христианские храмы все

более близкими по дате их создания к Рождеству Христову.

В Дагестане – в Дербенте, самом южном городе России, – обнаружили подземное сооружение, по поводу предназначения которого исследователи выдвинули сразу несколько версий. Специалисты сочли, что оно могло быть и огромным резервуаром для воды, и древним храмом зороастрийцев-огнепоклонников... Все сомнения отпали, когда появились результаты мюонной радиографии. Смысл ее состоит в детектировании проходящих сквозь стены мюонов – заряженных частиц, возникающих при взаимодействии первичных космических лучей с ядрами атмосферы Земли. Благодаря этому эксперименту выяснилось, что здание

имеет форму креста, а его стены ориентированы по сторонам света. Купол располагается в центре крестообразной конструкции. Нет сомнений: подземное сооружение являлось довольно большой для своего времени христианской церковью. И построена она была, как показывает радиография, около 300 года.

Да, христиане на территории восточных славян и их соседей жили еще при римских императорах. Бытует предание об Андрее Первозванном, отправившемся нести Христову веру в Скифию – сначала в Северное Причерноморье, а затем и вверх по Днепру. Якобы один из двенадцати апостолов Иисуса водрузил крест на холмах, на которых позднее вырос Киев. Эти события в стиле голливудской альтернативной истории вызывают сомнение даже у самых рьяных агиографов... Впрочем, за каждым мифом стоят, как известно, реальные факты, но порой давно забытые.

Византия, опасавшаяся иметь у своих пределов многочисленные племена воинственных варваров-язычников, систематически посылала к ним миссионеров. Участи некоторых из них не позавидуешь, в том числе и тех, кто испытывал судьбу еще при Римской империи. Житие Климента, четвертого по счету папы Римского, повествует о пребывании этого понтифика на каторге в инкерманских каменоломнях под Херсонесом, где Климент погибает в годы правления императора Траяна, то есть на рубеже первого и второго веков после Рождества Христова. Римляне-язычники привязывают Климента за шею к якорю и бросают в Черное море...

Несмотря на это христианство в Крыму уже в III веке приняло такие размеры, что появилась нужда в собственном епископе. На историческом Первом Вселенском

Соборе в Никее присутствовал митрополит Готфил, которому была подчинена – обратите внимание! – Таврическая епископия, уже учрежденная. Представители Боспора (Керчи) и Херсонеса также поставили свои подписи под соборными постановлениями.

Однако ни в коем случае не стоит полагать, будто восточные славяне легко отказывались от языческих богов: Перуна, Велеса, Дажьбога... Но византийские миссионеры не дремали: иногда им удавалось обращать в христианство славянских вельмож, полководцев и даже князей. Конкретные свидетельства? Их в наши дни толком нет... Правда, существует предание об обращении в христианство около 860 года Аскольда и Дира, бояр-дружинников новгородского князя Рюрика. Но не ясно, кем были эти персонажи, якобы правившие в Киеве.

Впрочем, в некоторых источниках с той эпохой, когда император Фотий послал на берега Днепра своего епископа, отдельные церковные историки связывают так называемое Фотиево крещение Руси. Пунктирно возникшее в более поздних анналах первое, так сказать, довадимирское. Имело ли оно место быть? Как говорят итальянцы, «*Se non è vero, è ben trovato*» («Если это и неправда, то хорошо придумано»).

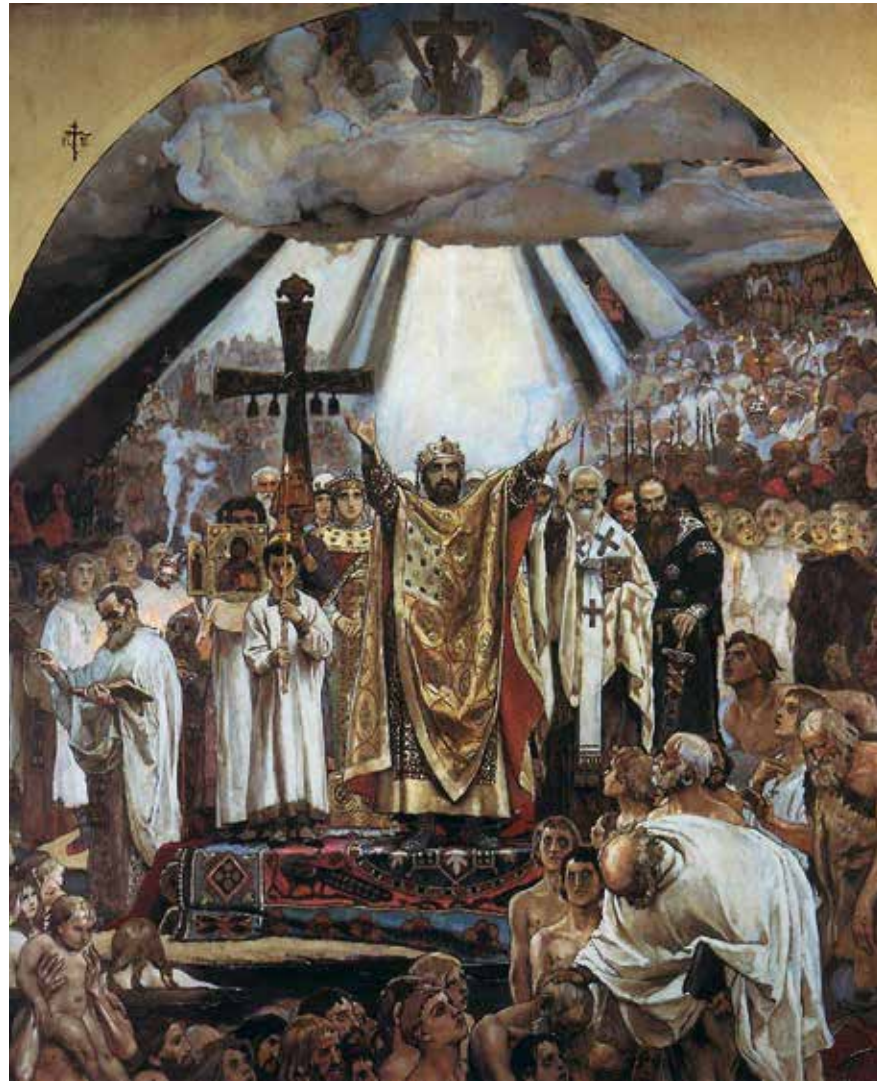
Первые действительные правители Руси Олег и Игорь были язычниками. А вот жена князя Игоря княгиня Ольга стала христианкой – это факт, доказательств не требующий. Можно долго рассуждать о том, что ее духовный выбор был вызван политической необходимостью, не более того. Но это все *ad marginem* («на полях страницы»). Гораздо важнее, что славяно-варяжка Ольга приняла крещение в 955 году (по византийским источникам – в 957-м), и где – непосредственно в Константинополе,

пребывание в котором русской княгини расписано в средневековых официальных документах буквально подневно.

Характерно, что этот визит правительницы русов, длившийся на берегах Босфора больше месяца, состоялся после победоносных походов на Византию киевских князей в 866, 907 и 941 годах. Важен контекст. Ибо это были не пиратские налеты в стиле скандинавских викингов-грабителей: все походы русов заканчивались официальными договорами с Константинополем. Вот и Ольга надеялась извлечь из своей поездки в Царьград максимум пользы не для себя лично, а для Руси. Василевс Константин Багрянородный предпринял все, чтобы максимально поразить высокую гостью из «диких краев». Были и «летающий» трон императора, и бьющие хвостами рычащие механические львы, и деревья из золота с поющими райскими птицами...

Однако византийские хитроумные уловки не смогли изменить намерений Ольги. Она приехала в Царьград обрести таинство крещения не для того, чтобы стать духовной императорской «супругой-августой», а чтобы получить высокий титул «дщери-царицы». Но Константин Багрянородный отказался возлагать на чело княгини царский венец. Василевс не мог допустить приравнивания властительницы Руси к себе, Богу подобному. Понимал, что это рискует повлечь независимость от Константинополя и будущей Русской Церкви.

Перед Ольгой стояла невозможная задача: воссоединить Русскую Церковь с византийским священством и в то же время воспрепятствовать превращению своей страны в политического сателлита и в культурную провинцию Византийской империи. Взирая из своего небесного дворца сверху вниз на соседние с его империей

Виктор Васнецов. «Крещение Руси». Между 1885 и 1896

народы, василевс полагал для них участь сателлитов Византии, ее протекторатов. Что и произошло с болгарами, венграми, с лангобардами в Италии... Киевская княгиня представляла завтрашний день Руси иначе.

«Русская архонтисса» (так княгиню величали греки) покрестилась в Святой Софии, но подчиниться тем, которые видели себя «властелинами Европы и Азии», не пожелала. Ольга видела завтрашнюю Русь страной христианской, но при этом вовсе не зависимой, принижено и слепо, от теократии Византии. Ее

высокомерие отвратило от принятия Веры Христовой юного Святослава, побывавшего вместе с матерью в Царьграде и даже не приглашенного императором на прощальный обед, затеянный для несговорчивых русов. А те, униженные, не захотели забыть обиду. Когда эмиссары василевса через несколько лет явились в Киев за помощью и попросили «воев в помощь», как сказано в «Повести временных лет», Ольга отказалась посылать своих испытанных бойцов в очередной раз спасать от арабов Константинополь.

Наблюдая за нескончаемыми интригами «дряблых, изнеженных ромеев», остался язычником Святослав, которому к тому же отказали в руке византийской кесаревны. По вине чванливой Византии крещение Руси, по сути дела, отложилось на три десятилетия, вплоть до прихода к власти Владимира, сына Святославового.

... Как только не называют в русских летописях Владимира Святославича! Он и «блаженный», и «равноапостольный», и «великий»... Одним словом: Красное Солнышко. И род Рюриковичей возводят аж к римскому императору Августу. Как говаривали еще древние: Богу – Богово, а кесарю – кесарево! Оставим подобные историографические экзерсисы специалистам. Меня же живо интересует совсем другое: почему Владимир последовал заветам своей могучей бабки и что его духовный выбор дал сначала разноплеменной Руси, а потом и всей многонациональной России?

Путь «из варяг в греки» вплоть до XII века был одной из главных торгово-транспортных артерий Европы. В северной части этого маршрута стоял самый большой город Руси – доступный холодным морям, богатый и свободолюбивый Новгород. Соседние с ним племена «чуди» – финны, эстонцы, вепсы, карелы – сами участвовали в славянской торговле. Чудины дворы, дома для приема и отдыха финно-угорских купцов, существовали и в Киеве, и в Новгороде. А вот ближе к югу, где приходилось тащить на бревнах суда волоком, надо было всем торговым людям из разных племен объединять силы. Степняки-кочевники и лиходеи всех мастей только и ждали, когда караваны с товаром окажутся досягаемыми для них на суше. Единая для всех – и купцов, и их стражей – вера помогала лучше понимать друг друга. Как в сражении,

Животворящий Крест Господень. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий

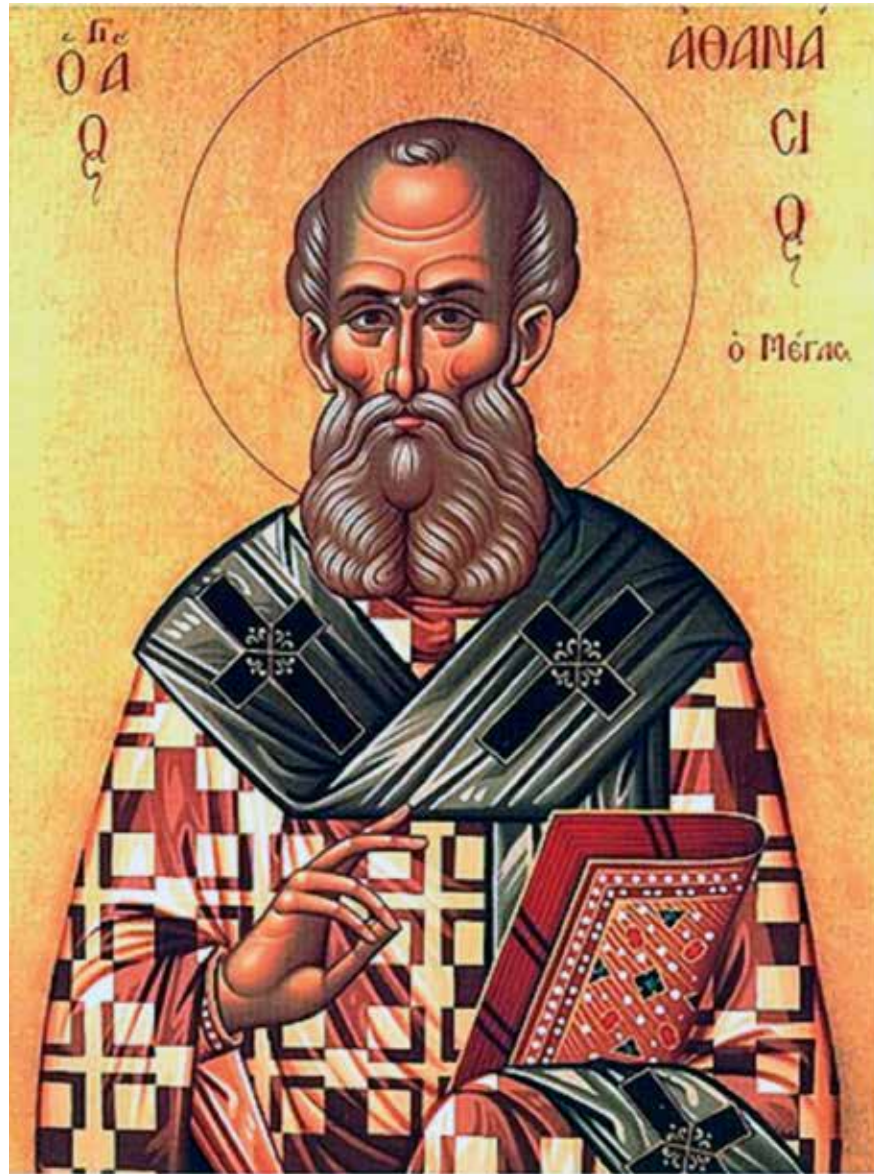
так и в коммерции. Оставалось князю только выбрать подходящую ему, как и всей Руси, веру.

Составитель «Повести временных лет» монах Киево-Печерской лавры по имени Нестор, представляет Владимира как «испытателя вер». Тот, совсем недавно открытый язычник, практиковавший, по некоторым источникам, даже человеческие жертвоприношения, разочаровывается в верованиях отца и ищет для своего народа новую религию. В летописи момент выбора властителем Киева между мусульманством волжских булгар, иудаизмом «непокорных

хазаров» и христианством греков предстает, на мой взгляд, поверхностно и неубедительно. Важнее другое: язычество никак не выглядит как религия. Да оно таковым и не являлось. Представляло собой хаотичную совокупность различных верований и культов. В нем были местнические национальные черты, но не находилось способности объединять разрозненные и враждующие между собой племена. А пришедший с мечом в Киев из Новгорода Владимир, расчетливо-амбициозный, сделавшийся великим князем, страстно жаждет с минимальными потерями

объединить Русь. Этот его зов к единству всех народов, составляющих страну, эхом отдавался на протяжении всей российской истории. Звучит и по сей день.

Будущая нация созревала с двух сторон: Новгорода, открытого на север и запад, и Киева, глядящего на юг. Руси довольно было вариться в собственном соку, ей жизненно необходимо было вырваться на оперативный простор из родных лесов и болот. Требовалось живое ощущение времени как меры истории и фактора культуры – от греческой античности вплоть до Нового Рима ромеев.

Афанасий Александрийский:

«Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

Владимир, смелый воин (не всегда удачливый, надо сказать), ловкий дипломат и энергичный созидатель, больше власти и женщин любил просто саму жизнь во всех ее ипостасях. А для пущего наслаждения ею князь хотел воспринимать многочисленных соседей Руси не как «немцев» (от слова «немой», то есть не говорящий на понятном языке), потенциальных врагов, а как если не партнеров, то хотя бы

единоверцев. К мировой, сильной и активно распространяемой религии разумнее примкнуть по согласию, нежели натужно спорничать с нею. Возвышение Киева над, казалось бы, куда более могущественным Новгородом происходило в значительной степени за счет того, что христианство пришло на Русь именно с юга – из Царьграда. Чем не убедительный аргумент против версии о варягах в качестве

формирователей нашей страны, родившейся в романовскую эпоху под воздействием германских фамилий, которые в немалой степени составили российский дворянский синклит? На самом деле все, скорее всего, обстояло с точностью до наоборот. Для справки: крещение Скандинавии – Швеции и Норвегии – состоялось на два столетия позже Руси. И произошло это не без влияния наших пращуров – славяно-варягов.

Если франк Карл Великий несет христианство в Германию, избивая целые сакские племена, Вера Иисусова распространяется на Руси достаточно мирно. Ниспровержение Перуна не сопровождалось массовыми репрессиями. Язычники со слезами спускали по рекам обветшавших деревянных идолов, но за оружие обычно не брались. Исключение лишь Новгород, где тысяцкий Угоный метался по городской стене с криком: «Лучше помереть, чем дать богов наших на поругание». И «началась сеча злая», как гласит Ипатьевская летопись. Но силы оказались неравными. Князьи дружинники быстро одолели горожан. Воины давно симпатизировали «византийской вере»: «Один Бог на небе – один василевс на земле!» И новгородские бояре, практичные коммерсанты, быстро сообразив, с кем им выгоднее быть, дружно покрестились. Владимир, в пору своего язычества отличавшийся жестокостью, на этот раз ослушников пожалел. На вопрос соратников из ближнего круга, почему он не казнит бунтовщиков, ответил совсем по-христиански: «Боюсь греха...»

Константин Великий принял крещение только на пороге смерти, испугавшись пронзительного холода небытия. Владимир пошел другим путем: менялся сам на протяжении жизни. Знал, что, не будучи чистым в душе,

не имеет права по-христиански очищать других. Он вышел из купели крещения новым человеком и подарил надежду на обновление соотечественникам. Как гласит Писание: «Ибо мы спасены в надежде». Это ли не истинная сила?.. Помогло и то, что, мирно входя на Русь в традиции жизни, христианство не стало конфликтовать с языческими обрядами, а просто-напросто поглотило их, адаптировало к собственной тематике. Так, Ярилин день летнего солнцестояния превратился в праздник Рождества Иоанна Предтечи, а Триглав – в праздник Святой Троицы, да и Масленицу с Пасхой славяне отмечали под другими названиями еще задолго до принятия христианства. Оно на Руси не превратилось в догму, а подарило людям способность видеть чудо в серости тварных буден, позволило обрести упование на лучшую жизнь. Пусть загробную – но лучшую!

Абсолютные ценности для Руси были сформированы только благодаря заповедям Христовым. С Иисусовой верой, как завеса в Иерусалимском храме в день Распятия, были разорваны сверху до низу стереотипы примитивного сознания русов. Мир сделался для них выпуклым и безграничным. Чему способствовало и другое важнейшее событие в истории: создание Кириллом и Мефодием славянской письменности. Родилась азбука! Совпадение? Нет, конечно. Перемены на Руси назревали давно, и вот они пришли. Стремительно, разом. Подвиг Владимира Святителя совпал с даром славянскому миру двух великих Солунских братьев (Солунь – славянское название Салоник).

Афанасий Александрийский, один из великих ревнителей раннего христианства, сказал: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом». Это про Русь, про

Россию. Ее соборность – уникальное явление. В русском христианстве личность не подавлена, но лишена эгоизма. Она существует в свободном духовном единении людей – и в церковной жизни, и в мирской общности. Ибо менталитет российского человека рождался в симбиозе Православной Церкви и деревенской общины. В других языках аналога слову «соборность» нет, как не существует и самого явления. Как точно формулировал замечательный русский философ-богослов Владимир Соловьев, «католицизм есть единство без свободы; протестантизм – свобода без единства; православие – единство в свободе и свобода в единстве».

Христианство (с 1054 года православное) и кириллица – вот два ключа к выходу наших предков на большую мировую арену. А кто владеет языком, тот и управляет его народом. «Наша вера не греческая, а христианская», – заявлял Иван Грозный. И надо признать: даже прозападнические по духу реформы Петра I не изменили сути ни русской веры, ни русского алфавита. Впрочем, совсем ли русского? По некоторым данным, креститься Владимира уговаривала его жена-болгарка (до крещения у великого князя-язычника было несколько сотен жен и наложниц). Она же подсказала и позаимствовать у болгар их культовый язык. На основе его и произошло формирование русского национального самосознания. С помощью четко отстроенной болгарской письменности был сокращен русский путь в большую литературу. Поначалу только в духовную. В первый же век русского христианства появились такие шедевры, как, скажем, «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. Обращение Владимира в истинную веру он представляет как чудо. Митрополит Киевский

середины XI века пишет о Владимире, что он не видел Христа, не знал ни закона, ни пророков, не слышал апостольскую проповедь, не видел чудес, творимых святыми, но «безъ всѣхъ сихъ притече къ Христу, токмо от благааго съмысла и остроумиа разумѣвъ, яко есть Богъ единъ творецъ невидимымъ и видимымъ».

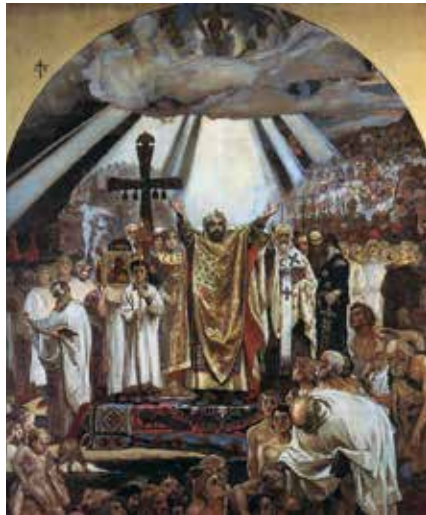
Если характер человека – его судьба, то и характер нации – тоже. Христианство с его культом самопожертвования было искренне, даже иногда исступленно, воспринято русскими. Другое дело – была ли всегда полезна и спасительна для них подобная, зачастую мученическая самоотверженность? Во всяком случае без христианства по Святому Владимиру (любопытно, что канонизировали его лишь почти три столетия спустя после кончины, но это отдельный вопрос) не было бы ни России, ни русской идеи. Без этого и понять нельзя Россию, как, например, не понять Китай без конфуцианства.

Соборность – вот константа русского национального сознания. Его попытались испортить коммунисты с их показательными «общей идеей и общей волей». Но большевикам это удалось лишь временно, лишь частично. Их марксистская вера оказалась слишком разрушительной, чтобы надолго подарить массам убедительную надежду. В немалой степени замахнулся на христианскую соборность на недавнем рубеже миллениумов и западный индивидуализм с его материальным благополучием и гендерной невнятистью как единственными синонимами счастья. Тоже не случилось, как мы все чаще убеждаемся сегодня.

Зато у нас, русских людей, осталась Вера. И Надежда осталась. В этом тоже – завет на века святого равноапостольного князя Владимира.

СЛОВО РЕДАКТОРА

3 ВЕРА КАК НАДЕЖДА

Крещение России, произошедшее 1035 лет назад, стало ее стартом в новый, всеобщий мир.

ИСТОРИЯ

12 КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Начало политическим процессам, которые привели к Крымской войне, было положено, как считают историки, в январе 1853 года.

22 ПЕРЕЛОМ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

К 80-летию победы в Курской битве.

28 ЭРА «КРАСНОГО МАРКИЗА»

Со второй половины 1960-х годов Евробанк стал крупным оператором в области внешней торговли (окончание; начало – в № 153/01–02 и 154/03–04).

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

36 ОБРАЗЫ ЛЕТНЕЙ СВЯТОСТИ

В конце июля празднуется память святой Ольги, а в конце августа Церковь вспоминает святую Монику.

42 «ТРОИЦА» АНДРЕЯ РУБЛЕВА ВНОВЬ В ЦЕРКВИ

4 июня 2023 года в Храм Христа Спасителя была принесена икона Святой Троицы, написанная предположительно Андреем Рублевым.

46 «РАДОСТЬ МОЯ, ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!»

Серафим Саровский: «Все, происходящее от Бога, – мирно и полезно и приводит человека к смирению и самоосуждению».

КУЛЬТУРА

48 КОМПОЗИТОР ВОЛЕЮ БОЖЬЕЙ

Произведения Арама Хачатуряна всегда отличала редкая эмоциональность, увлекавшая слушателей, захватывающая их воображение.

52 «ЖИЗЕЛЬ»: БАЛЕТНАЯ ИСТИНА

Повестей о классическом танце до обидного мало, но разве нет в балете духовности и правды, которые ищет литература?

58 НА ПУТИ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ОТКРЫТИЯМ

В поисках «Бюста Мира» Антонио Кановы.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

62 СУДЬБА АРТИСТА

Александр Вертинский: «Я всегда был только зеркалом и микрофоном своей эпохи».

ОЧЕРК

70 РОЗЫ И... КРЕСТ

Продолжение. Начало в № 155/05–06 (5026).

76 БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАЛОЙ РОДИНЫ

Родина – она и в поле, и на пруду, и на грибной опушке, в августовском дожде, в добром поступке, чистом помысле.

ЛИТЕРАТУРА

80 «И ВРЕМЕНИ ПОЛЕТ ЕГО НЕ СОКРУШИТ...»

К 280-летию со дня рождения Гавриила Державина.

82 ВЕЛИКИЙ КОМАНДОР ПОЭЗИИ

К 130-летию со дня рождения Владимира Маяковского.

86 ДИТЯ ФАТА-МОРГАНЫ

Окончание главы из книги «Истории из пропавшего чемодана». Начало в № 154/03–04.

94 «В ТЕНИ ТРОНА» ВАСИЛИЯ ЗУБАКИНА

Фрагмент из новой книги В. А. Зубакина (начало читайте в № 149/09, 150/10, 152/12 и 153/03–04).

100 МУСОРНЫЙ КОРОЛЬ

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира МАЛЫШЕВА из книги «Возвращение», вышедшей в 2022 году в московском издательстве «Вече».

ТОЛЬКО У НАС

108 «ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»»

Продолжение публикации повести Валерия ПОВОЛЯЕВА «Одинокый «Юнкерс»» (начало в № 153/01–02 и 154/03–04).

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

111 ХРАМ КО ДНЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

28 июля 2023 года на набережной Москвы-реки откроется Храм святого равноапостольного князя Владимира.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Начало политическим процессам, которые привели к Крымской войне, было положено, как считают историки, в январе 1853 года

ТЕО ГУРИЕЛИ

Всероссийский император Николай I. Портрет кисти Франца Крюгера. 1847

Пришло время поговорить об одной из самых кровопролитных войн XIX века – Крымской (ее называют также Восточной). Особенность этой войны в том, что в ходе ее отчетливо проявились политические интересы западных держав в Черноморском бассейне, их стремление разгромить или, на худой конец, разоружить Россию и постараться, если

рую император называл «больным человеком» Европы. «Теперь я хочу говорить с вами как друг и джентльмен, – сказал ему Николай. – Если нам удастся прийти к соглашению – мне и Англии, – остальное мне неважно, мне безразлично, что делают или сделают другие. Итак, говоря откровенно, я вам прямо заявляю, что если Англия думает в близком будущем

удастся, вообще лишит ее выхода к Черному морю.

Начало политическим процессам, которые привели к Крымской войне, было положено, как считают историки, в январе 1853 года. На вечере у великой княгини Елены Павловны, на котором присутствовал дипломатический корпус, Николай I подошел к британскому послу Гамильтону Сеймуру и повел с ним разговор на ту же тему, на которую он за девять лет до этого беседовал в Виндзоре с премьером Робертом Пилем и лордом Эбердином. Речь шла о Турции, кото-

водвориться в Константинополе, то я этого не позволю. Я не приписываю вам этих намерений, но в подобных случаях предпочтительнее говорить ясно. Со своей стороны, я равным образом расположен принять обязательство не водворяться там, разумеется, в качестве собственника; в качестве временного охранителя – дело другое. Может случиться, что обстоятельства принудят меня занять Константинополь, если ничего не окажется предусмотренным, если нужно будет все предоставить случаю. Ни русские, ни англичане, ни французы не овладеют Константинополем. Точно так же не получит его и Греция. Я никогда не допущу до этого».

Николай I продолжал: «Пусть Молдавия, Валахия, Сербия, Болгария поступят под протекторат России. Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой территории для Англии. Тут я могу только сказать, что если при распределении османского наследства после падения империи вы овладеете Египтом, то у меня не будет возражений против этого. То же самое я скажу и о Кандии (острове Крит). Этот остров, может быть, подходит вам, и я не вижу, почему ему не стать английским владением».

При прощании с Сеймуром император сказал, что доверяет английскому правительству и просит его откровенно высказаться по этому вопросу, причем он не просит обязательств, а приглашает к свободному обмену мнениями. Лондон воспринял это как призыв

со стороны России разделить вдвоем Османскую империю, причем не обговаривая при этом участи Аравии, Месопотамии и восточной части Малой Азии, которые в Османскую империю тогда входили. В ходе дальнейших встреч с послом и визитерами из Лондона Николай I ясно давал понять: он не может позволить западным странам закрыть проливы, ведущие в Черное море, и тем самым запечатать в нем русский флот, в то время как Турция станет форпостом для наращивания мощи западных флотов вблизи русских берегов.

Николай I видел, что Англия уже давно превратила свой флот в инструмент экспансии во всех морях, включая те, в которых есть русские порты, и что англичане были бы рады ввести в рамки этой политики и Францию, которая пока не проявляла вражды к России, но может изменить свой курс в отношении России в любой момент, если ее к этому подвигнут другие западноевропейские державы. То же относилось и к Австрии.

Говорят, что, делая подобное предложение Англии, Николай исходил из того, что чувствовал дружественное к нему отношение королевы Виктории. Более того, его, возможно, в известной степени успокаивало то, что во главе кабинета в Англии в тот момент находился лорд Эбердин, который с таким интересом слушал его в Виндзоре в 1844 году. Не исключено, что все это позволяло ему надеяться на то, что его предложение встретит благожелательный прием.

Ответ, пришедший от лорда Джона Рассела, министра иностранных дел, был резко отрицательным. В отличие от Эбердина, Рассел не менее подозрительно относился к русской политике на Востоке, чем такие политики-руссофобы, как Пальмерстон. Рассел заявил, что, во-первых, не считает, что Турция близка к падению, а во-вторых,

не полагает возможным заключать какие бы то ни было соглашения касательно Турции. Даже временный переход Константинополя в руки Николая I он считает недопустимым. Наконец, Рассел отметил, что и Франция, и Австрия отнесутся подозрительно к подобному англо-русскому соглашению.

После получения этого отказа Нессельроде постарался в беседе с послом Сеймуром объяснить смысл предложенный императором. Он заверял, что Николай не собирался угрожать Турции вторжением, а лишь желал бы исключить подписание этого договора односторонними действиями со стороны любой державы, которые могли бы нанести вред России и другим странам региона.

Но слушать канцлера никто не хотел. Позиция российского императора вызвала в британском истеблишменте реакцию прямо противоположную той, к которой он стремился.

Николай I никогда не был человеком авантюрным по натуре. Он прекрасно понимал, что по мере усиления западных держав, роста их флотов и развития их колониальных империй одной из главнейших их задач будет сделать так, чтобы Россия была ограничена в своем развитии, в своей торговле и в своих политических мероприятиях

Князь Александр Меншиков. Портрет кисти Франца Крюгера. 1851

только своей территорией. А это, как ни велика эта территория, не позволит стране становиться богаче, культурнее и сильнее – в то время, как ее противники, помогая друг другу, будут все больше стремиться к ее уничтожению.

Западные историки считают, что Николай I ошибочно предполагал, что Франция, скорее всего, не присоединится к Англии в случае войны с Россией, а Австрия предпочтет оставаться нейтральной. Но русский царь был умнее и прозорливее. Он ожидал, что западные державы объединятся и рано или поздно выступят против России единым фронтом. Но он, к сожалению, придерживался того мнения, что Франция еще не оправилась после государственного переворота, и ее новый властелин Наполеон III будет долгое время занят

Император Наполеон III.
Портрет работы Ф. К. Винтерхальтера. 1855

утверждением своей власти. Следовательно, к Англии в войне с Россией она не присоединится.

В этом полнейшем непонимании ситуации были повинны в первую очередь русские послы – Киселев в Париже, Бруннов в Лондоне, Мейендорф в Вене, Будберг в Берлине, но еще в большей степени – канцлер Нессельроде. Все они в своих докладах извращали перед Николаем положение дел в Европе. Они писали почти всегда не о том, что видели, а о том, что императору было бы желательно от них узнать. Ни один из них не решался открыть ему глаза на те процессы, которые происходили в европейских странах, и, естественно, многие важные детали европейской политики оставались для него неизвестными.

Обострению ситуации в Европе посодействовала дипломатическая

поле последовал резкий протест: они напомнили о преимуществах православной церкви перед католической на основании условий Кючук-Кайнарджийского мира. Эти разногласия послужили французскому императорскому правительству неплохим предлогом для того, чтобы всячески отдалить Англию и Австрию от России. Император Наполеон ухватился за эту возможность, как говорится, обеими руками. Сразу же вопрос о святых местах был искусно сплетен с выдвинутой Николаем претензией не только защищать права православной церкви в Иерусалиме и Вифлееме, но и стать признанным самой Турцией защитником всех православных подданных султана, то есть получить право постоянного дипломатического вмешательства во внутренние турецкие дела.

Как и ожидалось, султан Абдул-Меджид и его министры, под прямым давлением французской дипломатии, стали особенно упорствовать в переговорах с Россией – и в то же время удовлетворили большинство французских требований относительно святых мест. «Это он мстит», – сказал Николай, ясно понимая теперь, что Наполеон вовсе не забыл истории с его титулом, который российский император признал с большим трудом.

Получив отказ Англии, Николай I решил совершить прежде всего не военное, а пока только дипломатическое наступление на Турцию. Он приказал морскому министру Меншикову снарядить большую свиту и на линейном корабле плыть в сопровождении этой свиты в Константинополь с решительными требованиями к султану. Меншиков был назначен в Турцию в качестве чрезвычайного посла и полномочного представителя. Ему разрешалось, в случае неполного удовлетворения требований России, предъявить султану ультиматум. Нессельроде велено было изготовить для отъезжавшего Меншикова инструкцию, основное положение которой было таково: «Распад Оттоманской империи стал бы неизбежным при первом же серьезном столкновении с нашим оружием».

Меншикову официально поручалось резко и решительно покончить спор о святых местах, добившись от султана специального Договора с Николаем I, причем в этот договор требовалось включить и признание его права покровительствовать всем православным подданным султана. Николай ожидал успеха от миссии Меншикова ввиду того, что незадолго до прибытия русского посла султан согласился на категорическое требование представителя Австрии Лейнингена удалить турецкую армию из вассального владения

султана – Черногории. Но разница была в том, что Австрия и не думала после этого оккупировать Черногорию, потому что заботилась исключительно о спокойствии в близких к Черногории районах Австрийской империи, а миссия Меншикова состояла в предъявлении к Турции требований, которые предполагали ослабление суверенной власти султана во всех тех его владениях, где имелось православное население. При этом Меншикову было дано понять, что на него в Зимнем дворце не рассердятся, если даже последствием его дипломатической деятельности станет война России с Турцией.

Прибыв в Константинополь, Меншиков был встречен с необычайным почетом. Турецкая полиция не посмела даже разогнать толпу греков, которые устроили князю восторженную встречу. А Меншиков повел себя с вызывающей надменностью. Он сразу же заявил, что не желает иметь дела с министром иностранных дел Фуад-эфенди, который явно стал на стороне французов в вопросе о святых местах. Султан, напуганный известием о том, что в Бессарабии сосредотачиваются два русских корпуса, уволил Фуада и назначил угодного Меншикову Рифаат-пашу.

В Европе обратили большое внимание на раздражающие турецкие власти выходки Меншикова: писали о том, что он, нанося визит великому визирю, не снял пальто, о том, что он довольно резко говорил с султаном Абдул-Меджидом. С первых же шагов Меншикова стало ясно, что по двум важнейшим пунктам он ни за что не уступит: во-первых, он желает добиться признания за Россией права на покровительство не только православной церкви, но и православным подданным султана; во-вторых, он требует, чтобы согласие Турции было утверждено султанским сенедом

(законообразующим указом), а не фирманом (обычным указом); таким образом, оно носило бы характер внешнеполитического Договора с российским императором.

Что касается вопроса о иерусалимском и вифлеемском храмах, то по этим претензиям Абдул-Меджид был готов пойти на все уступки. Но теперь этого уже было мало. 22 марта 1853 года Меншиков прочел вслух Рифаат-паше такую вербальную ноту: «Требования императорского [русского] правительства категоричны». А через два дня он прочел ему еще и другую ноту, которая требовала прекращения «систематической и злобной оппозиции». Тут он представил проект «конвенции», которая делала Николая, как сразу же заявили дипломаты других держав, «вторым турецким султаном».

Султан переходил от паники к возмущению, после раздражения опять впадал в панику; он явно не знал, как поступить. Но через две недели в Константинополь прибыл в качестве британского посла Стрэтфорд Каннинг, виконт Рэдклифф, – ярый противник русского влияния на Востоке и личный враг Николая I.

К тому времени в Лондоне произошли перемены: вместо лорда Рассела министром иностранных

Лорд Стрэтфорд Каннинг, виконт Рэдклифф,
британский дипломат и государственный деятель

дел стал лорд Кларендон, полностью находившийся под влиянием Пальмерстона. Кларендон дал Каннингу широкие полномочия в Константинополе, и тот быстро повел дело к войне. Сделал он это очень хитро и подло. История эта стоит того, чтобы изложить ее подробнее.

Меншиков был прекрасным морским министром и блестящим стратегом, но мало что смыслил в дипломатии и, конечно, не мог равняться в дипломатических маневрах с осторожным и опытным английским дипломатом-интриганом. Каннинг посоветовал султану и его министрам всячески затягивать ответ по спорам, которые шли между Россией и Францией в вопросе о святых местах. Сам же он ждал, пока не представится возможность запустить

интригу, которая привела бы к войне с Россией. Зная, что глава английского кабинета лорд Эбердин не желает обострения ситуации и хотел бы избежать войны, Каннинг решил прибегнуть к обычному подлогу. Когда Лондон потребовал от него, чтобы он прислал полный текст проекта конвенции, предложенный Россией Турции и представленный Меншиковым Рифаат-паше, Каннинг понял, что настал его час. В статье первой этого проекта говорилось о том, что русское правительство получает право, как и в прошлом, делать турецкому правительству представления в пользу церкви и духовенства. А Каннинг, переписывая текст конвенции, вместо слов «делать представления» написал «давать приказы».

Этот подлог резко менял весь характер ноты, и по очевидным расчетам Каннинга должен был вызвать в английском кабинете настоящую бурю. Теперь Пальмерстон и его креатура Кларендон получали явный перевес над пока еще колебавшимся лордом Эбердином. Расчет оправдался вполне. Британские министры теперь были едины в своей вражде к России.

Но и это было еще не все. Каннинг умудрился внушить Меншикову, что Рифаат-паша – ярый враг России. И Меншиков, который, собственно, посадил Рифаата вместо Фуад-эфенди, стал теперь домогаться отставки Рифаата и назначения вместо него человека, предложенного тем же Каннигом, – настоящего злобного врага России по имени Решид-паша.

Наконец, Каннинг начал убеждать Меншикова в том, что Англия ни при каких обстоятельствах, включая военные действия, ни за что не выступит на стороне султана.

События разворачивались именно так, как подстроил Каннинг. 4 мая Порты, уступив во всем, что

А. П. Боголюбов. «Синопский бой 18 ноября 1853 года». 1860

касалось святых мест, по другим вопросам вести переговоры отказалась. Меншиков, видя, что согласия на занятие Дунайских княжеств добиться не удастся, предъявил прежнее требование о договоре султана с русским императором. Султан попросил время, чтобы подумать. В тот же день, после встречи с Каннингом, султан и министры отклонили требования Меншикова. Тотчас же вместо Рифаата был назначен Решид-паша, агент Каннинга.

Меншиков объявил, что порывает сношения с Портой, и вместе

со своей свитой 21 мая 1853 года выехал из Константинополя в Одессу.

По совету Каннинга султан уже 4 июня издал фирман, торжественно гарантирующий права и привилегии христианских церквей и в особенности права и преимущества православной церкви. Николай издал манифест о том, что он, как и его предки, должен защищать православную церковь в Турции и что для обеспечения исполнения турками прежних договоров с Россией, нарушаемых султаном,

он принужден занять Дунайские княжества (Молдавию и Валахию). 21 июня 1853 года русские войска перешли через реку Прут и вторглись в Молдавию.

Война Турции еще не была объявлена. Не объявляла войны и Турция. Но уже в марте Наполеон III приказал своему военному флоту, стоявшему в Тулоне, немедленно отплыть в Эгейское море, к Саламину, и быть готовым к войне. Наполеон бесповоротно решил воевать с Россией. Защита Турции от возможного русского завоевания представлялась императору французов абсолютно

необходимой – и не по политическим или моральным соображениям! У французов были очень крупные финансовые вложения в Турции и в Османской империи вообще. Собственно, французский император считал, что защищает экономические интересы Франции на Востоке. Сразу же после отплытия французского флота в восточную часть Средиземного моря последовал приказ и британской эскадре идти туда же.

Боязнь России и желание овладеть ее землями и богатствами были у западных держав так сильны, а ненависть к ней так широко посеяна

в их народах, что во Франции и Англии не могло быть в тот момент более популярной войны, чем война против России. И это еще больше подталкивало к ней Наполеона III, который видел в войне против Николая возможность не только покрыть славой свой трон, но и взять реванш за проигранную французами войну 1812 года.

Австрия, которая клялась России в дружбе и верности, тут же начала свою закулисную игру. Буоль фон Шауэнштейн, министр иностранных дел Австрийской империи, вел оживленные переговоры на два фронта: он старался, с одной стороны, убедить Николая I в необходимости поскорее прийти к соглашению с Турцией и очистить Дунайские княжества, а с другой – интриговал в Париже и Лондоне, желая узнать, что можно получить от западных держав за политику, враждебную России. Ему удалось сплести сети шпионажа вокруг русского посольства в Вене и получать от них важные сведения, излагая их, разумеется, в своей трактовке.

Франц-Иосиф стал занимать антирусскую позицию. С другой стороны, он испытывал страх и перед Наполеоном III, который делал довольно прозрачные намеки на возможность без особых затруднений выгнать Австрию из Ломбардии и Венеции. Французский император не скрывал от барона Гюбнера, австрийского посла в Париже, что не очень расположен позволить Австрии остаться нейтральной страной. Следовательно, Францу-Иосифу предстояло либо выступить заодно с Наполеоном III и Англией и добиваться вытеснения русских войск из Молдавии и Валахии, либо действовать совместно с Николаем I, и в случае его победы над Турцией утратить положение монарха крупной европейской державы, потеряв еще при этом Ломбардию и Венецию.

Австрийский император Франц-Иосиф I.
Портрет кисти Франца Кайзера. 1905

Прусский король Фридрих-Вильгельм IV не знал, на что решиться. Он опасался Наполеона III, боялся Николая I, а потому метался из стороны в сторону. Бисмарк, будущий лидер Пруссии, с раздражением следивший из Франкфурта за этими зигзагами, говорил, что прусская королевская политика напоминает пуделя, который потерял своего хозяина и в растерянности подбегает то к одному прохожему, то к другому. В конце концов выяснилось, что Пруссия не примкнет к Англии и Франции, а Австрия без Пруссии не решится это сделать. Буоль составил проект ноты, который вручил приглашенным им на совещание послам Англии и Франции в Вене. В этой ноте говорилось, что Турция принимает на себя обязательство соблюдать все условия Адрианопольского и Кучук-Кайнарджийского мирных договоров; снова подчеркивал

еще до этого поспешил составить, якобы от имени Турции, другую ноту, с некоторыми оговорками против Венской ноты. Николай ее в свою очередь отверг. По существу, Венская нота совпадала с собственным проектом турок, но для того чтобы оправдать отказ турок от принятия этой ноты, Каннинг постарался представить дело так, что Венская нота якобы вызвала в Турции «настоящее негодование».

Николай I получал от Киселева из Парижа самые утешительные известия о «невозможности совместного военного выступления Англии и Франции». А в октябре, побуждаемый заверениями Каннинга и французского посла в Турции Лакура, что их державы готовы вступить за Османскую империю по первому зову, султан объявил России войну. Это была большая ошибка. Ответ последовал

немедленно: 18 (30) ноября 1853 года командующий эскадрой Черноморского флота вице-адмирал П. С. Нахимов атаковал турецкий флот в Синопской бухте, истребил его и разрушил береговые укрепления.

Синопское сражение явилось для западной коалиции показателем того, что война не будет для них легкой прогулкой. Когда осенью 1853 года стало известно о том, что турки готовят переброску крупного десанта на восточное побережье Черного моря в районе Сухум-Кале (Сухуми) и Потти, Черноморскому флоту была поставлена задача вести наблюдение за действиями противника на Черном море и воспрепятствовать переброске турецких войск на Кавказ. 11 (23) ноября Нахимов, получив сведения о том, что эскадра противника укрылась от шторма в Синопской бухте, принял решение сорвать планы противника.

Турецкая эскадра, стоявшая на рейде в Синопе, имела в своем составе 7 фрегатов, 3 корвета, 2 пароходофрегата, 2 брига и 2 военных транспорта (всего 510 орудий) и находилась под защитой береговых батарей (38 орудий). Накануне жестокий шторм нанес сильные повреждения русской эскадре, после чего у Нахимова осталось только три линейных корабля, а два корабля и фрегат пришлось отправить в Севастополь. Оценив обстановку и, в частности, возможность появления на Черном море англо-французского флота, Нахимов решил до подхода подкреплений запереть турецкую эскадру в Синопской бухте. 16 (28) ноября к Синопу на помощь Нахимову подошла эскадра контр-адмирала Ф. М. Новосильского в составе трех кораблей и одного фрегата, а на другой день – еще один фрегат «Кулевчи». В результате под командой Нахимова оказалось 6 линейных кораблей и 2 фрегата

(всего 720 орудий). Из них 76 орудий стреляли разрывными бомбами, имевшими большую разрушительную силу. Таким образом, на стороне русских был перевес. Однако неприятель имел ряд преимуществ, основными из которых являлись стоянка в укрепленной базе и наличие пароходов, в то время как у русских имелись только парусные корабли.

Разработанный Нахимовым план атаки содержал четкие указания по приготовлениям к бою и по ведению артиллерийского огня, который в кратчайший срок должен был уничтожить неприятельский флот. При этом командирам предоставлялась определенная самостоятельность в зависимости от конкретной обстановки при неукоснительном соблюдении принципа взаимной поддержки.

Утром 18 (30) ноября 1853 года русская эскадра в строю двух кильватерных колонн вошла в Синопскую бухту. Во главе правой колонны шел флагманский корабль Нахимова «Императрица Мария», левой колонны – «Париж» Новосильского. Эскадра Осман-паши стояла полукругом у самой набережной города, закрывая собой часть береговых батарей. Суда располагались таким образом, что один борт их был обращен к морю, а другой к городу. Таким образом, действие огня неприятеля было ослаблено.

В 12 часов 30 минут раздался первый залп турецкого флагманского корабля «Авни-Аллах», открывшего огонь по подходившей русской эскадре, а вслед за ним открыли огонь орудия других судов и береговые батареи. Под сильным перекрестным огнем противника русские корабли заняли позиции в соответствии с планом атаки и только после этого открыли ответный огонь. Флагманский корабль Нахимова шел первым и ближе всех оказался к турецкой

эскадре и береговым батареям. Он сосредоточил огонь по адмиральскому фрегату противника «Авни-Аллах». Через полчаса «Авни-Аллах» и фрегат «Фазлы-Аллах», объятые пламенем, были выведены из строя. Такая же участь постигла и другие турецкие суда. Управление турецкой эскадрой нарушилось. К 17 часам артиллерийским огнем русские моряки уничтожили 15 из 16 кораблей противника и подавили все его береговые батареи.

Из всей турецкой эскадры удалось спастись лишь одному быстроходному 20-пушечному пароходу «Тайф», на борту которого находился главный советник турок по морским вопросам англичанин Слэд. Прибыв в Стамбул, он доложил об истреблении турецких судов в Синопе.

В Синопском сражении турки потеряли свыше 3 тысяч человек убитыми и ранеными. В плен были взяты 200 человек, в том числе командующий эскадрой Осман-паша и командиры трех кораблей. Русская эскадра потерь в кораблях не имела, но многие из них, в том числе флагманский корабль Нахимова «Императрица Мария» получили серьезные повреждения. Потери русских составили 37 убитыми и 235 ранеными. Победа была одержана в результате высокого профессионального мастерства русских моряков, героизма, мужества и отваги моряков, а также благодаря решительным и искусным действиям командования и прежде всего – адмирала Нахимова.

Синопский бой явился тем толчком, который привел в действие страшную машину большой войны. В середине декабря Наполеон III объявил британскому послу в Париже лорду Каули, что намерен приказать своему флоту войти в Черное море. Это предreshало действия и британского кабинета. Эбердин дал английскому флоту соответствующие распоряжения.

После Синопа в английских общественных кругах возбудило против России возросло в неимоверной степени. В прессе громко обвиняли даже королеву Викторию и ее мужа в подозрительных, чуть ли не изменнических замыслах. Когда внезапно 15 декабря 1853 году Пальмерстон подал в отставку, настоящая буря негодования обрушилась на кабинет, откуда «выжили честного патриота». Спустя неделю, Эбердин упрямил Пальмерстона вернуться в министерство. Это возвращение отдавало кабинет Эбердина полностью в руки Пальмерстона. Война против России была этим предreshена.

4 января 1854 года соединенный англо-французский флот вошел в Черное море. Два адмирала, начальствовавшие над флотом, известили русские власти, что имеют задание ограждать турецкие суда и порты от нападений с русской стороны.

Немедленно Нессельроде по приказу Николая обратился к русскому послу в Париже Киселеву и к послу в Лондоне Бруннову, предлагая им запросить оба правительства, при которых эти послы аккредитованы: как понимать сообщение адмиралов: относится ли фактическое запрещение плавать по Черному морю только к русским судам или также к турецким? В случае если окажется, что запрет распространяется только на русские суда, Бруннову и Киселеву предписывалось тотчас прервать дипломатические отношения и покинуть Лондон и Париж.

Английская пресса призывала бороться за независимость Турции. 29 января 1854 года в официальном органе Французской империи «Монитор» появилось письмо Наполеона III к российскому императору Николаю I. Наполеон писал, что «гром синопских пушек оскорбил французскую и английскую национальную честь». Не всем было

Прусский король Фридрих-Вильгельм IV.
Портрет кисти Франца Крюгера. XIX век

понятно – почему это? Ведь Турция была первой, кто объявил войну России, и Синопское сражение было вполне законным ответом на объявление войны.

Французский император предлагал Николаю I такой выход: увести войска из Молдавии и Валахии. В этом случае Франция и Англия прикажут своим флотам покинуть Черное море. А затем пусть Россия и Турция назначат уполномоченных для мирных переговоров. Этот необычный в дипломатическом обиходе прием – публичное обращение одного царствующего монарха к другому – был понят всей Европой как попытка перед самым началом жестокой войны свалить всю ответственность на противника, продемонстрировав свое «миролюбие».

Николай ответил 9 февраля. Вместе с отсылкой подлинника в Париж он также приказал напечатать копию письма в «Журналь де Сен-Петербург», официальном

органе русского министерства иностранных дел. Николай I отмечал, что ему русская честь так же дорога, как Наполеону III французская; Синопский бой был вполне правомерным действием; нельзя приравнять занятие Дунайских княжеств к фактическому овладению Черным морем посредством посылки туда французского и английского флотов.

А уже на третий день после отправления письма Наполеона в Петербург Киселев получил в Париже и официальную ноту Друэн-де-Люпса. Нота носила нарочито вызывающий характер; она разъясняла, что запрет плавания по Черному морю касается лишь русского флота, а не турецкого. Немедленно, в силу уже ранее полученных инструкций, Киселев заявил о разрыве дипломатических отношений между Россией и Францией.

Выступление Франции против России в данном случае было настолько слабо мотивировано, что и Николай I в Петербурге, и Киселев в Париже постарались подчеркнуть, что на разрыв с Францией они смотрят иначе, чем на последовавший разрыв с Англией. Николай велел немедленно прислать на дом Гамильтону Сеймuru паспорта на выезд посольства. А генералу Кастельбажаку, французскому послу, предоставили, когда ему заблагорассудится, заявить о желании уехать и получить

паспорта. При очень милостивом прощании с генералом Николай вручил послу один из самых высоких орденов – звезду Александра Невского, как бы подчеркивая этим необычным жестом, что считает разрыв с Францией дипломатическим недоразумением, которое может скоро уладиться.

Еще больше это было подчеркнуто при отъезде Киселева из Парижа. Киселев, уведомив уже 4 февраля 1854 года министра Друэн-де-Люиса о своем отъезде с посольством из Парижа, тотчас после этого заявил, что желал бы лично откланяться императору Наполеону. Вот как объяснял Киселев в письме к Нессельроде свой поступок, который, кстати говоря, не возбудил ни со стороны канцлера, ни со стороны Николая I ни малейших возражений. «Если вопреки обычаю я пожелал проститься с Луи-Наполеоном в частном свидании перед тем, как потребовать мой паспорт, это потому, что я знал, как он чувствителен к такого рода манифестациям и проявлениям личного почтения и насколько воспоминание о подобном поступке могло бы, при случае, помочь завязать вновь сношения».

Наполеон принял Киселева в утренней аудиенции наедине, и они говорили долго. Император утверждал, будто его поведение во всем этом конфликте было самым примирительным. Слегка, намеком, Наполеон III коснулся и злосчастной истории с его титулованием, и Киселеву стало ясно, что его собеседник ее не забыл и не простил. Киселев даже сказал: «Государь, позвольте вам сказать, что вы ошибаетесь... Франция бросается в войну, которая ей не нужна, в которой она ничего не может выиграть, и она будет воевать только, чтобы служить целям и интересам Англии. Ни для кого тут не секрет, что Англия с одинаковым удовольствием увидела бы

уничтожение любого флота, вашего флота или нашего, и, чего здесь не понимают, это то, что Франция в настоящее время помогает разрушению [русского] флота, который в случае нужды был бы наилучшим для вас помощником против того флота, который когда-нибудь повернет свои пушки против вашего». Французский император выслушал эти многозначительные заявления молча и – что крайне показательно – ни единым словом Киселеву на них не возразил. Любопытно, что о самой Турции оба собеседника как-то совершенно забыли. Наполеон III, видимо, упустил, что ради приличия следовало хотя бы упомянуть о «независимости» страны, якобы для «защиты» которой он обнажает меч и начинает кровавую войну.

Усилия Англии и Франции после этого были направлены на то, чтобы заставить Австрию во что бы то ни стало выступить против России. Действия австрийской дипломатии имели в виду разрешение очень трудной задачи: не объявляя формально войны России, заставить Николая убрать войска из Молдавии и Валахии, причем устроить это так, чтобы не рассердить Наполеона, но и не рассориться с императором России. Что касается дипломатических отношений между самими союзниками, то сначала еще не выявлялось коренное расхождение между целями Англии и Франции. Наоборот, на первых порах между ними не было ни малейших разногласий. В Вене союзниками был дан дипломатический бой Николаю, и этот бой был им проигран. Он понял это не сразу. Но уже после Синопа, когда западные державы открыто готовились объявить России войну, позиция Австрии показалась императору подозрительной. Тогда он решил провести переговоры с Францем-Иосифом через посредство доверенного

человека. Он послал в Вену графа Орлова, очень ловкого царедворца и довольно способного дипломата, что он доказал еще в 1833 году при заключении договора с Турцией в Ункиар-Искелесси.

31 января 1854 года Орлов передал австрийскому императору такие предложения: Австрия объявляет дружественной России нейтралитет в начинающейся войне Николая I с западными державами. За это российский император гарантирует полную неприкосновенность австрийских владений и обязывается побудить Пруссию и с ней весь Германский союз присоединиться к этой гарантии. Затем, в случае победы России и распада Турции, Россия и Австрия на равных правах объявляют свой протекторат над Сербией, Болгарией, Молдавией и Валахией. Результат был довольно неожиданный: сразу же после отъезда Орлова из Вены Франц-Иосиф приказал отправить в Трансильванию 13-тысячное войско. Это было явной угрозой русским войскам на Дунае.

Николай удвоил свою любезность по отношению к Пруссии. Но и тут его ждало разочарование. Король продолжал метаться из стороны в сторону. В конце февраля 1854 года, возвращаясь из Петербурга в Лондон после разрыва дипломатических отношений, сэр Гамильтон Сеймур сделал неудачную попытку втравить Пруссию в войну с Россией. Но Фридрих-Вильгельм IV отвечал: «Я не хочу, чтобы вместо сражений на Дунае происходили сражения в Восточной Пруссии». Король добавил, что на границе Пруссии уже стоит 200-тысячная армия.

Для Англии было важно уже то, что русские силы были оттянуты от европейского юга. Затем к королю с теми же предложениями стал упорно обращаться маркиз де Мустье, французский посол

в Берлине. Но и тут ничего не вышло. Тогда английская пресса пустилась на прямые угрозы. Бисмарк во Франкфурте жаловался английскому представителю Александру Мэлету: «Ни в коем случае мы не станем союзниками России, – говорил Бисмарк, – но брать на себя риск и издержки по войне с Российской империей – совсем иное дело, особенно если правильно взвесить возможные выгоды для Пруссии даже в случае успешного исхода подобной войны».

В апреле 1854 года, после отправления французской и английской десантной армии к Варне, австрийский министр Буоль окончательно осмелел: с согласия Франца-Иосифа он предложил Пруссии присоединиться к австрийскому представлению – просить Николая убрать свои войска из Молдавии и Валахии. Король Фридрих-Вильгельм IV, теснимый в это самое время как англичанами, так и французами, не посмел отказаться и 20 апреля (1854 г.) согласился примкнуть к Австрии. «Английская партия» при прусском дворе взяла верх.

Этот новый поступок короля возмутил Николая. Вот что он писал Паскевичу: «Итак, настало время бороться не с турками и их союзниками, но обратить все наши усилия против вероломной Австрии и горько наказать ее за бесстыдную неблагодарность». Но союзники уже стояли в Варне. Выступления Австрии ждали 13 июля; Николай I получил об этом достоверные сведения ровно за месяц, 13 июня, и дал приказ об отступлении русских войск из Дунайских княжеств. Отныне война была, по сути дела, проиграна – во всяком случае в Центральной Европе. Но сражения продолжались на Кавказе и в Крыму.

Продолжение следует

ПЕРЕЛОМ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

К 80-летию победы в Курской битве

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Советские войска выдвигаются к передовой линии

80 лет назад, 23 августа 1943 года, завершилось одно из ключевых сражений Великой Отечественной войны – битва на Курской дуге.

Эта операция началась для Генерального штаба Красной армии задолго до боевых действий: командование было предупреждено о решении немцев начать наступление в районе Курского выступа за пять месяцев до битвы. Об этом сообщил легендарный советский разведчик Николай Кузнецов, действовавший в районе города Ровно под видом немецкого офицера Пауля Зиберта. Базой для него был местный партизанский отряд. В марте 1943 года Кузнецов, установивший связи чуть ли не со всем штабом Эриха Коха, пришел на встречу с ним, намереваясь убить его, но тут Кох сообщил о готовящемся наступлении под Курском. Информация была настолько важна, что Кузнецов отказался

от своего плана, и в Центр ушла соответствующая шифровка, которая позволила Генеральному штабу Красной армии начать подготовку к битве и составить план оборонительных действий.

Великая Курская битва представляла собой совокупность стратегической оборонительной (5–23 июля) и стратегической наступательной (12 июля – 23 августа) операций советских войск. По своему размаху, привлекаемым силам и средствам, напряженности, результатам и военнополитическим последствиям она является одной из крупнейших битв Второй мировой войны. В общей сложности сражение продолжалось 50 дней и ночей и стало одним из самых кровопролитных в истории двух мировых войн.

Начать, видимо, надо с того, что Курский выступ образовался в результате зимнего наступления советских войск (1942–1943 гг.)

и вынужденного их отхода во время Харьковской оборонительной операции 1943 года. Расположенные на нем войска Центрального и Воронежского фронтов угрожали флангам и тылам немецких групп армий «Центр» и «Юг». В свою очередь эти вражеские группировки, занимая орловский и белгородско-харьковский плацдармы, имели благоприятные условия для нанесения мощных фланговых ударов по советским войскам, оборонявшимся в районе Курска. В любой момент мощными встречными ударами враг мог окружить и разгромить находившиеся там силы Красной армии.

Чтобы реализовать эту возможность немецкое командование под личным руководством Гитлера развернуло подготовку к беспрецедентно крупному летнему наступлению на данном направлении, рассчитывая разгромить основные силы Красной армии

на центральном участке советско-германского фронта, вернуть себе стратегическую инициативу и изменить ход войны в свою пользу. Германское командование рассчитывало ударами по сходящимся направлениям с севера и юга под основание Курского выступа уже на 4-й день операции окружить и затем уничтожить советские войска, находящиеся внутри выступа (операция «Цитадель»). В последующем намечалось нанести удар в тыл Юго-Западного фронта (операция «Пантера») и развернуть наступление в северо-восточном направлении в целях выхода в глубокий тыл центральной группировки советских войск для создания угрозы Москве.

Для проведения операции «Цитадель» привлекались лучшие командующие группировками и лучшие командиры дивизий, наиболее боеспособные и испытанные в боях войска. С немецкой стороны в сражении участвовало 50 дивизий (в том числе 16 танковых и моторизованных) и большое число отдельных частей, входивших в 9-ю и 2-ю армии группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Г. Клюге), в 4-ю танковую армию и оперативную группу «Кемпф» группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн). Их поддерживала авиация 4-го и 6-го воздушных флотов. Всего эта группировка насчитывала свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, около 2050 самолетов.

В целях достижения быстрого успеха уже в первый день наступления германское командование сделало ставку на массированное применение бронетехники (танков, штурмовых орудий, бронетранспортеров) в первом оперативном эшелоне. На вооружение германской армии к этому времени поступили модернизированные средние

танки Т-IV и Т-V («Пантера») и тяжелые танки Т-VI («Тигр»), а также штурмовые орудия «Фердинанд». Они обладали хорошей броневой защитой и сильным артиллерийским вооружением. Особое значение немецкое командование придавало внезапности операции «Цитадель». С этой целью предусматривалось провести широкомасштабную дезинформацию советских войск. Для этого продолжалась усиленная подготовка операции «Пантера» в полосе армий «Юг». Проводились демонстративные рекогносцировки, выдвигались танки, сосредотачивались переправочные средства, осуществлялись радиопереговоры, активизировались действия агентуры, распространялись слухи. В полосе группы армии «Центр», наоборот, все старательно маскировалось. Но хотя все мероприятия проводились с большой тщательностью и методичностью, они не дали эффективных результатов.

Если раньше, при планировании летне-осенней кампании 1943 года, советское командование разрабатывало планы действий на всех фронтах, то сейчас главное внимание уделялось ситуации под Курском. Получаемые от разведки сообщения не могли не тревожить Ставку. Планами сражения на этом направлении занимались не только Ставка и Генеральный штаб, но и все командующие фронтами, оборонявшими курский выступ.

Перед советским командованием встала задача выбрать способ действий: наступать или обороняться. Тщательный анализ обстановки позволил сделать правильный вывод: главные усилия надо сосредоточить к северу и югу от Курска; обескровить здесь противника в оборонительных боях, а затем перейти в контрнаступление и осуществить его разгром. Это был тот случай в истории войны, когда сильнейшая сторона, имевшая все

необходимое для наступления, выбрала из нескольких возможных вариантов действий наиболее оптимальный – оборону. События первых двух лет войны показали: оборона советских войск не всегда выдерживала массированные удары противника, что приводило к трагическим последствиям. Поэтому было решено максимально использовать преимущества заранее созданной многополосной обороны, обескровить главные танковые группировки врага, измотать его самые боеспособные войска, завоевать стратегическое господство в воздухе. Затем, перейдя в решительное контрнаступление, завершить разгром группировок врага в районе Курского выступа.

К оборонительной операции под Курском привлекались в основном войска Центрального и Воронежского фронтов. В ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) понимали, что переход к преднамеренной обороне связан с определенным риском. Поэтому к 30 апреля был образован Резервный фронт (в дальнейшем переименованный в Степной военный округ, а с 9 июля – в Степной фронт). В его состав были включены семь армий, в том числе одна гвардейская танковая, три гвардейских и три танковых корпуса, а также два механизированных корпуса. Все они дислоцировались в районах Касторного, Воронежа, Боброво, Миллерово, Россоши и Острогожска. Полевое управление фронта разместилось неподалеку от Воронежа.

В резерве Ставки, а также в эшелонах фронтов по указанию ВГК были сосредоточены пять танковых армий, ряд отдельных танковых и механизированных корпусов, большое количество стрелковых корпусов и дивизий. В состав Центрального и Воронежского фронтов с 10 апреля

по июль поступили 10 стрелковых дивизий, 10 истребительно-противотанковых артиллерийских бригад, 13 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских полков, 14 артиллерийских полков, восемь полков гвардейских минометов «катюш»), семь отдельных танковых и самоходных артиллерийских полков. Всего двум фронтам было передано 5635 орудий, 3522 миномета, 1284 самолета. К началу Курской битвы в составе Центрального и Воронежского фронтов и Степного военного округа насчитывалось 1909 тыс. человек, более 26,5 тыс. орудий и минометов, свыше 4,9 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок (САУ), около 2,9 тыс. самолетов.

На севере и на юге Курского выступа была создана мощная оборона, включавшая восемь оборонительных полос и рубежей. Оборона строилась как противотанковая, противоартиллерийская и противовоздушная с глубоким эшелонированием боевых порядков и фортификационных сооружений, с широко развитой системой опорных пунктов, траншей, ходов сообщения и заграждений. А по левому берегу Дона был оборудован государственный рубеж обороны. Глубина полос обороны составляла на Центральном фронте 190 км, на Воронежском – 130 км. У каждого фронта были созданы по три армейских и три фронтовых оборонительных рубежа, оборудованных в инженерном отношении. У немецких войск не было никаких шансов эту оборону преодолеть.

Оба фронта имели в своем составе по шесть армий. Ширина полос обороны Центрального фронта составляла 306 км, а Воронежского – 244 км. На Центральном фронте в первом эшелоне были расположены все общевойсковые армии, на Воронежском – четыре

общевойсковые армии. Танковые армии были во втором эшелоне и в резерве.

Командующий Центральным фронтом генерал армии Константин Рокоссовский, оценив обстановку и изучив разведанные, пришел к выводу, что противник нанесет главный удар в направлении на Ольховатку в полосе обороны 13-й общевойсковой армии. Поэтому было принято решение уменьшить ширину полосы обороны 13-й армии с 56 до 32 км и довести ее состав до четырех стрелковых корпусов. Таким образом, состав армий увеличился до 12 стрелковых дивизий, а ее оперативное построение стало двухэшелонным. Командующему Воронежским фронтом генералу Николаю Ватутину было сложнее определить направление главного удара противника. Поэтому полоса обороны 6-й гвардейской общевойсковой армии (именно она оборонялась на направлении главного удара 4-й танковой армии противника) составляла 64 км. При наличии в ее составе двух стрелковых корпусов и одной стрелковой дивизии командующий армией был вынужден построить войска армии в один эшелон, выделив всего одну стрелковую дивизию в резерв. Таким образом, глубина обороны 6-й гвардейской армии изначально оказалась меньше, чем глубина полосы 13-й армии. Такое оперативное построение привело к тому, что командиры стрелковых корпусов, стремясь создать оборону как можно более глубокой, строили боевой порядок в два эшелона.

Большое значение придавалось созданию артиллерийских группировок. Особое внимание обращалось на массирование артиллерии на вероятных направлениях вражеских ударов. 10 апреля 1943 года был издан специальный приказ об использовании артиллерии резерва Главного командования.

В полосах обороны 48-й, 13-й и 70-й армий Центрального фронта на предполагаемом направлении главного удара группы армий «Центр» было сосредоточено (с учетом второго эшелона и резервов фронта) 70% всех орудий и минометов фронта и 85% всей артиллерии резерва ВГК. Причем в полосе 13-й армии, куда было нацелено острие удара главных сил противника, сосредоточивались 44% артиллерийских полков резерва ВГК. Этой армии, имевшей в своем составе 752 орудия и миномета, на усиление был придан 4-й артиллерийский корпус прорыва, имевший 700 орудий и минометов и 432 установки реактивной артиллерии. Такое насыщение армии артиллерией позволило создать плотность до 91,6 орудия и миномета на 1 км фронта (в том числе 23,7 противотанковых орудий). Подобной плотности артиллерии не было ни в одной из предшествовавших оборонительных операций. Таким образом, четко вырисовывалось стремление командования Центрального фронта создать непреодолимую оборону уже в тактической зоне.

Так как войска Воронежского фронта были построены в два эшелона, то и артиллерия распределялась между эшелонами. Но и на этом фронте на главном направлении, составлявшем примерно половину полосы обороны фронта, удалось создать высокую плотность: более 50 орудий и минометов на 1 км фронта.

Командование Центрального и Воронежского фронтов большое внимание уделяло использованию противотанковой артиллерии. В их составе имелось 10 истребительно-противотанковых бригад и 40 отдельных полков, из которых семь бригад и 30 полков, то есть подавляющая часть противотанковых средств, находилась на Воронежском фронте. На Центральном

фронте более одной трети всех артиллерийских противотанковых средств вошло в состав артиллерийского противотанкового резерва фронта, в результате Рокоссовский получил возможность оперативно использовать свои резервы для борьбы с танковыми группировками противника на наиболее угрожаемых направлениях. На Воронежском фронте основная масса противотанковой артиллерии была передана армиям первого эшелона.

Утром 5 июля 1943 года основные силы ударных группировок противника, хоть и несколько ослабленные упреждающей артиллерийской контрподготовкой советских войск, перешли в наступление, бросив против оборонявшихся на орловско-курском направлении до 500, а на белгородско-курском – около 700 танков и штурмовых орудий. Главный удар северная группировка врага наносила силами трех пехотных и четырех танковых дивизий на Ольховатку по войскам левого фланга 13-й армии генерала Пухова. Наступление наземных войск поддерживалось ударами авиации. Завязались тяжелые и упорные бои. Командование 9-й немецкой армии, не ожидавшее такого мощного отпора, вынуждено было повторно провести часовую артиллерийскую подготовку.

Следует признать, что в танковом вооружении противник имел качественный перевес. Его танковые 75-мм и 88-мм пушки с дальностью прямого выстрела 1,5–2,5 км в 2,5 раза превышали дальность 76,2-мм пушки основного советского танка Т-34. А эти пушки вообще не пробивали лобовую и башенную броню «Тигров». Как следствие, потери в танковых частях Красной армии были очень большими. Кроме того, на вооружение германской авиации поступили новые самолеты: истребитель «Фокке-Вульф-190А», штурмовики «Хенкель-190А»

и «Хенкель-129», которые должны были обеспечить удержание господства в воздухе и надежную поддержку танковых дивизий.

Противник, активизируя действия своей авиации, вскоре ввел в бой тяжелые танки. В первый день наступления ему удалось прорвать первую полосу обороны советских войск, продвинуться на 6–8 км и выйти ко второй полосе обороны севернее Ольховатки. В направлении на Гнилец и Малоархангельск противник продвинулся всего на 5 км.

Встретив упорное сопротивление оборонявшихся, немецкое командование ввело в сражение почти все соединения ударной группировки группы армий «Центр», но за семь дней им удалось продвинуться только на 10–12 км, так и не прорвав тактической зоны обороны. К 12 июля наступательные возможности противника на северном фланге Курской дуги иссякли, он прекратил атаки и перешел к обороне. Следует отметить, что на других направлениях в полосе обороны войск Центрального фронта враг активных наступательных действий не проводил. Отразив атаки противника, войска Центрального фронта стали готовиться к наступательным действиям.

На Воронежском фронте борьба также носила исключительно напряженный характер. Еще 4 июля передовые отряды 4-й немецкой танковой армии пытались сбить боевое охранение 6-й гвардейской армии генерала Чистякова. К исходу 9 июля 2-й танковый корпус СС не только прорвался к третьей полосе обороны 6-й гвардейской армии, но и сумел вклиниться в нее примерно в 9 км юго-западнее Прохоровки. Однако вырваться на оперативный простор ему не удалось.

10 июля Гитлер приказал командующему группой армий «Юг»

добиться решительного перелома в ходе битвы. Убедившись в полной невозможности сломить сопротивление войск Воронежского фронта на обоянском направлении, фельдмаршал Манштейн решил изменить направление главного удара и теперь наступать на Курск кружным путем – через Прохоровку. Одновременно вспомогательная ударная группировка наносила удар по Прохоровке с юга. На прохоровское направление были подтянуты 2-й танковый корпус СС, в состав которого входили отборные дивизии «Рейх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», а также части 3-го танкового корпуса.

Обнаружив маневр противника, командующий фронтом генерал Ватутин выдвинул на это направление 69-ю армию, а затем и 35-й гвардейский стрелковый корпус. Кроме того, Ставка ВГК приняла решение об усилении Воронежского фронта за счет стратегических резервов. Еще 9 июля она приказала командующему войсками Степного фронта генералу Коневу выдвинуть на курско-белгородское направление 4-ю гвардейскую, 27-ю и 53-ю армии и передать в подчинение генерала армии Ватутину 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии. Войска Воронежского фронта должны были сорвать наступление врага, нанеся мощный контрудар силами пяти армий по его группировке, вклинившейся на обоянском направлении. Однако 11 июля нанести контрудар не удалось. В этот день противник захватил рубеж, намеченный для развертывания танковых соединений. Лишь вводом в сражение четырех стрелковых дивизий и двух танковых бригад 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова удалось остановить противника в двух километрах от Прохоровки.

12 июля обе стороны перешли в наступление, нанося удар

После танкового сражения

на прохоровском направлении. Развернулось ожесточенное сражение. Основные события произошли юго-западнее Прохоровки.

С северо-запада на Яковлево наносили удар соединения 6-й гвардейской и 1-й танковой армий. А с северо-востока, из района Прохоровки, в том же направлении наносили удар 5-я гвардейская танковая армия с приданными двумя танковыми корпусами и 33-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской общевойсковой армии.

Восточнее Белгорода удар предпринимался стрелковыми соединениями 7-й гвардейской армии. После 15-минутного артиллерийского налета 18-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии и приданные ей 2-й и 2-й гвардейский танковые корпуса утром 12 июля перешли в наступление в общем направлении на Яковлево.

Еще раньше, с рассветом, в полосе обороны 5-й гвардейской армии на реке Псел начала наступление танковая дивизия «Мертвая голова». При этом дивизии танкового корпуса СС «Адольф Гитлер» и «Рейх», непосредственно противостоявшие 5-й гвардейской танковой армии, остались на занятых рубежах, для того чтобы подготовить их за ночь для обороны.

На довольно узком участке от Березовки (30 км северо-западнее Белгорода) до Ольховатки произошло сражение двух танковых ударных группировок. Битва продолжалась целый день. Обе стороны несли большие потери. Борьба была на редкость ожесточенной. Потери советских танковых корпусов составили от половины до трех четвертей наличных сил.

Но в результате ожесточенного сражения в районе Прохоровки немцы не смогли решить поставленную им задачу: прорваться к Курску. Не могли переломить ход битвы и наши силы: слишком велики были потери. Но путь врагу на Курск был закрыт. Дивизии СС «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова» прекратили атаки и закрепились на достигнутых рубежах. Несколько потеснить советские войска смог лишь 3-й немецкий танковый корпус.

Хотя ударная группировка противника была остановлена, немецкое командование не отказалось от намерения прорваться к Курску в обход Обояни с востока. 16 июля войска, участвовавшие в контрударе Воронежского фронта, получили приказ командующего Воронежским фронтом о переходе к жесткой обороне. На следующий день немецкое командование начало отвод своих войск на исходные позиции.

Отметим, что самая мощная группировка советских войск наносила удар по наиболее сильной группировке врага не во фланг, а в лоб. Советское командование не использовало выгодную конфигурацию фронта, позволявшую нанести удары под основание вражеского вклинения в целях окружения и последующего уничтожения всей группировки немецких войск, действовавшей севернее Яковлево. Признаем также, что советские командиры и штабы, да и войска в целом еще не овладели должным образом боевым мастерством, а военачальники – искусством наступления. Под Прохоровкой советские войска потеряли 500 танков из 800, а немецкие – 300 из 400. Но если Красная армия могла быстро возместить потери в танковых войсках и отремонтировать большое число подбитых танков, для вермахта такие потери в танках были катастрофическими.

Контрнаступление советских войск началось 12 июля ударами с северо-востока и востока объединений левого крыла Западного и войск Брянского фронтов по оборонявшимся на орловском направлении немецкой 2-й танковой армии и 9-й армии группы армий «Центр». 15 июля нанесли удары с юга и юго-востока на Кромы войска Центрального фронта.

Концентрическими ударами войск фронтов была прорвана глубоко эшелонированная оборона

противника. Наступая по сходящимся направлениям на Орел, советские войска 5 августа освободили город. Преследуя отходящего врага, к 17–18 августа они вышли к оборонительному рубежу «Хаген», заранее подготовленному противником на подступах к Брянску. В результате Орловской операции советские войска нанесли поражение орловской группировке врага (разгромили 15 дивизий) и продвинулись на запад до 150 км. Войска Воронежского (с 16 июля) и Степного (с 19 июля) фронтов, преследуя отходящие вражеские войска, к 23 июля вышли на рубежи, занимаемые до начала оборонительной операции, а 3 августа перешли в контрнаступление на белгородско-харьковском направлении. Стремительным ударом советские армии разгромили войска немецкой 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» и 5 августа освободили Белгород. Вечером 5 августа в Москве впервые был произведен артиллерийский салют в честь войск, освободивших Орел и Белгород.

Развивая наступление и отразив сильные контрудары врага в районах Богодухова и Ахтырки, войска Степного фронта при содействии Воронежского и Юго-Западного фронтов 23 августа освободили Харьков. За три недели войска Воронежского и Степного фронтов разгромили 15 дивизий противника, продвинулись в южном и юго-западном направлениях на 140 км и расширили фронт наступления, который составил 300–400 км.

Итоги Курской битвы

Курская битва завершила перелом в ходе Великой Отечественной войны. В это действительно великое сражение было вовлечено более 4 млн человек, свыше 69 тыс. орудий и минометов,

более 13 тыс. танков и САУ, до 12 тыс. самолетов. Советские войска разгромили 30 дивизий противника (включая 7 танковых). Потери вермахта и войск СС составили свыше 500 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 3,7 тыс. самолетов.

Провал операции «Цитадель» навсегда похоронил созданный нацистами миф о «сезонности» советской стратегии, о том, что Красная армия может наступать только зимой. Курская битва привела к дальнейшему изменению соотношения сил на фронте в пользу Красной армии, окончательно закрепив за ней стратегическую инициативу и создав благоприятные условия для развертывания общего наступления на широком фронте. Германия и ее союзники были вынуждены перейти к обороне на всех театрах Второй мировой войны. Создались выгодные условия для развертывания действий американско-английских войск в Италии, было положено начало распаду фашистского блока: потерпел крах режим Муссолини, Италия вышла из войны. Под влиянием побед Красной армии возросли масштабы движения сопротивления в оккупированных немецкими войсками странах, укрепился авторитет СССР как ведущей силы антигитлеровской коалиции.

В Курской битве была успешно решена проблема создания крупных стратегических резервов и эффективного их использования, окончательно завоевано стратегическое господство в воздухе, которое удерживалось советской авиацией до завершения Великой Отечественной войны. В Курской битве впервые была решена проблема создания преднамеренной позиционной непреодолимой и активной оперативной обороны глубиной до 70 км. Глубокое оперативное построение войск фронтов

позволило в ходе оборонительного сражения прочно удерживать вторые и армейские полосы обороны и фронтовые рубежи, не допуская прорыва противника в оперативную глубину.

Но победа досталась дорогой ценой. Потери советских войск были велики: безвозвратные – 254 470 человек, санитарные – 608 833 человек. В Курской битве советские воины проявили мужество, стойкость и массовый героизм. Свыше 100 тыс. человек награждены орденами и медалями, 231 человек удостоен звания Героя Советского Союза, 132 соединения и части получили гвардейское звание, 26 удостоены почетных наименований Орловских, Белгородских, Харьковских и Карачевских.

Победа в Курской битве – не только заслуга армии. Тысячи мирных жителей – женщины, старики и дети – помогали своей армии. За 32 дня была построена железная дорога, соединившая Ржаву и Старый Оскол. На этой стройке круглые сутки работали тысячи людей. С введением этой ветки в эксплуатацию Воронежский фронт получил самостоятельную магистраль, которая выходила на линию Курск – Белгород и на ветку Ржава – Обоянь. Это освободило от доставки грузов огромное количество автомашин, которые подвозили все необходимое к линии фронта за 200–300 км. Было уложено 95 километров железнодорожного полотна шириной 5 метров, сооружено 10 мостов, построено 56 различных сооружений с подъездными путями. Протяженность главных и станционных путей составила 164 км, 24 км пути было реконструировано.

Курская область была награждена орденом Ленина, а город Курск – орденом Отечественной войны I степени. 27 апреля 2007 года Курску было присвоено почетное звание Города воинской славы.

ЭРА «КРАСНОГО МАРКИЗА»

Со второй половины 1960-х годов Евробанк стал крупным оператором в области внешней торговли
(окончание; начало – в №153/01–02 и 154/03–04)

НИКОЛАЙ КРОТОВ

«Красный маркиз» Ги де Буассон

Новым президентом парижского Евробанка (BCEN) после смерти Ильсума стал Ги де Буассон (Guy de Boysson), назначенный на эту должность 4 мая 1965 года. Его неслучайно прозвали «Красным маркизом» или «Красным бароном».

Это был высокий красивый человек, бывший чемпион Франции по теннису среди юношей и к тому же имевший большой чин во французском комсомоле. При этом он происходил из очень старинного рода, ничем особым, впрочем, себя не проявившим. Хотя известно, что предки «маркиза» принимали участие в Крестовых походах.

Сам будущий президент BCEN воевал во французском Сопротивлении и после войны был избран в Консультативную временную ассамблею (L'Assemblée Consultative

provisoire), совещательное собрание, созванное в сентябре 1943 года в Алжире в соответствии с ордонансом Французского национального комитета. А после Освобождения в 1944 году стал депутатом города Аверон и членом французской компартии.

10 ноября 1945 года был учрежден Всемирный день молодежи, и молодого политика избрали в Лондоне президентом Всемирной федерации демократической молодежи

«Он достаточно знатен, чтобы одеваться в твидовый костюм и не утруждать себя строгими темными костюмами традиционных председателей/управляющих директоров. Он живет в элитном квартале на авеню Ош, недалеко от площади Звезды». Так писал о Ги де Буассоне в середине

шестидесятых Жак Моран в журнале «Нуфель обсерватор».

Буассон – доктор юридических наук. У него четверо детей. Через свою жену он был связан с семьей Шеврильон (Chevrillon), принадлежащей к французской высшей буржуазии. Дядя супруги Андре Шеврильон (шурин банкира) – член Французской академии, литератор, выбравший Англию и Восток в качестве объектов исследования.

Де Буассон окончил Национальную школу администрации. Ecole Nationale d'Administration, ENA – питомник элиты, из ее выпускников, в народе называемых «энарками», комплектуются руководящие кадры страны, включая президентов и премьер-министров.

1 ноября 1952 года де Буассон поступил на работу в Евробанк, став одним из его директоров. Скорее всего, это было партийное назначение.

В период, когда он занял пост руководителя банка, развитие франко-советской торговли происходит в солидной институциональной структуре (среднесрочные и долгосрочные торговые соглашения и межгосударственные протоколы, в соответствии с которыми предоставляются сопутствующие кредиты). С этого времени товарообмен становится более организованным и в результате перестает зависеть от конъюнктурных политических ограничений.

Новый руководитель банка, будучи прирожденным дипломатом, придавал особое значение улучшению отношений наших стран. Он открывает банк для отечественных

предпринимателей и бизнесменов, расширяет его источники доходов за счет разнообразия проводимых банком операций.

Все отмечали, что Буассон в человеческом плане был очень демократичен, общался со всеми сотрудниками банка. Для него не существовало понятия «подчиненный».

До Буассона Евробанк был излишне замкнутым, имел ограниченный круг клиентов, в основном непосредственно связанных с СССР. Вторая половина 1960-х годов – время заключения крупных контрактов на поставку оборудования, в первую очередь в СССР, и финансирования строительства различных народнохозяйственных объектов в Советском Союзе и в странах – членах Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). В 1960-е годы начинается по-настоящему активная деятельность банка, ведь руководство СССР попыталось тогда сделать СЭВ своего рода социалистической альтернативой европейскому «Общему рынку».

Буассон приезжал в Москву только по очень серьезным поводам – в частности, уже в 1978 году Л. И. Брежнев наградил его орденом «Дружбы народов» в связи с 60-летием.

«В Госбанке ему решили сделать подарок, – вспоминал Сергей Таций, директор, а с середины восьмидесятых генеральный директор Евробанка. – Заказали недешевую, но, как оказалось, весьма двусмысленную вещь. В Москву прислали его фотографию и по ней на большой палехской шкатулке нарисовали портрет Буассона на фоне Спасской башни Кремля. Сделано все было мастерски, однако получалось, что он выглядел как бы кремлевским агентом».

Во время визитов «маркиза» в Москву председатель правления Госбанка В. С. Алхимов всегда вел гостя в ЦК КПСС, где француз

рассказывали, кому во Франции надо предоставить кредит, какие счета открыть, непременно обосновывая это политической целесообразностью. В свою очередь советские власти всегда шли на встречу Буассону, когда он обращался к ним с просьбой.

Не секрет, что Советский Союз, несмотря на наличие солидного золотого запаса, не располагал большими валютными резервами. При этом они должны были храниться на банковских счетах, открытых в западных странах, что делало их уязвимыми в случае развития международных конфликтов. В условиях строгого планирования импортовых и экспортных операций отсутствовала потребность в крупных резервах, так как в необходимых случаях платежный баланс мог регулироваться путем снижения закупок или увеличения поставок на экспорт. Кроме того, проценты, получаемые на размещаемые в западных банках вклады, были намного ниже реальной стоимости привлекаемых страной кредитов (иногда эта стоимость частично пряталась в повышенные цены на импортируемое оборудование и другие товары). По этим причинам валюту старались беречь, а для финансирования импорта всегда требовались кредиты. И они как раз предоставлялись в той или иной форме Евробанком и другими заграничными, контролируемые Москвой.

В описываемые годы банк был на подъеме. Два государственных банка – Госбанк и Внешторгбанк СССР, имевшие валюту, – осуществляли значительную часть внешних расчетов через парижский Евробанк и лондонский Моснарбанк. У Евробанка появились существенные ресурсы в виде привлеченных средств, за счет которых резко активизировались его операции. С 1960 по 1970 год они в основном были краткосрочными.

Социалистические страны, концентрировавшие основную часть своих операций в контролируемых СССР иностранных банках, тоже нуждались в кредитах. Евробанк их кредитовал, согласовывая лимиты кредитования с Госбанком СССР, который, в свою очередь, согласовывал их с политическим руководством страны.

Размещение временно свободных средств на межбанковском рынке в Европе, США или Японии стало происходить в еще больших размерах после 1976–1977 годов. Депозиты, получаемые от банков-корреспондентов в СССР и других странах социалистического блока, в основном перерасмещались с небольшой маржой в крупнейших западных банках, и советский банк в Париже был нетто-кредитором западного банковского сектора. Такое положение Евробанка, обладающего высокой ликвидностью и крупными резервами, создавало ему хорошую репутацию во французском банковском сообществе и гарантировало отсутствие проблем с органами банковского надзора Франции.

Усилению связей в банковских кругах и в среде крупных экспортеров способствовало также участие Евробанка во многих консорциальных кредитах, организуемых крупнейшими французскими банками.

Со всей континентальной Европой (в первую очередь с ФРГ, Италией) Внешторгбанк рассчитывался через Евробанк. Поэтому суммы на счетах в нем были колоссальные, и на них Внешторгбанку проценты не начисляли.

«Помню, только в марках ФРГ (в тех еще марках!) эти суммы достигали 50–150 млн. И это без процентов! И тут я вижу, что немецкие, итальянские банки предлагают нам лучшие условия! – рассказывал Томас Алибегов, генеральный директор Евробанка в начале восьмидесятых. – Тогда мы часть денег перебрали в Deutsche bank.

Приехали во Внешторгбанк и представители первого итальянского банка *Banco Commerciale Italiano* с хорошими предложениями. За ними – представители *Credita Italiana, BNL*. Накал холодной войны уходил в прошлое, Внешторгбанк получил доверие!»

В тот же период для противодействия возникновению дефицита пищевых продуктов СССР часто через Евробанк проводит закупки продовольствия (всегда большого размера): мяса, молочных продуктов, зерна, растительного масла и т.д. Для этого используются синдицированные кредиты, в которых *BCEN* порой становится организатором и платежным агентом.

Таким образом, Евробанк со второй половины 1960-х годов стал крупным оператором в области внешней торговли.

Тогда Франция с СССР подписала очень важные контракты. Они планировали поставку одиннадцати фабрик с запуском «под ключ» по производству гофрированного картона (60 млн франков), одного завода по переработке бытового мусора (18 млн), одного завода по производству ферментов (15 млн) и четырех заводов по производству сухого молока (53 млн франков). Предусматривался исключительный заказ на 250–300 млн франков на строительство целлюлозно-бумажных заводов. За всеми этими соглашениями стояли не только объединения крупных деловых или промышленных интересов, но и банковская организация, столь же незаметная, сколь и могущественная: Коммерческий банк Европы.

Пиком улучшения отношений СССР и Франции стал визит Президента Франции де Голля в Москву в июне 1966 года. Елисейский дворец готовился нанести еще один удар по доллару. Ранее, в феврале, де Голль вывел Францию из военного блока НАТО, и его

штаб-квартира переехала из Парижа в Брюссель.

Не менее важную роль банк играл в проведении советских экспортных операций – в первую очередь поставок в Западную Европу различного сырья: цветных металлов, нефти, леса, мехов, морепродуктов, хлопка, драгметаллов, а позднее и промышленных товаров. Часто для этого использовались смешанные по капиталу фирмы, организованные во Франции, в том числе и Евробанком. СССР экспортировал, в частности, автомобили, тракторы, часы и т.д. С другой стороны, по поручению Государственного банка СССР (Управления драгметаллов) *BCEN* проводил на западных рынках продажи золота, алмазов, драгоценных металлов. Эта роль, которую банк выполнял в течение нескольких лет, была передана в 1970-е годы другому совзагранбанку *Wozkhod Handelsbank в Цюрихе*.

«Пора ломать ситуацию...»

Имея в своем распоряжении большие суммы иностранной валюты, размещенные у него иностранными банками-корреспондентами, *BCEN* мог выходить на рынок как крупный кредитор, так и в качестве серьезно привлекательного заемщика.

Находясь на вершине своего развития, *BCEN* арендует дополнительно соседнее здание по адресу *Boulevard Haussmann, 77*. Оно в четыре раза больше, чем предыдущее.

Когда в 1969 году из Внешторгбанка в Париж приехал Виктор

Фото: Педро Ластра

Кривошеев, он стал третьим советским сотрудником Евробанка вместе с зампредом Сергеем Алексеевым и директором Робертом Цветковым.

Поскольку президент был французом, генеральная дирекция тоже состояла в основном из французов. От СССР в нее входил один С. А. Алексеев. Естественно, французы делали все, чтобы русские не мешали им работать. Вместе с тем и особых требований со стороны акционеров не предъявлялось – мол, контролируйте такие-то и такие-то операции. Считалось, что если в банке работают коммунисты, пусть и французские, то действовать в ущерб нашей стране они не будут.

«Госбанк разработал достаточно поверхностную форму отчетности, которая не давала никакого представления о реальной деятельности банка, – вспоминал Виктор Кривошеев, экономист Евробанка. – Мы ежемесячно отчитывались лишь о географическом рас-

пределении ресурсов. Сообщали, из каких стран мы привлекаем средства и в каких их размещаем. То есть упор делался в первую очередь на политические показатели. Такая отчетность полностью удовлетворяла Госбанк. Правда, до определенного момента. Пока не случился крах в 1976 году отделения Моснарбанка в Сингапуре».

В 1976 году в Госбанке СССР сменилось руководство, вместо М. Н. Свешникова председателем правления стал В. С. Алхимов. Новые веяния сказались и на работе Евробанка.

Многие собеседники автора называли период работы в совзагранбанках до начала 1970-х годов своим «золотым веком». Основную работу

проводил здесь местный персонал, а советские специалисты осуществляли общий контроль за проведением операций в той степени, в какой им позволяли профессиональные знания и личные качества.

И вот по всем каналам пошло указание на усиление советского

влияния в заграничных банках. Особенно это актуально было для Парижа. Мне рассказывали об этом некоторые тогдашние сотрудники Евробанка.

Судаков В. В.: «Нам уже предписывалось дублировать французский персонал и активно работать совместно с ним. Так, после двух лет работы в Париже мои обязанности

директора серьезно расширились. Я стал взаимодействовать и с французской клиентурой, и, что особенно важно, самостоятельно встречаться с представителями французских банков».

Советским руководителем в банке был опытный Г. А. Трусевич. Но председатель правления Ги де Буассон был настолько значимой фигурой, что на его лидерство в банке никто не мог претендовать.

Кондратюк Ю. Н.: «Георгий Леонидович Трусевич был очень хорошим, спокойным человеком, поэтому и атмосфера в банке была рабочей. Но должен признаться, что в банке управляли тогда всем французы, наши либо были на подхвате, либо ничего не делали. В этом была

особенность Франции. И многие коллеги-соотечественники упорно пытались доказать Москве, что советские представители не смогут руководить французским банком. Скорее всего, чтобы избежать ответственности. Тем более что на размере зарплаты это не отражалось».

Роль советских сотрудников заключалась в поддержании отношений с внешнеторговыми организациями СССР и с советским торгпредством. Еще помогали французским компаниям, которые искали выходы на наш рынок. В связи с тем что с Францией у Советского Союза всегда было активное сотрудничество, круг таких обязанностей был достаточно широк.

Новшества прививались с трудом. А. А. Дерябин, отправленный в начале 1979 года в качестве стажера на практику в Евробанк, прошел стажировку в экономическом отделе ЦК КПСС (в начале 1970-х годов существовала практика отправки специалистов в совзагранбанки на стажировку сразу на два года и с семьей. Потом срок сократили до года с семьей, а вскоре и до полугода без семьи). Заместитель заведующего отделом поведал ему, что многие попадают в Евробанк и прекращают проявлять активность, идут на поводу у французских специалистов. Как рассказывал Алексей Алексеевич автору, товарищ из ЦК напутствовал молодого специалиста словами: «Пора ломать ситуацию и проводить самостоятельную политику. Посмотрите, что можно сделать для повышения эффективности работы банка, и тогда от вашего пребывания там будет реальная польза».

Но когда стажер появился в Евробанке и стал выполнять пожелания старшего товарища, французы восприняли его инициативы в штыки.

Дерябин А. А.: «Они стали жаловаться на то, что из Москвы

прислали ревизора. И Ги де Буассону докладные писали, и во Внешторгбанк. Я увидел, что в Евробанке такая же система расчетов, как та, с которой мы еще недавно успешно боролись. Рассуждал так. «Если Евробанк на сто процентов наше, советское кредитное учреждение, то его статус и рейтинг должен соответствовать как минимум Внешторгбанку. А у них на счетах в разных банках валяются неиспользуемые деньги»».

Молодой специалист обошел все отделы, управления, во все вникал, все изучал. Попросил выписки за последние полгода по счетам Евробанка в американских банках и в банках ФРГ. И, обнаружив печальную картину, посетовал: «Как же вы такое допускаете, ведь рыночные ставки известны, надо всего лишь приложить минимальные усилия, поработать». Упущенная выгода даже на первый взгляд составляла порядка 3 ман долларов. Если пересчитать на сегодняшний курс, то надо эту сумму умножить как минимум на десять.

Дерябин попытался дать совет французским коллегам, поделился с ними опытом Внешторгбанка СССР, но они восприняли это с негодованием. Они считали американские банки монстрами, которым даже намекнуть, что пора жить и работать по-другому, невозможно.

«С другой стороны, их можно было понять, – говорил мне Алексей Дерябин. – Жили спокойно, все их устраивало. Деньги на все операции давал Советский Союз. С расчетов, депозитов и так далее получали комиссионные вознаграждения и проценты, которых хватало на их безбедное существование. Соответственно все катались как сыр в масле, и теперь их комфорт оказался под угрозой, пришел какой-то стажер и всех поучает. А в то время местные директора были важные, холеные,

породистые, с седыми бакенбардами по тогдашней банкирской моде. Конечно, все специалисты были людьми заслуженными, некоторые даже участниками движения Сопротивления. Но у них уже сложилась определенная система работы, свои отношения с их давними и устойчивыми партнерами в США, а тут какой-то выскочка предлагает все изменить»».

Возник нешуточный конфликт. Алексей Алексеевич написал письмо в Москву, руководству Внешторгбанка и в ЦК КПСС, приложил все расчеты, выписки. Объяснил, что, если изменить то-то и то-то, у все-таки советского банка, а значит, и у всей страны, появятся дополнительные реальные деньги. «Инициативщику» порекомендовали попросить Ги де Буассона, чтобы он как президент банка его принял. После прочтения объемистой докладной, в которой подробно и обстоятельно были изложены предложения, президент пригласил советского стажера и, по его словам, на удивление очень мило с ним побеседовал. Хотя встреча заняла буквально десять минут, они успели выпить по чашечке кофе, после чего Буассон сказал: «Вы правы, молодой человек. Я сейчас дам указание, и мы все начнем приводить в порядок». Так оно и случилось. Начали с банков США, потом ФРГ.

Да, в Париж отправлялись и другие не менее квалифицированные люди, но проблема состояла в том, что командировку в Париж в то время воспринимали как поощрение. Люди работали в Москве, подчас так напряженно, что к поездке за рубеж они относились как к своего рода отдыху. Тем более что от них практически ничего не требовали, и поэтому никто особо не напрягался. К тому же Париж всегда Париж, да еще в то время, когда он был абсолютно запретным плодом и несбыточной мечтой для советских граждан. Пребывание

в нем поневоле превращалось в элитный отпуск.

Судаков В. В.: «В конце 1970-х годов в Париж к нам на совет директоров приехали В. С. Алхимов с зампредом Внешторгбанка СССР А. Р. Макеевым. Вечером после окончания совета, как положено, организовали фуршет. И на следующий день нас всех собрали в торгпредстве. Там Владимир Сергеевич заявил, что есть претензии к Судакову, на него жалуются французы. Что, оказывается, я с ними не советуюсь, сам провожу переговоры, проявляю какую-то излишнюю активность. Я догадывался, откуда поступает эта информация. Местные коллеги уже поняли, что в знании банковского дела мы им не уступаем, и поэтому стали воспринимать нас в какой-то степени конкурентами!

Вот, не разобравшись с ситуацией, председатель правления Госбанка и высказал претензии, что я, несмотря на выданный мне «аванс», не могу наладить отношения с французскими коллегами. Начальство не любит признавать собственных ошибок, и на мою ссылку на предыдущие указания я получил ответ, что ничего не понимаю в проводимой политике. В монологе Алхимова даже прозвучала угроза моего отзыва. Я уже начал готовиться к возвращению на Родину, но на следующий день меня вызвал Альберт Родионович Макеев и сказал, чтобы я не волновался и продолжал спокойно работать. Он дал объяснения Алхимову, и тот все понял»».

В СССР активно готовились к проведению Олимпийских игр-80 в Москве. Была запущена программа выпуска олимпийских юбилейных монет. Уполномоченным по этому проекту был назначен крупнейший французский инвестиционный банк *Lazard Freres*. Ответственными за проведение этих операций с советской стороны

были председатель правления Внешторгбанка СССР Юрий Александрович Иванов и зампред правления Госбанка СССР Евгений Михайлович Кузькин.

Судаков В. Б.: «В связи с этим вспоминается нелепый случай, когда с *Lazard Freres* были уже согласованы все вопросы и подписаны документы, а через несколько дней цена на золото неожиданно серьезно повысилась. Тогда Ю. А. Иванову и Е. М. Кузькину высокие московские руководители дали задание провести новые переговоры с целью увеличения цены на уже проданные партии монет. Мне было поручено сопровождать нашу делегацию, хотя в переговорах непосредственного участия я не принимал. Переговоры были тяжелыми, однако в итоге оказались удачными. Но из-за огромного напряжения и эмоциональных перегрузок у Евгения Михайловича с правой стороны головы выпала прядь волос. То, что через два месяца они у него вновь выросли, чрезвычайно удивило врачей. Я рассказал о том эпизоде, чтобы еще раз подчеркнуть, насколько нелегким и даже опасным для здоровья может быть труд банкира.

Надо сказать, что Евгений Михайлович был удивительно порядочный и добрый человек, многим помогавший. Он блестяще говорил на французском языке. В Париже он 15 лет проработал председателем В/О «Экспортлес» и заместителем торгпреда, и здесь его очень уважали. Когда мы просто проходили с ним по Елисейским полям, практически на каждом шагу встречали знакомых, которые его обнимали и с которыми он душевно разговаривал»».

Следует еще отметить, что в то время Евробанк входил в категорию средних кредитных учреждений Франции. Он был меньше своего соседа из Лондона Моснарбанка. Но вместе с тем всегда пользовался

уважением местных коллег. В период войны в Афганистане, когда СССР фактически была объявлена кредитная блокада, Евробанк и Моснарбанк имели возможность привлекать средства на западном денежном рынке. Даже зная, что они передадут их во Внешэкономбанк, иностранные банки в нарушение установленного бойкота все равно продолжали с ними работать и поддерживать хорошие деловые отношения с советскими сотрудниками. Так что в тот период совзагранбанки сыграли огромную роль в привлечении столь необходимых для Москвы кредитов. Для того чтобы партнерам было легче работать с Евробанком, всюду подчеркивалось, что он является французским банком и работает по французским законам. Тем более что в банке действительно работали в основном французские банковские специалисты, известные и уважаемые.

Евробанк в то время уже активно сотрудничал более чем со ста странами, причем даже с теми, с которыми у Советского Союза не было дипломатических отношений, в частности установил тесные контакты с Латинской Америкой. Был окном в большой мир.

Кривошегов В. С.: «Хотелось бы особо отметить, что расцвет Евробанка до 1977 года стал возможен во многом благодаря тому, что нам удалось найти свою нишу. Начать с того, что у Евробанка никогда не было большой клиентуры, и поэтому он не составлял конкуренции для французских банков. Отношения с компартией, а это девяносто процентов клиентуры, у нас были абсолютно прозрачными. Компартия в лице ее фирмы «Интерагро» имела у нас официальный текущий счет. Наш банк ее кредитовал, делали это не только мы, но и многие другие солидные французские банки – в частности, *Credit Lyonnais*. Поскольку мы не создавали конкуренции французским банкам,

они нас охотно приглашали в свои операции. И здесь практика французских банков сильно отличается от англосаксонской системы. Там, если банк нашел клиента, то кредитовал его на сто процентов. А французы предпочитали распределять риски. Поэтому, чтобы прокредитовать какого-то крупного клиента, они создавали консорциумы, этикие пулы, куда приглашали и нас. Каждый банк давал по 10–15 процентов. Таким образом риск резко уменьшался. Что еще очень важно, наш банк, как и другие банки Франции, предлагали клиентам кредиты с гарантией *COFACE* (Французская компания *COFACE S.A.* была образована в 1946 году и в настоящее время является одним из лидеров на международном рынке кредитного страхования).

Впрочем, из-за того, что во Франции очень затяжное правосудие, возникают сплошные проволочки. Так, если клиент не вернул кредит, то приходится тратить уйму времени, чтобы получить возмещение от государства. Подчас несколько лет»».

Евробанк тогда же стал членом ассоциации иностранных банков во Франции. В ней периодически выбирали председателя – кого-то вроде дуайена. Если среди послов дуайен, то есть самый старший по возрасту, то банкиры выбирали старейшиной руководителя самого крупного банка. И так получилось, что Евробанк в конце 1970-х годов оказался самым крупным иностранным банком во Франции, таким образом дуайеном стал начальник отдела международных отношений Евробанка А. А. Дерябин. Ассоциация каждый год устраивала какие-то мероприятия, ознакомительные поездки. Участникам за их взносы предлагалось посетить различные районы страны на предмет возможностей для инвестиций, для общения с местными коммерческими кругами, банками. Советскому

работнику приходилось нелегко – иностранные банкиры во Франции оказались сплошь представителями дворянских родов Европы: герцоги, графы, виконты, бароны, испанские гранды. Все они были аккредитованы в Париже, который в этом смысле объединял всю европейскую знать, были элитой в буквальном смысле слова, прекрасно образованные, большинство уже в почтенном возрасте. И молодому Алексею Алексеевичу, недавнему стажеру, каждый раз приходилось открывать блистательное собрание, произносить яркие, искрометные, утонченные речи на французском языке.

Дерябин А. А.: «Первая моя поездка была в Лион. Принимал нас мэр города Раймон Барр, будущий премьер-министр Франции. Мне нужно было в его присутствии не ударить в грязь лицом. Дамы в вечерних туалетах, мужчины в смокингах. Этому нужно было соответствовать. Было нелегко, но благодаря таким поездкам у меня постепенно сложились теплые отношения со всеми моими коллегами из других банков. Ведь все выезжали с женами, дружили семьями, общались и в Париже.

Самой запоминающейся стала командировка в Бордо. Первым пунктом программы стоял военный авиационный завод, где собирали «Миражи». Затем – американский завод IBM, который во Франции делаал композитные элементы. И наконец, какое Бордо без вина. Конечно, Винная академия Жинесте (*Ginestet Wine Academy*).

У советских сотрудников банка был строгий порядок. Если собираешься куда-то ехать дальше сорока километров от Парижа, надо обязательно согласовать поездку в нашем посольстве. И вот меня приглашают в посольство и говорят: «Ты хоть понимаешь, Алексей, куда тебя приглашают. Мы к этим «Миражам» уже лет двадцать пять не можем приблизиться. А ты туда

поедешь, да еще во главе целой делегации. Ты уж там посмотри хо-рошенько, что к чему. Может, что и увидишь». Словом, вышел полный курьез. Представляю, сколько денег соответствующие ведомства истратили, чтобы в этот район по-пасть, да еще со спутников его ис-следовали. А меня сами французы приглашают. И вот мы едем, вокруг березовый лес, то и дело останав-ливаемся возле шлагбаумов с над-писями: «Стоять, запретная зона, проход и проезд запрещен». Нако-нец оказываемся в святая святых. Кругом снова надписи – совсем как у нас, типа «Болтун – находка для шпиона». Только на французском. И что меня поразило, так это абсо-лютно прозрачные стены внутри зданий – из стекла. Чтобы удобнее было контролировать все это ги-гантское пространство и рабочий процесс. Посетили мы и огромный зал, где собирают «Миражи». Нам дали возможность их рассмотреть, потом поводили по цехам, приве-ли в кинозал, показали рекламный фильм о возможностях француз-ских истребителей. Мой рассказ в посольстве произвел фурор. Ви-димо, хоть с чужих слов, им удалось что-то узнать. Может, я рассказал такие детали, которые нам кажут-ся неважными, а для специалистов они оказались существенными».

Советские работники жили в купленных банком в разное время квартирах, расположенных в раз-ных районах города, находящихся достаточно далеко друг от друга. Высшее руководство жило за Бу-лонским лесом, в пригороде Па-рижа Нейи. Всем были предостав-лены машины для передвижений. Банк же располагался в трех пооче-редно приобретенных зданиях, со-единенных между собой. Послед-нее покупали в начале 1980-х годов.

Недалеко от Парижа на берегу живописного озера Евробанк арен-довал пансионат, где в выходные дни отдыхали сотрудники. Однажды

во время состязания по рыбной ловле супруга А. А. Дерябина за-метила возле берега роскошную лилию и сказала мужу: «Смотри, какая красота». Француз, директор департамента, услышал ее слова, прямо в костюме спокойно вошел в воду, сорвал лилию и, встав на одно колено перед дамой, преподнес ей цветок, продемонстрировав истин-но французскую галантность.

Дым над Парижем

И еще одна история, рассказан-ная начальником отдела между-народных отношений Евробан-ка А. А. Дерябиным.

«Одним из самых ярких эпизо-дов моей работы в Евробанке стал приезд в Париж в конце 1970-х го-дов заместителя начальника валют-ного управления Внешторгбанка СССР Федосьи Петровны Евсее-вой. Мы все ее ученики, а я – самый прямой, так как пришел к ней на ра-боту во Внешторгбанк.

Евсеева приехала в Париж с се-кретным заданием. Ей поручили урегулировать долг Чили Совет-скому Союзу. Ситуация ослож-нялась тем, что там в 1973 году случился военный переворот: коммунистического президен-та Сальвадора Альенде свергли, и к власти пришел генерал Пино-чет. А мы в Чили поставляли мно-го чего, в том числе и по военной линии. Наши специалисты сели, посчитали долги и вывели опреде-ленную сумму, которая, по мнению руководства страны, нас бы впло-не устроила.

Где-то порядка 58 млн долла-ров. Но оставались опасения. Во-первых, новые чилийские власти могут с нашими подсчетами не со-гласиться и вообще сказать, что они за долги коммунистического прези-дента не отвечают. И во-вторых, что мы сами не сможем собрать все под-тверждающие поставки документы.

К тому же некоторые товары были еще в пути, когда в стране сменилась власть. Дошли они до получателя, не дошли, мы не знали. Да и часть поставленного оружия, очевидно, была уничтожена, поскольку там все-таки шли серьезные боевые действия. Но самое главное, что нас беспокоило – с Пиночетом у Совет-ского Союза не было дипломатиче-ских отношений. Именно поэтому в качестве посредника в урегулиро-вании долгов был выбран Евробанк. Все-таки он считался французским, и ему легче было поставить точку в этой истории.

И вот что мы придумали.

Одним из директоров в Евро-банке был некий мсье Понс. Ему поручили вести переговоры с чи-лийцами, которых специально пригласили в Париж. Федосья Пе-тровна сидела в соседней комнате, в которой было слышно каждое слово переговорщиков. Я сто-ял рядом с Федосьей Петровной и шепотом переводил ей, о чем го-ворилось. При этом мы предусмо-трели каждую мелочь. Например, разработали целую систему услов-ных знаков, с помощью которых вызывали Понса. Например, мы определенным образом постуки-вали в стенку, не просто так входила в зал переговоров и секретарь с чашкой кофе. Понс сразу пони-мал, что ему необходимо зайти к нам и получить ценные указания.

Переговоры продолжались не-сколько дней. Чилийцы прислали заместителя министра финансов и заместителя председателя прав-ления национального банка. Уже новых, назначенных Пиночетом. Понс показывал им сборные ве-домости, где все задолженности были расписаны по позициям. Например, такое-то внешнеторговое объедине-ние подписало такие-то контракты на следующую сумму... А Федосья Петровна под каждую поставку при-везла с собой конкретные бумаги, подтверждающие наши претензии.

Все документы пришли в Париж диппочтой, они заняли в банке по-ловину комнаты. Понс их демон-стрировал и предлагал подтвердить каждую позицию. Показывал печати, подписи таможни, все было на месте. Так же как и сверка расчетов и обо-снований. Мы ведь в Москве не зна-ли, как сложатся переговоры, а день-ги требуют точности.

Что же происходит дальше? К на-шему изумлению, партнеры со-глашаются с запрашиваемой нами суммой. К счастью, они не стали глубоко копать. Только попроси-ли сделать несколько уточнений. Потом связались с руководством, чуть ли не с Пиночетом, и тот им дал указание подписать соглаше-ние об урегулировании долга. Фе-досья Петровна отправила в Мо-скву шифровку, что переговоры успешно закончились и следует ждать поступления денег.

Но подписать – это одно, а полу-чить деньги – совсем другое. Поэто-му Евсеевой велено было остаться в Париже еще на несколько дней, чтобы убедиться, что средства в Москву поступили. Ведь ей нужно было довести дело до конца и отчи-таться перед правительством. Фе-досья Петровна отдыхала после труд-ной работы, я показывал ей Париж. Наконец из Москвы приходит шиф-ровка, что деньги получены. Мы перевезли всю кипу финансовых до-кументов в наше торгпредство, что-бы оттуда переправить их в Москву. Федосья Петровна купила билет на обратную дорогу.

Но в самый последний момент с «Большой земли» приходит шифровка с указанием создать го-сударственную комиссию по унич-тожению всех документов, каса-ющихся переговоров. То есть той массы, теперь уже бумаги, которая лежала в торгпредстве. Причем в состав комиссии должны войти только те, кто имел прямое отно-шение к операции, то есть пред-седателем комиссии могла стать

Федосья Петровна Евсеева, а един-ственным членом комиссии – я. Причем уничтожать все следовало по описи, и нам нужно было предъ-явить начальству акты о том, что мы уничтожили документы всех внешнеторговых объединений.

И тут мы с Федосьей Петровной слегка приуныли, не представляя, как можно вдвоем уничтожить та-кую грудку макулатуры. Повторяю, знать о содержимом документов не имели права никто, кроме нас. Пришлось искать выход. Нас спас-ло то, что советское торгпредство во Франции находилось в здании, где во время оккупации было ге-стапо. Естественно, там были и подвалы. Видимо, с пыточными камерами. До войны здание тоже было советским, и немцы выбрали его потому, что под ним оказалась целая система подземных ходов, которые они переделали под ка-меры. Чтобы все это подземное хозяйство топить, фашисты уста-новили там печь. Федосья Петров-на составляла акты уничтожения, указывая, какой документ отпра-влять в печь, а я работал истопни-ком, таская пачки с документами в подвал, и, вооружившись ко-чергой, шуровал в топке. Не ста-рушке же кочегарить! Мы жгли документы три дня, практически не вылезая из подвала; еду нам носили прямо туда. Парижане, на-верное, обалдели – из трубы над советским постпредством, долж-но быть, трое суток валил черный густой дым.

Наконец все сгорело. Наш за-ключительный акт занял несколь-ко десятков страниц, и мы, члены государственной комиссии из двух человек, его подписали.

Кстати, после этого за успешно проведенную операцию Федосью Петровну наградили орденом Ле-нина, а меня в качестве вознагра-ждения, да еще по просьбе францу-зов после стажировки оставили в Евробанке. Вот и все».

ОБРАЗЫ ЛЕТНЕЙ СВЯТОСТИ

*В конце июля празднуется память святой Ольги,
а в конце августа Церковь вспоминает святую Монику*

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

Василий Сазонов. «Первая встреча князя Игоря с Ольгой». 1824

Святые Ольга и Моника, память которых украшает церковный календарь летнего времени, являются удивительным по своей назидательности примером женской и материнской праведности.

РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ ОЛЬГА

24 июля Церковь празднует память святой равноапостольной княгини

Ольги, одной из наиболее почитаемых русских святых. Ольга – первая из русских правителей, принявшая святое крещение. Празднуя память святой Ольги, Церковь благодарит Бога за ее личное обращение, а также за то благотворное влияние, которое она оказала на своего внука, Крестителя Руси, равноапостольного Князя Владимира (956–1015).

Церковь именует Ольгу «равноапостольной». История происхождения такого термина

по отношению к святым одновременно символична и курьезна. Дело в том, что император Константин Великий I (+337) перед смертью принял крещение и завещал похоронить себя в храме Святых Апостолов в Константинополе, который сам построил.

Важно понимать, что подписание Миланского Эдикта в 313 году, проведение в 325-м в Никее Вселенского Собора, объединившего епископат христианской Церкви

для решения доктринальных вопросов, а затем и принятие крещения императором, стали этапами события поистине революционной важности. Перед восшествием Константина на престол христиан в империи было меньшинство. В конце его правления христианство фактически сделалось официальным исповеданием веры. Более того, сам термин «православие» стал обозначать принятую в Римской империи интерпретацию христианского учения.

Император был погребен в церкви Святых Апостолов. Символическим образом он упокоился рядом с ними, стал «одним из них». Это и положило начало именованию самого Константина равноапостольным.

Однако, помимо этого решения, заслуги его перед Церковью и христианством в целом были весьма велики. Поэтому со временем название Константина равноапостольным стало выражением благодарности Церкви как Народа Божия и институции за его труды. Таким образом, происхождение термина «равноапостольный» первоначально было «политическим». Со временем так стали именовать великих миссионеров – к политическому смыслу термина добавилось значение теологическое.

Итак, по аналогии с Константином Церковь именует «равноапостольными» тех правителей, которые для своих стран стали просветителями и крестителями. Кроме того, впоследствии равноапостольными стали именоваться святые миссионеры. Это были те проповедники, благовестники, распространители веры Христовой, которые почитаются народом Божиим в лике святых.

При этом имя «равноапостольный» по отношению к тому или иному святому необязательно является синонимом успеха их дела.

Так, в случае Кирилла (827–869) и Мефодия (815–885), которых Церковь также именует равноапостольными, историческая миссия по славянскому просвещению Моравии еще при их жизни сошла на нет. Миссия православного просветителя Японии, близкого нам по времени Николая Касаткина (1836–1912), по статистическим данным, была менее успешна, чем соответствующая миссия протестантов и католиков за те же годы. Важно понимать, что статистикой не измерить апостольство.

Но вернемся к святой Ольге. Согласно житию, она родилась около 890 года близ Пскова. Уже в 903 году она стала супругой Игоря (878–945), которому, согласно летописям, в 912 году было суждено взойти на великокняжеский престол. Столь ранний брак по тем временам с точки зрения права не был редким явлением. По средневековым церковным правилам, заключение брака допускалось весьма рано. Судя по всему, супружество Игоря и Ольги было стабильным и удачным, однако в 945 году князь был убит. Ольга стала фактическим правителем Руси из-за малолетства своего сына Святослава (942–972).

При этом ни Игорь, ни Ольга не были христианами. Хотя точных сведений об этом не сохранилось, в силу своего происхождения они, скорее всего, разделяли языческие представления варягов и славян. Ольга, возможно, была славянкой, ее супруг – из племени варягов. Вместе с тем само ее имя, происходящее от германского слова «святой» или «священный», говорит в пользу ее скандинавского происхождения. По-видимому, на «языке оригинала» оно звучало как Хельга.

Важнейшим деянием Ольги на княжеском престоле было крещение в 955 году. По свидетельству летописцев, Ольгу крестил

Патриарх в Константинополе, а восприемником, то есть крестным отцом, был сам император. Позднейшие просвещенные историки подвергли эту версию сомнению, видя в ней своего рода наивное честолюбие народа-подростка, каковым была тогда Русь. Возможно, что Ольга крестилась в гораздо более скромных обстоятельствах, приватным образом у себя на родине.

Но думается, что летописи не лгут. Ведь то имя, которое Ольга получила в крещении (а Ольгу называли Еленой), вне всякого сомнения было именем-проектом. У Ольги был сын Святослав. Святослав, которому, если продолжить эту логику именования, по аналогии с равноапостольными Константином и Еленой, надлежало стать Константином.

Та первая, древняя, римская Святая Елена была матерью императора. В 330 году именно он, Константин, основал на берегах Босфора Новый Рим – город, который вскоре назовут его именем.

Константин соорудил и храм Святой Софии. В нем, разрушенном и тотчас построенном заново в VI веке Великим Юстинианом, и была крещена Ольга. Согласно летописи, княгиню крестил Патриарх Феофилакт (933–956), восприемником выступил император Константин VII Багрянородный (945–959). Жить ему после этого события оставалось всего четыре года. Примерно столько же Ольге оставалось править. В 961 Святослав вступил на престол и правил до своей трагической гибели в 972 году.

В 1453 году Константинополь, ставший к тому времени городом-государством, пал под ударами османов. Храм Святой Софии, название которого, исходя из семантики древней терминологии, следует понимать как «Храм Христа Спасителя», стал военным трофеем

Владимир Святославич на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде

Султана Мехмета (1432–1481). Завоеватель въехал в Собор на коне и вскоре превратил храм в мечеть.

По удивительному совпадению, служба, то есть богослуженное последование в честь святой, было написано сербским и русским богословом и автором литургических текстов и житий святых Пахомием Логофетом (+1484) в 1453 году. Именно в этом году 30 мая произошло падение Константинополя.

В 1935 году храм Святой Софии стал музеем, а в 2020-м – снова мечетью... Причем повторная трансформация произошла 24 июля – ровно в тот день, когда наша Церковь празднует память равноапостольной Ольги. Жития святых, подобно литературе постмодерна, часто богаты совпадениями. Подобные совпадения хранят предостережение!

Византийский проект «Ольга – Елена – Константин» не удался. По свидетельству тех же летописцев, сын ее Святослав отказался воспринять христианство. При этом в отличие от многих властителей того времени, желавших, подобно столь многим сегодня, обратить реки времени вспять, он во все не ненавидел христианство. Согласно летописи, оно казалось ему неподходящим для полководца.

Филипп де Шампейн. «Святой Августин». Между 1645 и 1650

С 961 года он стал правителем Руси. Так что покрестить свою страну Ольга не сумела, а может, попросту не успела.

Но История продолжила свой ход. Ответ свыше на константинопольский проект «Крещения Руси» не заставил себя долго ждать. Уже в 970 году, то есть

спустя всего пять лет после крещения Ольги, Святослав едва сам не взял Константинополь. Армия князя стояла под его стенами. Патриарх в Святой Софии просил Бога об избавлении верующих.

Но Ольга умела ждать. Ей удивительным образом хватило мудрости не крестить Русь,

воспользовавшись малолетством сына. Она не строила планов. Не строила великих церквей. Христом Спасителем Ольге была дарована Благодать Ожидания. Способность ждать и скорбеть – удивительная, роднящая человека и Бога в Писании способность.

Так получилось, что эта, пожалуй, самая неудачливая (в плане успешности личной миссии или проповеди) равноапостольная святая в истории, по сути создала то, что едва ли удавалось кому-либо другому. Ольга не создала великую поместную Церковь и не построила множество храмов, но своим ожиданием она возвела лестницу в небо. Это была та самая лестница, по которой вскоре, в 988 году, возшел Креститель Руси Владимир, которого современники назовут Красным Солнышком.

Спустя восемь лет после Крещения Руси, в 996 году, князь Владимир перенес мощи святой Ольги в построенную некогда ею Десятинную церковь. Древняя Церковь, а таковой в значительной степени была Русская Церковь в первый период своей истории, не знала формальных регулярных канонизаций святых. Поэтому в соответствии с другой древней традицией Церкви, именовавшей дни кончины мучеников и праведников «днями рождения», день памяти почитаемого святого полагался на день его отшествия к Богу. Таким образом, празднование в честь Ольги было установлено в день ее кончины 11 июля по Юлианскому календарю. Напомним, что по современному светскому календарю этому дню соответствует 24 июля. Ольга отошла ко Господу в 969 году.

Нередко святую Ольгу ошибочно воспринимают как успешного государственного деятеля. Она представляется как своего рода предварительный креститель Руси, до князя Владимира и крещения в 988 году, окончательного, торжественного

и решительного. Но константинопольский проект Ольги не удался. Об этом важно не забывать.

Однако, если то что летописцы повествуют о Владимире до его крещения, соответствует исторической действительности, то Ольга, несомненно, должна была скорбеть о том, что сын ее отказался разделить ее убеждения. Внук ее рос язычником и развивался в обратном христианству направлении, привычка ко греху, согласно летописям, в нем делалась закоренелой. Так в этой своей скорби Ольга уподобилась многим скорбящим святым матерям, среди которых и мать святого Августина Моника.

СВЯТАЯ МОНИКА

28 августа Церковь празднует память святого Августина. Русская философская традиция именует его блаженным Августином. По причине того что в нашей современной православной терминологии «блаженными» принято называть святых, добровольно или в силу особенностей характера отказавшихся от реализации своих интеллектуальных способностей, употребление этого термина по отношению к Августину следует избегать. Августин был одним из величайших Отцов Церкви, философом и богословом.

В конце августа 430 года он отошел ко Господу в осажденном вандалскими племенами городе Иппоне (ныне это алжирский город Аннаба). В этом городе Августин был епископом христианской Церкви на протяжении более чем тридцати лет.

По традиции накануне дня памяти Августина, 27 августа, Церковь вспоминает его мать – святую Монику (331–387).

Подобно Эмилии Кесарийской (+375), Нонне Назианзской (+374) и Анфусе Антиохийской

(324–?) – матерям Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, – Моника была одной из тех великих жен, которые воспитали великих учителей вселенского христианства. Без них история Церкви и мира была бы иной. Святые матери Отцов Церкви подлинно достойны почитания.

Мать величайшего из западных Отцов Церкви родилась в Тагасте, современном алжирском Сук-Ахрасе, в 331 году. В возрасте 22 лет она родила Августина, в 371 году она овдовела.

Муж Моника Патрикий, или в современной транскрипции – Патрик, перед смертью принял крещение. Такая традиция, по сути превращавшая сакраментальное водное крещение во оставление грехов в омовение перед смертью, была в древности повсеместной. Парадоксальным образом именно будущее учение позднего Августина способствовало отмене этой практики.

Смерть отца не изменила отношения будущего Отца Церкви ко христианству. Он пребывал в религиозных заблуждениях, подобно Апостолу Павлу до его обращения, в интеллектуальном плане преследовал Церковь (1 Кор.15,9), отрицая осмысленность христианства и насмехаясь над библейскими ветхозаветными основами веры во Иисуса Христа. Святая Моника молилась за сына, молитва ее тогда была основана на убеждении христиан Карфагенской Церкви в том, что Бог силой благодати может изменить волю человека, надломить ее преобразованием в Жажду Добра (ср.Лк.14,23). Вера, молитва и терпение святой Моника принесли свои плоды.

В 387 году, в ночь на Пасху 24 апреля, Августин крестился в Милане от святого Амвросия. Спустя несколько месяцев, 13 ноября Моника отошла ко Господу в римской Остии.

Помимо своего первенца Августина, Моника родила сына Навигия и дочь Перпетую (+423).

Последняя также прославлена во святых.

Обращение Августина в христианство стало результатом личного поиска и сложнейшей духовной эволюции. Однако сам он верил и утверждал, что христианином он стал предопределением Бога по молитвам матери. В своих поздних произведениях Августин настаивал на том, что знание об этом он получил свыше по божественному откровению в момент епископского рукоположения.

Помимо дня памяти Моника 27 августа, Православная Церковь празднует память святой 17 мая, а также 14 (27) июня, накануне другого дня памяти Августина в некоторых православных Церквях. Напомним, что 28 июня наша Церковь чтит память Отца Церкви соборно, то есть совместно с другим великим представителем древней западной православной традиции, переводчиком Библии на латынь Иеронимом (347–420).

Интересно, что майское празднование в честь матери блаженного Августина связано с перенесением части мощей святой из Рима в августинское аббатство Арруэз на севере Франции в 1162 году.

Основанный в 1090 монастырь во имя святителя Николая нуждался в особом небесном заступничестве Августина, монашеским уставом которого руководствовался. Очевидно, что почитание самого Отца Церкви в те времена было весьма велико. Августин именовался «Матрицей всех заключений» и «Отцом Отцов». Мощи его покоились в северном итальянском городе Павии. Поэтому принесение какой-либо древней реликвии, связанной непосредственно с ним самим, не представлялось возможным.

Напротив, почитание матери Августина Моника начало распространяться в Церкви лишь семь веков спустя после ее праведной кончины. На рубеже первого

Пьеро делла Франческа. «Святая Моника». Между 1455 и 1460

и второго тысячелетий христианской эры оно весьма возросло и продолжало несказанно распространяться вплоть до нашего времени. Получается, что перенесение мощей во Францию и начало расцвета ее почитания именно в ту эпоху взаимно переплетаются. Как и многие святые, церковные и монастыри, некогда весьма

славная Обитель святого Августина прекратила свое существование во времена Французской революции 1789 года. Но перенесение мощей святой, связанное с обстоятельствами расцвета обители, таинственным предопределением Бога, стало одной из дат празднования памяти Моника в Православии.

«ТРОИЦА» АНДРЕЯ РУБЛЕВА ВНОВЬ В ЦЕРКВИ

4 июня 2023 года в Храм Христа Спасителя была принесена икона Святой Троицы, написанная преподобным Андреем Рублевым

ЕКАТЕРИНА ЛУГОВАЯ

Выступая на заседании Священного Синода 16 мая 2023 года, патриарх Кирилл рассказал, как было принято решение о передаче святыни Церкви.

Предстоятель Русской Церкви сообщил, что обратился с письмом к главе Администрации президента Российской Федерации, где, в частности, говорилось: «Как Вам известно, в собрании Государственной Третьяковской галереи хранится икона Святой Троицы, написанная в XV веке преподобным Андреем Рублевым. До 1917 года икона принадлежала Свято-Троицкой Сергиевой лавре и располагалась в иконостасе Троицкого собора. В этом году праздник Троицы приходится на 4 июня. Принимая во внимание особую историко-культурную ценность данной иконы, полагаю правильным в этом году организовать ее принесение на праздник Святой Троицы из Третьяковской галереи в кафедральный соборный Храм Христа Спасителя города Москвы с пребыванием иконы в этом храме в течение двух недель, дабы обеспечить возможность доступа к ней широкому кругу верующих. Министерство культуры Российской Федерации не имеет возражений к принесению иконы Святой Троицы в Храм Христа Спасителя на означенный период».

В ответ на это обращение, как сообщил патриарх Кирилл, «президентом Российской Федерации

было принято историческое решение о возвращении иконы Святой Троицы Русской Православной Церкви». Предстоятель добавил, что «мы могли только мечтать о том, чтобы эта святыня была возвращена Церкви, чтобы народ наш мог молиться перед этой святыней, испрашивая благословение Божие и на страну, и на Церковь...»

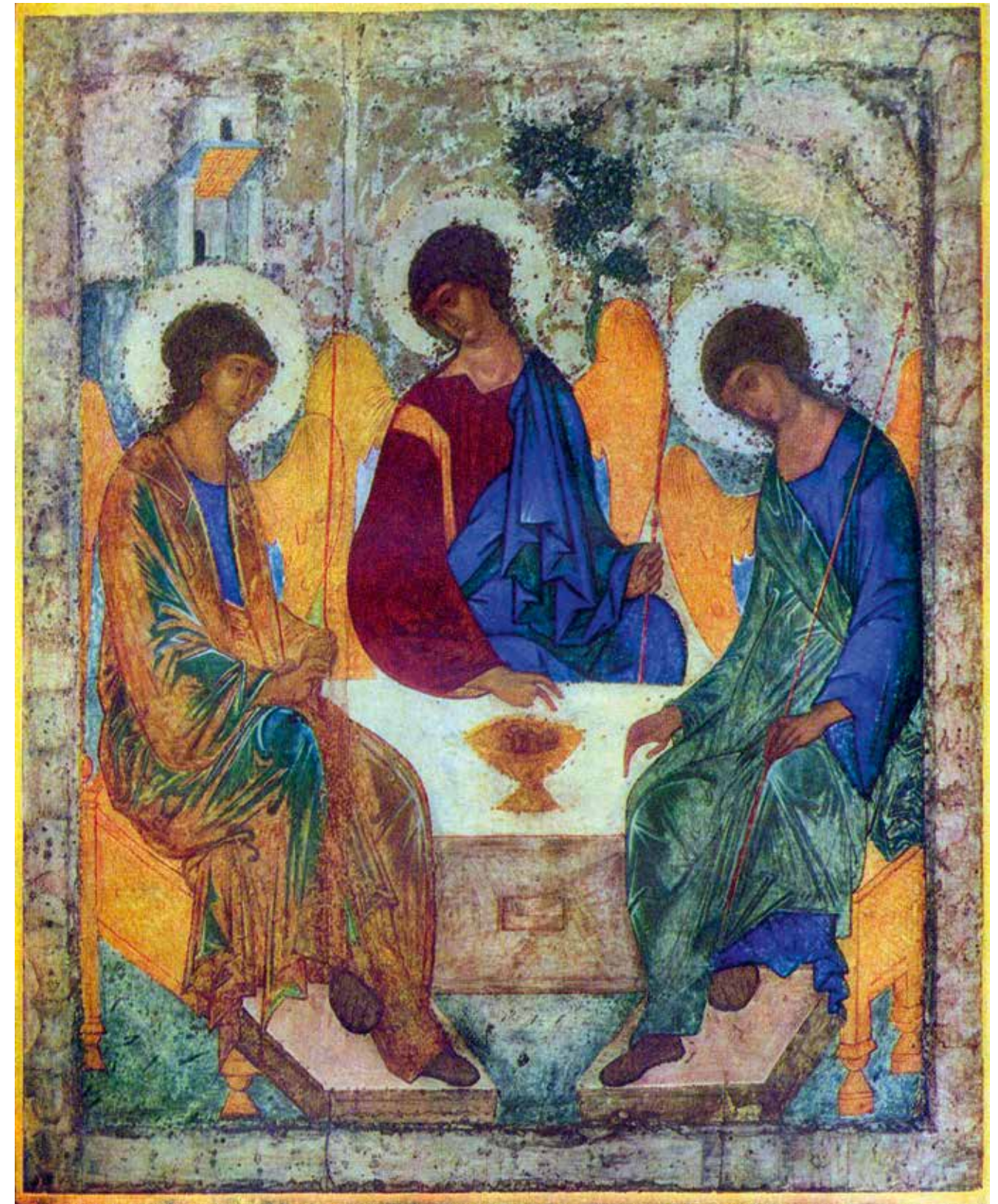
Временем рождения Андрея Рублева большинство исследователей считают дату около 1360 года, однако эта дата условна. «Описание о российских святых» сообщает, что преподобный скончался в 1430 году «в старости велицей». Считая, что «старость великая» наступала в семьдесят лет, исследователи арифметическим расчетом получают 1360 год. Существует также мнение, что Рублев родился в 70–80-х годах XV века, поэтому он не упоминается в источниках до 1405 года. О родителях иконописца известия не сохранились. Некоторые исследователи выводят прозвище Рублев от слова «рубель» (обозначает инструмент, употреблявшийся для накатки кож) и считают, что это может свидетельствовать о происхождении Андрея Рублева из старинной ремесленной семьи.

Установить место рождения Андрея Рублева и начало его творческой биографии пока не представляется возможным. Сохранившиеся сведения связывают его имя с Москвой или

с выполнением московских заказов. Время монашеского пострига святого определить трудно, вероятно, это произошло незадолго до 1405 года. Житие преподобного Сергия и более поздняя агиографическая традиция свидетельствуют, что скорее всего иноческая жизнь Андрея была связана с Андрониковым монастырем.

В «Отвещании» преподобного Иосифа Волоцкого «учителем» Рублева назван иконописец Даниил, его друг и сопостник. Возможно, преподобный Иосиф говорит здесь о духовном ученичестве. «Отвещание» сохранило черты духовного облика Андрея, который через «великое тщание о постничестве и иноческом жителстве» сумел «ум и мысль возносить к невещественному и Божественному свету». В праздничные дни, когда нельзя было заниматься иконописанием, Андрей и Даниил созерцали иконы «и, на тех неуклонно зряще, Божественныя радости и светлости исполняхуся».

Иконы письма Рублева необыкновенно ценились. По свидетельству «Сказания о святых иконописцах», все они считались чудотворными. Среди знатоков и собирателей рублевских икон был преподобный Иосиф Волоцкий. Уважение, которым при жизни был окружен Андрей Рублев, «муж превосходящий всех в мудрости», «иконописец преизрядный»,

Андрей Рублев. «Троица». Икона начала XV века

Спасский собор Андроникова монастыря в Москве

вскоре после смерти переросло в почитание его как преподобного. В XVI веке появились изображения Андрея Рублева в нимбе на миниатюрах.

В Житии преподобного Сергия сказано, что последней работой Андрея Рублева были фрески Спасского собора Андроникова монастыря и что преставился преподобный в этом монастыре. Житие преподобного Никона сообщает, что последней работой Рублева была роспись Троицкого собора, после которой он в скором времени скончался.

В 1988 году Собор Русской Церкви причислил Андрея Рублева к лику общецтимых святых, тогда же была составлена служба преподобному. 3 апреля 2001 года Священный Синод утвердил орден Андрея Рублева (3 степени), присуждаемый иконописцам за заслуги в области церковного искусства.

Заведующая кафедрой христианской культуры Библейско-богословского института св. Апостола Андрея и преподаватель Коломенской духовной семинарии И. К. Языкова считает, что икона «Троица» – одна из самых таинственных. «Когда я стала заниматься именно богословием иконы, а меня всегда интересовала не только художественная сторона, но и богословский смысл, сокрытый в образе, то «Троица» была, конечно, в центре моего внимания. Я открыла в этом образе целый богословский клад, увидела в нем молитву, воплощенную в красках, целый трактат о Святой Троице. Никто, может быть, глубже не сказал о тайне Божественного Троиинства так, как «сказал» Андрей Рублев», – добавляет искусствовед. Она же поясняет, что «новизна иконы в первую очередь в том, что Рублев сосредоточил все свое внимание именно на трех Ангелах. До него

изображали в основном «гостеприимство Авраама» – сюжет 18-й главы «Книги Бытия», когда к Аврааму в дом пришли три Ангела. «Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли...» («Книга Бытия». 18:2). Исходя из повествования этой главы, становится ясно, что Аврааму явился сам Бог.

Хотя нет единства ни среди святых отцов, ни среди иконописцев в толковании этого сюжета, кто-то утверждал, что перед Авраамом тогда явилась Святая Троица. И иконописцы изображали трех Ангелов в одинаковых одеждах, указывая на их единство и равенство друг другу. Другие богословы говорили о явлении Бога в сопровождении двух Ангелов. Тогда одного из них изображали в одеждах Христа.

Андрей Рублев, устраняя бытовые детали сюжета – Сарру и Авраама, слугу, который закалывает тельца, то есть все, что писали иконописцы до него, – вводит нас в непосредственное созерцание тайны самой Троицы. Вообще, эта икона интересна тем, что она многопланова, ее можно прочесть по-разному несколько раз: и как явление Христа, потому что средний Ангел изображен в одеждах Спасителя. Ее можно прочитать и как образ Троицы – все три Ангела написаны практически с одинаковыми ликами. Но перед нами не иллюстрация Бога. На этой иконе, как в богословском трактате, раскрывается то, что святые отцы называли «Троица во Единстве» – один Бог в трех Лицах, или Ипостасях. В образе также отражен и литургический аспект. Силуэты двух Ангелов, сидящих по бокам, образуют собой чашу. И на престоле посередине стоит чаша – символ Евхаристии, Жертвы Христа».

По мнению известного богослова протоиерея Павла Великанова, «перед иконой Святой Троицы Андрея Рублева можно стоять часами. Разве эта икона, с неземной гармонией цветов и линий, глубоким внутренним покоем ангельских ликов, не шедевр изобразительного искусства?.. Но почему именно этому изображению было суждено стать выразителем православного учения? Очевидно, здесь дело не только в непревзойденном мастерстве кисти художника. Разве мало в мире шедевров? Иконописец удивительным образом смог прикоснуться к глубокой тайне – тайне Бога».

Священник также обращает внимание на то, что икона Святой Троицы, написанная Андреем Рублевым, не есть только шедевр изобразительного искусства. Иконописец, по мнению отца Павла, мог отразить в ней глубочайшую христианскую истину: Бог не только есть Вечная Любовь Трех Лиц. Эта любовь обращена к человеку, она зовет внутрь Предвечного Совета! Именно это выражено в композиции иконы, при которой смотрящий ощущает себя как бы внутри круга обращенных к нему Божественных Лиц. Ведь Бог, в которого верят христиане, не есть Главный Надзиратель или тем более Великий Мститель. «Он есть Любовь, которая смотрит в глаза – и ждет вашего ответа».

История возвращения Церкви иконы не является простой: со стороны музейного сообщества звучат опасения относительно ее сохранности. Нет никаких сомнений, что Церковь не менее заинтересована в том, чтобы великая святыня была в безопасности. Но логика, которая еще во времена богоборчества предполагала, что произведения христианского искусства нужно охранять от верующих, должна быть оставлена в прошлом раз и навсегда.

«РАДОСТЬ МОЯ, ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!»

Серафим Саровский: «Все, происходящее от Бога, – мирно и полезно и приводит человека к смирению и самоосуждению»

ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВА

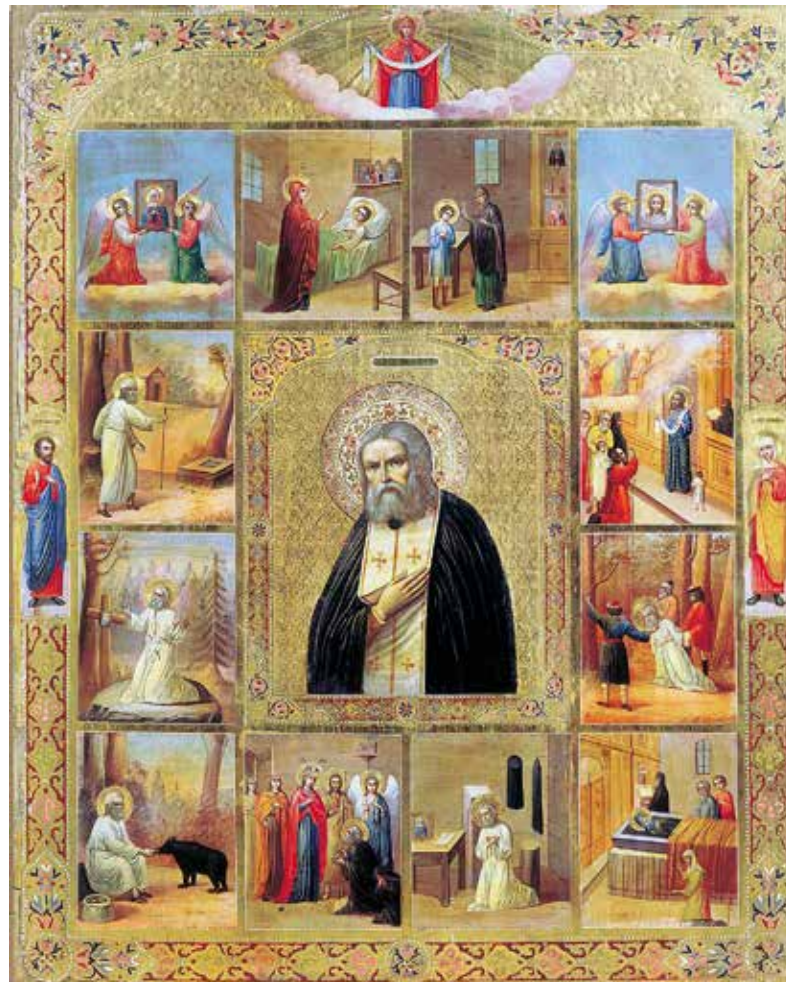
Этим летом Русская Православная Церковь чтит память преподобного Серафима Саровского, одного из наиболее почитаемых святых христианского мира.

Родился Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин) 19 июля (1 августа) 1754 года (по другим данным в 1759 г.) в богатой семье курского купца Исидора Мошнина и его жены Агафьи.

Прохор рано потерял отца и рос тихим, не похожим на своих сверстников мальчиком. Он чудом избежал смерти, упав в семилетнем возрасте с колокольни строящегося Сергиево-Казанского собора, а в 10 лет исцелился от тяжелой болез-

ни, когда во время крестного хода мимо его дома пронесли икону Знамения Пресвятой Богородицы и мать вынесла его на руках для поклонения иконе.

После чудесного исцеления Прохор с усердием начал изучать грамоту и, обладая превосходной

Серафим Саровский с житием. Икона начала XX века

памятью, вскоре уже читал Священное Писание и книги религиозного содержания и все более и более укреплялся в своем решении стать монахом. Совершив в 1776 году паломничество в Киево-Печерскую лавру и получив благословение старицы Досифеи, он направился

в Саровскую обитель Тамбовской губернии. «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие будет тебе во спасение. С помощью Божьей там окончишь ты и свое земное странствование. Святой Дух, Сокровище всех благих, управит жизнь твою во святине», – предрекла старица.

В 1778 году юноша принял в Саровской обители послушание и постриг, став послушником у старца Иосифа. В 1786 году Прохор принял монашество, получив новое имя Серафим. Вскоре он был посвящен в иеродиаконы, а 2 сентября 1793 года рукоположен в иеромонахи.

По прошествии некоторого времени Серафим, получив благословение настоятеля монастыря, оставил обитель и стал вести отшельническую жизнь в лесу, в пяти верстах от монастыря. Большую часть времени он проводил в молитвах, чтении богослужбных книг и размышлениях

о Боге. Он соблюдал строгий пост и усердно трудился – собирал хворост, занимался огородом, разводил пчел.

Спустя 13 лет преподобный Серафим вернулся в монастырь, но продолжал жить в уединении в своей монашеской келье. Он оставил затворничество лишь после того, как ему было видение: Богородица велела Серафиму вернуться к людям, чтобы помогать им духовно и исцелять больных.

«Радость моя, Христос воскрес!» – такими

словами встречал преподобный Серафим всех, кто приходил к нему за советом, помощью и духовными наставлениями.

Он говорил: «Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света. Если человек не имеет вовсе никакого попечения о себе ради любви к Богу и дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, – таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек сам печется о своих делах и обращается с молитвою к Богу лишь тогда, когда уже постигают его неизбежные беды, и в собственных силах не видит он средств к отвращению их и начинает надеяться на помощь Божию, – такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно

Троицкий собор Серафимо-Дивеевского монастыря, где хранятся мощи преподобного Серафима Саровского

дано будет. Сердце не может иметь мира, доколе не стяжет сей надежды. Она умиротворит его и волеет в него радость».

И еще наставлял Серафим: «Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать других.

Мы неусыпно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений. От всегдашнего хранения сердца рождается в нем чистота, в которой зрится Господь по уверению Истины вечной: Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8).

Откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг, душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение

с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него и, отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце прикладывается как бы камень».

Скончался преподобный Серафим Саровский 2 января 1833 года в своей келье во время коленопреклоненной молитвы.

120 лет назад, с 17 по 20 июля 1903 года, по инициативе Николая II состоялись торжества по случаю прославления саровского сподвижника и обретения его мощей. Они хранятся в Троицком соборе Серафимо-Дивеевского монастыря, куда и сегодня идут паломники за защитой и исцелением.

КОМПОЗИТОР ВОЛЕЮ БОЖЬЕЙ

Произведения Арама Хачатуряна всегда отличала редкая эмоциональность, увлекавшая слушателей, захватывающая их воображение

ОЛЕГ ОЗЕРОВ

Арам Хачатурян

Летом этого года исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося советского армянского композитора, дирижера и педагога Арама Ильича Хачатуряна.

Историки и музыкальные критики признают его одним из величайших музыкальных гениев. Хачатурян был автором трех балетов, трех симфоний, шести концертов, ряда

произведений вокальной, хоровой, инструментальной и программной музыки, музыки к кинофильмам и театральным постановкам, а также Государственного гимна Армянской ССР (1944).

Произведения Хачатуряна входили в репертуар таких выдающихся мастеров исполнительского искусства, как Артур Рубинштейн,

Эмиль Гилельс, Мстислав Ростропович, Давид Ойстрах, Яша Хейфец, Джордже Энеску.

За свои заслуги в области культуры композитор был награжден званиями Героя Социалистического Труда (1973) и Народного артиста СССР (1954), был лауреатом Ленинской премии (1959), четырех Сталинских премий (1941, 1943, 1946, 1950), Государственной премии СССР (1971) и Государственной премии Армянской ССР.

Арам Хачатурян родился 6 июня 1903 года в селе Коджори, неподалеку от Тифлиса, в тогдашней Российской империи, в семье армянского ремесленника. В 1911–1913 годах учился в частном пансионе С. В. Аргутинской-Долгоруковой, в 1913–1921 – в коммерческой школе. С детства любил музыку. В школьной капелле он играл на трех инструментах: фортепиано, горне и тубе. Хотя он проявлял и талант, и стремление посвятить себя музыке, родители не одобряли его увлечение. Серьезно заняться музыкой будущий композитор смог лишь в 19 лет.

В 1921 году 18-летний Арам отправился в Москву, где работал в качестве театрального режиссера его старший брат Сурен Хачатурян. Арам свел знакомства с музыкальной молодежью столицы, в том числе с молодым композитором Сергеем Беловым, достиг немалого прогресса как пианист. Но родители по-прежнему были против того, чтобы он полностью

посвятил себя музыке. По их настоянию он поступил на подготовительные курсы Московского университета и в 1922 году стал студентом биологического отделения физико-математического факультета МГУ.

Однако жить без музыки Арам не мог и вскоре записался на курсы Третьего показательного государственного музыкального

Первой работой молодого композитора стал «Танец для скрипки и фортепиано». Выдающийся советский скрипач Давид Ойстрах писал: «Как и все скрипачи, я не могу не гордиться, что первый творческий опус Арама Хачатуряна – его Танец си-бемоль-мажор – был написан для скрипки, которую талантливый композитор чувствует, как под-

Будучи молодым композитором, Хачатурян находился под влиянием современной западной музыки, особенно музыки Мориса Равеля, но постепенно это влияние было вытеснено растущим интересом к народным музыкальным традициям. Самые выдающиеся произведения Хачатуряна, в том числе музыка к балетам «Гаянэ» и «Спартак», содержат немало

Сцена из балета «Гаянэ»

техникума имени Гнесиных (ныне Музыкальное училище имени Гнесиных), где стал обучаться игре на виолончели и фортепиано. Спустя год Хачатурян начал брать уроки композиции. Теперь у него не было ни времени, ни возможности продолжать учебу в университете, и родители вынуждены были согласиться с его выбором.

линый мастер-виртуоз и вдохновенный художник».

Весной 1929 года Хачатурян окончил Музыкальный техникум и был принят в Московскую консерваторию по классу композиции М. Ф. Гнесина, а со второго курса – И. Я. Мясковского. Его дипломной работой стала Первая симфония, написанная в 1934 году.

элементов, свойственных народной музыке народов Закавказья.

Огромную популярность во всем мире завоевал «Танец с саблями» из балета «Гаянэ» (1942 г.); в США Хачатуряна даже стали называть «мистер Сейбрданс» («мистер Танец-с-саблями»). Интересно, что этого танца изначально в партитуре балета не было,

но незадолго до премьеры директор театра попросил добавить в заключительный акт танцевальный номер.

Однако творческий путь композитора был далеко не безоблачным. В 1948 году вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором Арама Хачатуряна, а также Дмитрия Шостаковича, Сергея Прокофьева и многих других выдающихся советских композиторов обвиняли в «формализме», что подразумевало «политическую неблагонадежность». Против них была развернута целая кампания. Хачатурян тяжело переживал все это и даже на время отошел от сочинительства и стал заниматься в основном дирижерской деятельностью.

Но спустя несколько лет он явил миру балет «Спартак», признанный величайшей работой композитора. Партитура балета была завершена в 1954 году, а в декабре 1956-го состоялась премьера. С этого времени «Спартак» прочно вошел в репертуар балетных трупп по всему миру. Его ставили Л. Якобсон, И Моисеев, Ю. Григорович и другие видные балетмейстеры.

Произведения Хачатуряна всегда отличала редкая эмоциональность, увлекавшая слушателей, захватывающая их воображение. Возможно, поэтому его музыка звучала не только в советских фильмах (Хачатурян написал музыку более чем к 20 советским картинам), но и в работах выдающихся мастеров американского кинематографа. Хачатурян написал музыку

Сцена из балета «Спартак»

к фильмам таких режиссеров, как Стенли Кубрик («2001: Космическая одиссея»), Билли Уайлдер («Раз, два, три»), Джеймс Кэмерон («Пришельцы»).

Огромное наследство оставил Хачатурян в области музыкального оформления спектаклей. Причем театральные интересы Хачатуряна не ограничивались рамками советской тематики; заметное место в его творчестве занимала шекспириана. Им была создана музыка

к трем произведениям Шекспира: «Король Лир» для театра им. Моссовета, для кинофильма «Отелло» в постановке С. Юткевича и для спектакля «Макбет» (для последнего он сочинял музыку дважды — для Малого театра и театра им. Габриэла Сундукяна в Ереване).

Одно из величайших музыкальных произведений Хачатуряна — вальс к драме Лермонтова «Маскарад», написанный для постановки в театре им. Вахтангова в Москве.

Занявший должность главного режиссера Рубен Симонов решил поменять музыкальный материал, ранее звучавший в спектакле, а поскольку он был хорошо знаком с творчеством Хачатуряна, которого называл «композитором волею божьей», то сочинение музыки поручил именно ему.

Вот что рассказывал об этой своей работе композитор: «Я никогда не перестану удивляться чуду, которое являет собой драма

“Маскарад”, написанная Лермонтовым, когда ему был 21 год. К работе над музыкой я отнесся очень серьезно. Было тому несколько причин. Во-первых, я любил Театр имени Вахтангова, заказавший мне эту музыку, часто бывал в нем. Во-вторых, я знал, что много лет назад к постановке “Маскарада”, которую осуществил в Петербурге Всеволод Мейерхольд, музыку писал Александр Константинович Глазунов. Когда спектакль этот был

в 1938 году восстановлен и я увидел его, то был удивлен: в музыке Глазунова не оказалось вальса, “заданного”, как мне представляется, самим Лермонтовым. Мне глубоко запали в душу слова Лермонтова, вложенные им в уста Нины, когда, вернувшись с рокового бала, она вспоминает:

*Как новый вальс хорош!
в каком-то упоеньи
Кружилась быстрее —
и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно
мчало вдаль,
И сердце сжалось:
не то, чтобы печаль,
Не то, чтоб радость...*

По указанию Глазунова Мейерхольд использовал знаменитый Вальс-фантазию Глинки. Признаться, именно Вальс доставил мне больше всего хлопот при сочинении музыки к “Маскараду”. Я бесконечно повторял лермонтовские слова и не мог найти темы, которая была бы, по собственному моему представлению, и “новой”, и “хорошей”, иными словами, достойной... Я буквально потерял покой,

едва ли не бредил вальсом. В то время я позировал для портрета художнице Евгении Владимировне Пастернак. И вот в один из сеансов я неожиданно “услышал” тему, ставшую второй темой будущего моего Вальса. Могу ли я объяснить, как она родилась во мне? Вряд ли...»

Замечательный композитор скончался 1 мая 1978 года. Похоронен в Ереване, в Пантеоне парка имени Комитаса.

«ЖИЗЕЛЬ»: БАЛЕТНАЯ ИСТИНА

Повестей о классическом танце до обидного мало, но разве нет в балете духовности и правды, которые ищет литература?..

СЕРГЕЙ МАКИН

Первый акт балета. Жизель — Ольга Смирнова, Альберт — Артемий Беляков. Большой театр. Редакция Алексея Ратманского.

Фото: Елена Фетисова

«Виллисы» (с ударением на второй слог) – девушки-призраки, родственницы древнегреческих эриний (у римлян фурий) – богинь мести. Сегодня слово чаще пишется с одним «л» – виллисы, по аналогии с французским *les wilis*. Теофиль Готье, один из создателей либретто «Жизели», оттолкнулся от пересказанной Генрихом Гейне легенды о девушках, умерших до свадьбы. В славянской мифологии их называют «вилы». У Гейне немецкий вариант с двумя «л»: *die*

Willis. «Виллисы» – это и название повести Юрия Короткова, по которой был поставлен фильм «Танцующие призраки» (1992). Для балетомана и повесть, и фильм особенно ценны, так как в них отражено балетное мировоззрение.

Как сказал искусствовед Виталий Вульф, «балет в России – больше, чем балет». Это образ горнего, высшего мира, путь к которому лежит через монастырь со строжайшим уставом. В таком монастыре (хореографическом училище или

академии) есть свои великие посты, послушания, радения, искушения. Через все это проходят будущие балерины, и это описал Коротков.

Не от мира сего

В конце 1980-х юноша из интеллигентной семьи приходит на балет «Тщетная предосторожность». Главное впечатление: у этих, как их, пейзажков юбки должны быть грязноватые, в навозе. Они же

труженицы сельского хозяйства. И вообще, столько людей на сцене чепухой занимаются, когда в стране заводы стоят, урожай убирать некому! Девушка из хореографического училища в долгу не остается: «Только идиот может не понимать балет!» Но она и сама его пока не вполне понимает. Просто привыкла жить в этой среде.

Учитель-историк у школьной доски что-то увлеченно рассказывает. Усталая балетная ученица не слушает. У мира, в котором она обитает, другая история, сопоставимая со Священной, иные герои, сравнимые со святыми подвижниками.

Балетмейстер просит юных исполнительниц вспомнить слова Анны Павловой:

«– Балет – это... – требовательно начал он.

– ...не техника, это душа, – вразнобой закончили девчонки.

– Так где у вас душа? Одни мускулы! Не сломать бы линию да прыжок не смазать!.. Свет! – вдруг крикнул он, обернувшись к световому пульту. – Свет ко второму акту!

Прожектора погасли, затем включился свет второго акта «Жизели» – мертвенно-голубое лунное сияние. Белые костюмы девчонок вспыхнули в полутьме холодным фосфорическим светом, на безжизненно голубых лицах легли глубокие синие тени...».

Здесь царство света – солнечного и лунного, белоснежных пачек и девичьих душ, сценическое выражение мира, который снисходительно осуждает горьковский Уж в «Песне о Соколе»: «Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу».

Коротков награждает самую одаренную из учениц символическим именем Света, но главная героиня – хорошая девочка Юля. Или, может, плохая, если она покуривает и иногда резко выражается? Нет, плохая – «сорвавшаяся с резьбы»

Ленка Ильинская. А какая все-таки Юля Азарова по кличке Арза? Так и слышится «гюрза»... Да уж, Юлька не размазня. Она может быть колючей, порой кусачей.

Мефистофель и Фаустесса

«Широко мыслящий» мальчик эпохи перестройки решил показать будущей балерине, как многообразен мир, познакомить классичку с жизнью, от которой, по его мнению, она оторвана. Он повел ее по миру соблазнов, как Мефистофель Фауста. Для начала показал образчик современного искусства.

«На второй или третьей песне рабочие вынесли на сцену сверток из почтовой бумаги, запечатанный сургучом. Из свертка торчали штилеты. Сверток долго лежал без дела, потом вдруг стал корчиться, кататься по полу. Печати лопнули, и из свертка выбрался здоровенный, лысый, как колено, детина... Он бесцельно болтался по сцене, мешал музыкантам (те, не отрываясь от инструментов, досадливо отталкивали его плечом), затем обнаружил в углу скрипку и стал искать смычок. Смычка он не нашел и выудил откуда-то большой кусок сырого мяса. В такт музыке он принялся лупить мясом по скрипке, пока, к неопишному удовольствию зала, не расколошматил ее вдребезги...».

На обратном пути в электричке они поссорились.

– Тебе это нравится, да? Нравится?

– Да причем здесь «нравится – не нравится»? – потрясал руками Игорь. – Я объективный человек! Да пойми, что такое искусство тоже существует, хочешь ты того или нет!

– А мне наплевать! Мне не нужно это знать, понимаешь, не нужно!»

Девушка открывает для себя два девиза, с которыми надо идти

по жизни: простые, на чей-то взгляд примитивные, а на самом деле гениальные. Первый девиз – «Мне это не нужно». Азарова невольно (а Коротков явно) повторяет мысль Сократа, который ходил по афинскому рынку и удивлялся: «Как много на свете всего, что мне не надо!» Обычные люди путаются в многообразии, и лишь философ способен отличить необходимое от бесполезного. То же в Евангелии: «Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее».

Второй девиз – «Мне работать надо».

«Репетиции теперь были каждый день, а в воскресенье после спектакля Наталья Сергеевна занималась с Юлькой – вдвоем в пустом зале, – гоняла до обморочной багровой пелены перед глазами, до того, что Юлька, грохнувшись однажды с прыжка, никак не могла подняться с пола, валилась то в одну сторону, то в другую. Наталья Сергеевна стояла над ней и ждала, пока встанет, нервно постукивая каблук о каблук».

В чеховской формуле прекрасного человека («и лицо, и одежда, и душа, и мысли») недостает важнейшего компонента – тела. Потому что для интеллигента конца XIX – начала XX века это было табу. При мысли о теле у него сразу возникали «греховные» ассоциации. В дотошном исследовании Дональда Рейфилда о Чехове говорится, что тот «с ностальгией вспоминал студенческие годы и тогдашнее свое увлечение – балерину, благоухавшую конским потом». Потом Антон Павлович остепенился, сделался зеркалом русской интеллигенции и потому написал, что мужчинам «особливо художникам, нужны свежесть, изящество, чело-»

Второй акт балета. Завораживающе и страшно движутся по сцене виллисы-мстительницы.

Фото: Михаил Логвинов. Фотография предоставлена пресс-центром Большого театра

Да будет благословен пот балерин! Преклоняюсь перед этими труженицами: они знают цену времени, живут по часам и работают, работают. «Под облепившим тело мокрым хитом видно было, как бешено колотится Юлькино сердце».

Дьявол в переводе с греческого – «клеветник». В христианском вероучении он обольщает и обманывает людей. Когда Игорь показывает Юле «шикарную картину» под названием «Вечерний город» – вид из окна, – это вызывает у человека, знакомого со Священным Писанием, ассоциации с сатаной, который показывает Сыну Человеческому вид с горы, искушая Христа властью над земными царствами. Только и тут ложь: паренек может сделать дочь человеческую в лучшем случае обеспеченной домохозяйкой, владычицей узкого мирка.

Потерянный рай

Казалось бы, в фильме хореографическое училище – тюрьма (начиная с первых кадров, когда девушки показываются на фоне сетки для контроля их пропорций, как бы за решеткой). А снаружи – полная свобода, но какая! Уродливая, грубая, жестокая. Вроде бы и в училище жестокости хватает, но это вынужденный (да-да, несвободный) путь к настоящей свободе, которая есть «осознанная необходимость», как говорили классики. Да, для этого нужна дисциплина, да, нужно жить по часам, что так не нравится бестолковому Юлиному бойфренду, не знающему цену времени. Тогда будешь парить и на сцене (на призрачных крыльях), и в жизни, перелетая с континента на континент на реальных крыльях самолетов.

С первой же страницы повести, когда тетка с авоской, полной продуктов, выгоняет заблудившуюся, голодную и продрогшую до костей Юлю на мороз с лестничной клетки жилого дома, где она грелась в лютый холод, возникает мотив враждебности обычного мира, населенного «нормальными» людьми, к девочке из мира классической хореографии. Добравшись до своего интерната, та впервые воспринимает хореографическое училище как родной дом. Потому так ужасает Свету возможность быть исключенной из училища, что, при всей его строгости (порой жестокости), это филиал, преддверие заоблачного мира. Уход из идеального мира аттитюдов, алезгонов, арабесков в реальный мир равносильно изгнанию из рая. Исключение из училища – трагедия, потому что в низком мире невозможно подерживать балетную форму. А она

Жизель по мановению жезла Мирты поднимается из могилы. Редакция Юрия Григоровича.

Фото: Елена Фетисова. Фотография предоставлена пресс-центром Большого театра

тянет вверх – в силу не понятной для большинства выворотности, пальцевой и прыжковой техники. То, что видит Юля в домах, по которым ее водит Игорь, лишь укрепляет девушку в желании уйти из этого мира.

В фильме и в коротком варианте повести Азарова танцует Жизель. Балетмейстер объясняет ей:

«– Ты, – обернулся он к Юльке, – встречаешь человека, который обманул тебя, пришел и разрушил твой маленький тихий рай, лишил тебя всего – счастья, покоя, разума, жизни. И ты спасаешь его! Спасай – подумай! – ради какой-то другой женщины, которую он встретит и полюбит, и будет жить с ней долго и счастливо там, в мире живых людей, там, где солнце. А ты навсегда останешься здесь, в темноте, среди могильных крестов... Посмотрите вокруг – только и слышно: я! мое! мне! если не мой,

то пусть ничей!.. Много ли женщин, способных на такую жертву ради любви?..

– Понимаешь? – негромко спросил он у Юльки.

– Да...

– Расскажи это им, – балетмейстер указал в пустой зал. Пятясь, отошел на авансцену. – Встали. Еще раз. Последний раз – финал... – и взмахнул руками».

Страшный суд балета

Но Юля – не Жизель, погубленная Альбертом, она по жизни и на сцене – Мирта. Именно ее танцует Азаров в длинном, более психологичном варианте повести. И эта роль более подходит Арзе по характеру. Жизель мягка, добра и сердечна, не случайно по либретто у нее больное, ранимое сердце. А Мирта – предводительница

виллис: жесткая, холодная, и при этом великолепная в своей неприимости к обитателям прозаического, насквозь материалистического мира. Но ведь этот мир терзал ее в земной жизни.

«– Это древняя легенда. Вы виллисы – невесты, не дожившие до своей свадьбы. До своего счастья... – балетмейстер медленно двигался между замерших девчонок. – В этих белых свадебных платьях вас опустили в могилы... Жизнь где-то там, наверху, там кто-то смеется, кто-то плачет, кто-то любит, а вы лежите в тесных сырых гробах под землей... Земля давит... Ночью виллисы встают из могил и убивают одиноких путников. Всех. Без пощады. Но только мужчин!.. Вы когда-нибудь думали, как виллисы их убивают?

– Кружат в смертельном танце, – сказала Ийка.

Жизель умоляет простить Альберта, ибо «он не ведал, что творил». Приговор Мирты: «Достоин смерти». Жизель — Анна Никулина, Альберт — Владислав Лантратов, Мирта — Мария Аллаш. Фото: Елена Фетисова. Фотография предоставлена пресс-центром Большого театра

— Первоклассникам расскажешь, — отмахнулся балетмейстер. Кто-то неуверенно засмеялся.

— Совершенно верно, — поднял палец балетмейстер. — Получить хотя бы подобие любви, которой вы, невесты, не успели насладиться там, наверху... А ты, Мирта, — обернулся он к Юльке, — ты поднимаешь вилис на эти смертные игрища, и ты обрекаешь путников на смерть. За что?

Юлька пожала плечами.

— Подумай, какое чувство так же сладко, как любовь? И так же, как любовь, способно смести любые преграды? — Балетмейстер близко наклонился к ее лицу. Он был похож на злого колдуна — с длинными прядями седых волос, узко и глубоко посаженными глазами. — Это — месть! Праведная месть!.. Вилиссы

не убийцы, они несут праведную месть мужской половине рода человеческого. За себя и за всех будущих вилис... За всех тех, кого каждый день убивают мужчины своим эгоизмом, ложью, похотью... И когда на ваше кладбище приходят Ганс и Альберт, лесничий и граф, которые, не поделив, лишили рассудка и жизни чистую наивную девочку, — разве смеют они безнаказанно топтать землю, которая давит на вас? И пусть эта деревенская дура Жизель лопочет о любви и пытается защитить Альберта — разве достоин он чего-нибудь, кроме презрения и смерти?

— Не достоин, — сказала Юлька».

Считается, что, прощая Альберта, Жизель действует по-христиански, в отличие от неумолимой Мирты, поступающей в духе язычества:

«Око за око, зуб за зуб». С этим стоит поспорить: Мирту можно считать олицетворением другой христианской идеи — Страшного суда. Конфликт в «Жизели» религиозный: покарать грешника или простить его, дав возможность раскаяться?

Обретенный рай

Не все мужчины — враги, обреченные на праведную месть. Не враг девчонок — балетмейстер, их духовный отец с внешностью волхва или пророка, не враг — партнер Генка Демин, хотя на репетиции он уронил Юлю с высокой поддержки. Потому что размечтался о ней. А ночью с риском для жизни прошел по карнизу, залез

Жизель — Светлана Захарова, Альберт — Дэвид Холберг. Большой театр. Фото: Елена Фетисова

в окно, объяснился ей в любви. Ах, Юля-Юлечка, зачем тебя потянуло к Игорю, существу из чужого, низкого, враждебного мира? Думала обратить его в свою веру? Это нереально. Наверное, затем потянуло, чтобы, пройдя через искушения, обрести балетную истину.

«Кто-то сказал, что мы с девчонками похожи на призраков, а там, за стенами театра, — там настоящая жизнь. А я поняла главное: только здесь, на сцене, — настоящая любовь, и жизнь, и счастье. А там, на улице, только бледные призраки... Пока я танцую, я живу». Фаустесса победила: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Пусть тетки с авоськами гонят балетных девочек. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь

за обижающих вас и гонящих вас». Потому что, изгоняя из своего земного града, они толкают вас в град небесный.

Со страной, которая вскоре станет «новой Россией», Юле не по пути. Но и со старой Россией — унылой, тусклой, пьющей — тоже. Поэтому она столь жестока со своим отцом, не прощая ему уход из дома. Однако в глубине души девушка начинает понимать родителя, который хотел вырваться из беспросветного существования. Тот удивляется дочери-балерине: «В кого ж ты уродилась такая?» Да в тебя, сокола, только улетает она не из дома в другую семью, а из реальной жизни в идеальный, хоть и мучительный мир высокого искусства. В духе философии Платона, его знаменитого мифа о пещере: люди живут в темном мрачном подземелье, расписывают его

своими несовершенными фресками (как художник-авангардист, картины которого Юля не приемлет), а по стенам пещеры мечутся блики из светлого мира идей. В мир солнца, промаявшись в чужой холодной Москве (по фильму — в Питере), собирается улететь в конце повести и Юлька: ей светит работа в балетном театре теплой Австралии.

Финал фильма более концептуален: светлый мир предстает здесь не в географическом смысле, а в хореографическом. Надев венец, аналогичный нимбу святой, в длинной белой шопеновской пачке, отрешенная от всего земного, девушка идет по темному коридору, не замечая окружающего хлама. Она доходит до подъемного механизма и становится на площадку, которая медленно движется вверх, к люку. На сцене появляется новая вилиса.

НА ПУТИ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ОТКРЫТИЯМ

В поисках «Бюста Мира» Антонио Кановы

ЕВГЕНИЙ ЭДЕЛЬМАН

Антонио Канова. Мраморный «Бюст Мира». Частная коллекция

Художественные открытия не бывают случайны, и на пути к ним надо учиться, читать, исследовать, наблюдать, развивать вкус и философию, практиковаться во всем этом, как олимпиец перед соревнованиями. Словом, надо быть готовым к открытию...

Я родился после Великой Отечественной войны в бывшем Советском Союзе и вырос в Москве, в районе Кутузовского проспекта.

С детства я был знаком с историческими событиями Отечественной войны 1812 года. Когда французы вошли в Москву, они обнаружили, что город охвачен пожарами; разграбив все, что могли, включая произведения искусства, они вскоре были вынуждены покинуть город.

Русская армия преследовала армию Наполеона до самой Франции и достигла Парижа 31 марта 1814 года.

Во время оккупации Парижа император Александр I приобрел у бывшей жены Наполеона Жозефины скульптуру Антонио Кановы «Три грации», которая была самым известным современным произведением искусства в Париже.

В России также хранилась другая видная работа Кановы – «Статуя Мира», которая была заказана скульптору в 1811 году графом Николаем Павловичем Румянцевым (1754–1826), тогдашним министром иностранных дел России.

Семья Румянцевых имела долгую и выдающуюся историю миротворчества. Отец графа Николая, великий военачальник Петр Александрович Румянцев-Задунайский, вынудил османского султана просить мира во время первой Русско-турецкой войны в 1774 году. Его дед, граф Александр Иванович Румянцев, заключил Абоский мирный договор в 1743 году, завершивший Русско-шведскую войну 1741–1743 годов.

Граф Николай Румянцев, русский патриот и сторонник Тильзитского договора (1807 г.), установившего мир между Россией и Францией, также делал мирные предложения Англии, чтобы избежать войны...

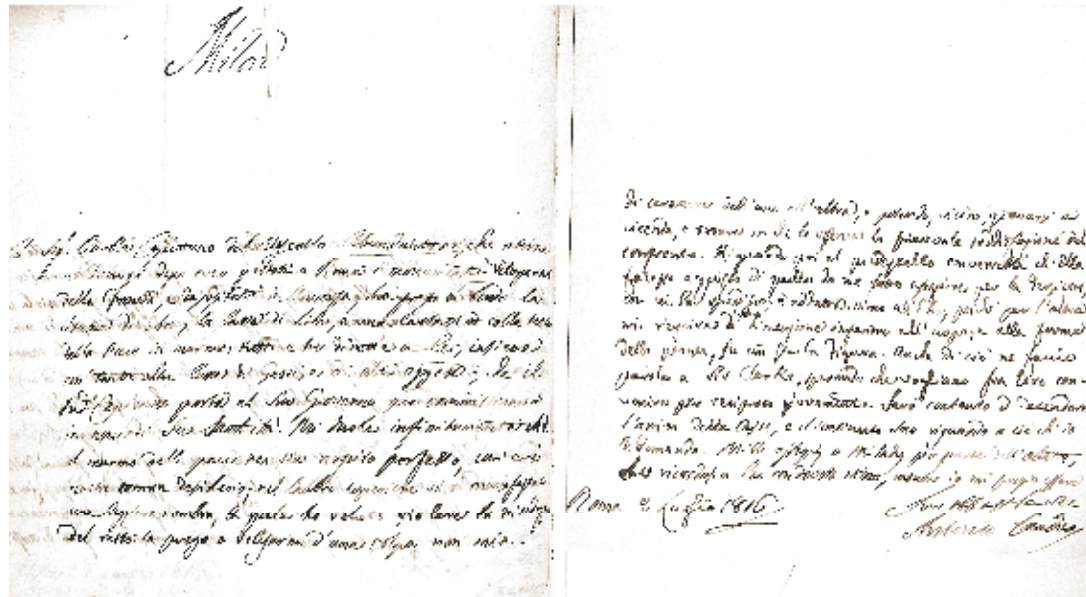
Его заказ на «Статую Мира» в 1811 году должен был служить символом миротворческой деятельности его семьи в Европе. Из-за французского вторжения в Россию в 1812 году статуя была доставлена в Санкт-Петербург лишь в 1816 году, после окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо в 1815 году.

Спустя сто лет «Статуя Мира», как и многие другие произведения искусства из российских собраний, попала в руки новых владельцев. После революции 1917 года советская власть национализировала многие частные коллекции и частично продала их на Запад. Самым примечательным решением Сталина было распределение произведений искусства из российских коллекций между шестнадцатью республиками, которые вошли в состав СССР и, как он считал, никогда не будут независимыми от него. «Статуя Мира» была передана Украине.

Первоначальный каталог произведений Кановы, составленный еще в 1823 году, также включает «Бюст Мира» (производный от «Статуи Мира»). Утверждается, что в 1814 году работа была подарена скульптором Джону Кэмпбеллу,

Антонио Канова. Мраморная «Статуя Мира»

Письмо Антонио Канова лорду Кавдору от 6 марта 1816 года, в котором сообщается о прибытии «Бюста Мира». Фото любезно предоставлено Архивной службой Кармартеншира

лорду Кавдору (он был первым британским покровителем Кановы), то есть до полного завершения заказа Румянцева в 1815 году. Дальнейшие исследования показали, что «Бюст Мира» в последний раз видели на выставке Лондонской Королевской академии художеств в 1817 году.

В конце 1814 года лорд Кавдор отправился в Рим, чтобы посетить Канову. Скульптор разрабатывал концепцию идеальных голов (*Teste Ideale*). «Бюст Мира» был только что закончен, и лорд Кавдор получил его в подарок, символизирующий окончание наполеоновских войн.

В Париже лорд Кавдор снова встретил Канову, которому папа Пий VII поручил добиться возвращения произведений искусства, похищенных наполеоновской армией из Ватикана и Рима.

В целом «Бюст Мира» Кановы олицетворяет эпоху... «войны и мира».

Еще четыре «идеальные головы» разной тематики были вручены британским сановникам, среди которых – «Голова танцовщицы», полученная герцогом

Веллингтоном, – производная от полной статуи *Danzatrice*, приобретенной императором Александром I (ныне в Эрмитаже, Санкт-Петербург).

Двести лет спустя пропавший «Бюст Мира» появился на аукционе в Лондоне на распродаже садовых скульптур, однако не был идентифицирован!

Зная всю предысторию этого произведения, не оставалось ничего другого, кроме как купить и затем вновь «открыть» его! Кропотливая реставрация показала, что это без всяких сомнений была оригинальная пропавшая работа Кановы «Бюст Мира»...

Установление происхождения и подлинности бюста было начато мной и моим партнером, принцессой Анной де ла Тур д'Овернь, с выяснения того, есть ли в поместье Кавдор (замке Кавдор) какая-либо документация, подтверждающая уникальное открытие... Нам сообщили, что эта задача будет очень сложной, поскольку раньше ученым не предоставлялся доступ к архивам Кавдора. Не разрешались и публикации... Однако мы

решили написать непосредственно леди Кавдор, владелице поместья; и к нашей великой радости, от нее пришел ответ, в котором она интересовалась, является ли Анна дочерью принца Генриха де ла Тур д'Овернь, которого она знала много лет назад в Париже... Убедившись, что Анна действительно его дочь, леди Кавдор поручила храните-

лю исторической документации замка, предоставить нам все что нужно, включая оригинальные письма для их изучения и возможной последующей публикации. Это был успех!

Исследование деятельности лорда Кавдора было более чем успешным. Впервые была выявлена давняя дружба мецената и Кановы с 1787 года, благодаря изучению их личной переписки, связанной в том числе и с «Бюстом Мира». При этом хронология создания этого произведения была однозначно установлена. Мы обнаружили, что пропавший двухсотлетний шедевр был отправлен в Англию в июле 1816 года на борту корабля «Абундансия» (который также вернул из Франции в Рим вывезенные памятники) для показа Кавдором в Королевской академии в 1817 году по просьбе Кановы. В августе 1819 года бюст будет отправлен лорду Кавдору в Стэкпол в Уэльсе.

Лорд Кавдор скончался 1 июня 1821 года; Канова – 13 октября 1822 года.

Музей Кановы (Гипсотека) сообщил нам, что они не владеют

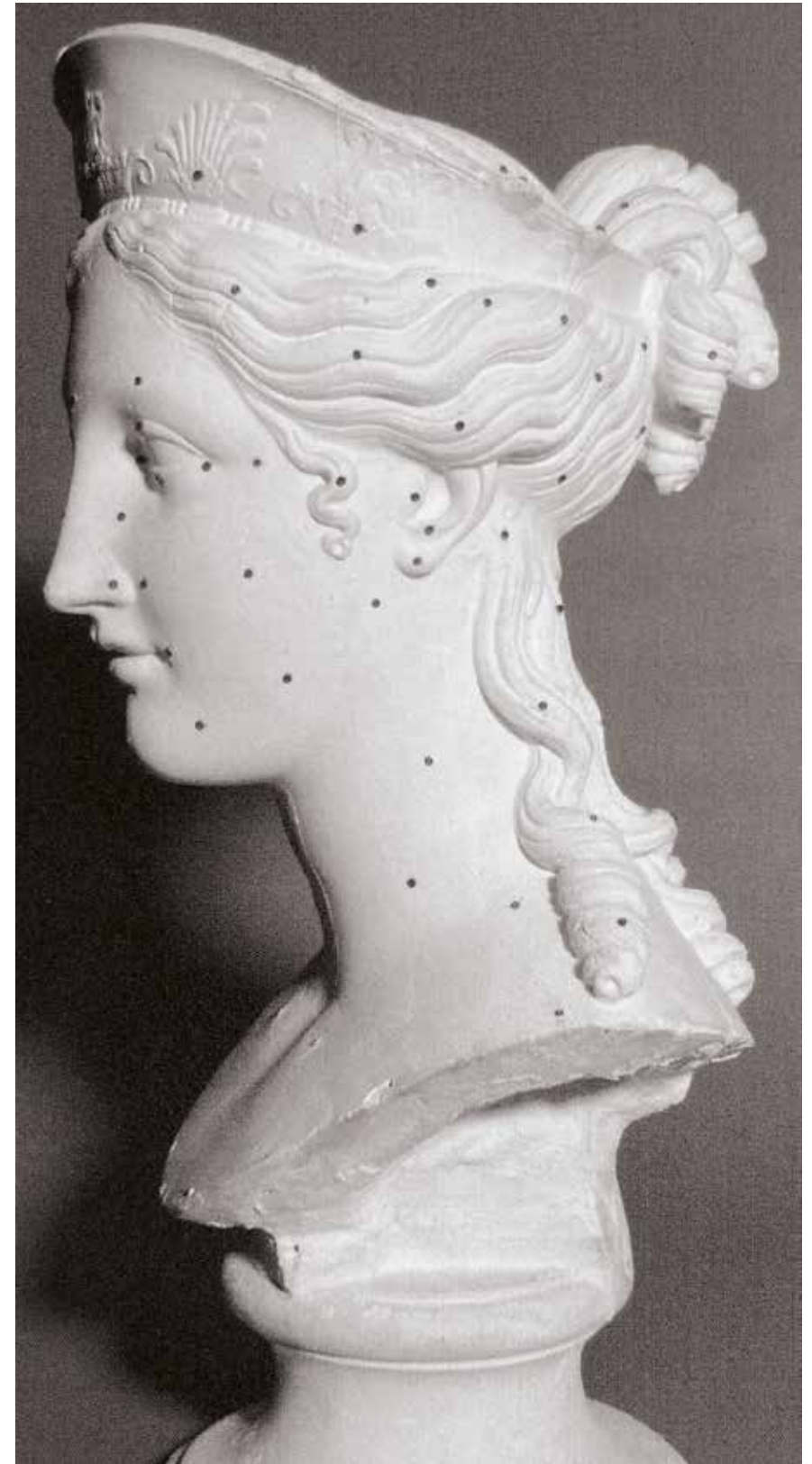
гипсовой моделью «с черными точками» (что позволило Канове точно перенести его на мрамор) для «Бюста Мира». Гипсотека заявила, что изначально существовало три гипсовых бюста: один был уничтожен во время бомбардировки 1917 года, другой не удалось отследить, а третий был подарен музею Бассано-дель-Граппа в середине XIX века, но отсутствовал в их инвентариуме.

Когда мы уже потеряли надежду, пришло сообщение от профессора Марио Гудерзо, директора Гипсотеки, о том, что, работая в музее Бассано, он действительно наткнулся на «гипсовый бюст с черными точками» в их хранилищах! Это был оригинальный гипс для «Бюста Мира», и это стало еще одним открытием!

В инвентариуме Стэкпол-Хауса лорда Кавдора также не было мраморного «Бюста Мира». Так продолжалось до тех пор, пока в ходе архивных исследований мы не обнаружили каталог аукционистов *Strutt & Parker / Loft & Warners*. В нем упоминалась «Дама в диадеме... высотой 21 дюйм» под лотом 556 раздела «Скульптура» для продажи имущества красивого 150-комнатного особняка лорда Кавдора *Stackpole Court* в Пембрукшире с публичного аукциона, который проходил там с 19 по 21 ноября 1962 года, перед тем как особняк был разрушен...

Мы поняли, что эта неидентифицированная мраморная «Дама...» на самом деле была «Бюстом Мира», которую в последний раз видели на выставке Королевской академии в Лондоне в 1817 году!

Таков результат нашего исследования, без которого мы так и не узнали бы, почему «Бюст Мира» был скрыт от глаз до 1962 года. Он мог снова стать простым садовым украшением... если бы не наше открытие. Бюст находится теперь в частной коллекции.

Антонио Канова. Гипсовый «Бюст мира» с черными точками. Фото предоставлено Museo Canova & Gipsoteca Possagno

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

СУДЬБА АРТИСТА

Александр Вертинский: «Я всегда был только зеркалом и микрофоном своей эпохи»

ЛЕОНИД ВОРОНИН

«Говорят, душа художника должна, как Богородица, пройти по всем мукам», – писал Александр Вертинский, осмысляя прожитые им в эмиграции годы. И в самом деле, какая же это толща времени: 23 года «длинной и не очень веселой жизни» человека без родины. От Константинополя до Шанхая – почти в двух десятках стран выступал знаменитый русский шансонье. И творческие взлеты, и горькие минуты тоски по родине – все вместила в себя его эмигрантская жизнь.

Но тяга к российской земле «на том берегу» не оставляла

Вертинского. Он дважды обращался в государственные органы советской России с просьбой о возвращении на родину, но получал отказы. В начале марта 1943 года, в самый разгар Великой Отечественной войны, он вновь обращается с той же просьбой к первому заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову. С обезоруживающей откровенностью пишет он в этом обращении: «Я всегда был только зеркалом и микрофоном своей эпохи». И настойчиво повторяет свою просьбу:

«Разрешите мне вернуться домой». 10 апреля 1943 года он наконец получает разрешение на въезд в Советский Союз с правом проживания в Москве.

Долгожданный отъезд на родину затягивался из-за проволочек, которые устраивали японцы, оккупировавшие в те годы Китай. Только в начале октября 1943 года семья Вертинских – сам артист, его жена с трехмесячной дочкой и его теща – выехала из Шанхая в Советский Союз. Сначала на японском пароходе, а потом на материке в поезде до первой приграничной станции на советской территории. Ненастная погода поздней осени, как бы вторя тревожным ожиданиям *возвращенцев*, сопровождала их на всем пути: порывистый, злой ветер, дувший с моря, сменился пронизывающим холодом на суше. Завершающее путь – десятидневное путешествие по железной дороге от Читы до Москвы.

В ноябре 1943-го поезд прибыл в Москву, на Белорусский вокзал. Семье Вертинских предоставляются номера в «Метрополе» – самой комфортабельной гостинице, в которой в годы войны жили дипломаты иностранных государств, важные государственные гости.

Александр Николаевич отправляет семью в гостиницу, а сам задерживается: хочет взглядеться в хорошо знакомый ему город, найти те давние, запомнившиеся приметы Тверской улицы и примыкавших к ней площадей и бульваров. Вот Цветной бульвар: здесь, во дворе мастерской скульптора Меркурова, он в арестантском халате позировал для создаваемого

памятника Достоевскому. «Отличный был натурщик, – рассказывал Меркуров. – Усвоил мой замысел, принял правильную позу. А как держал свои изумительные пластичные руки!»

А дальше – оживляет свои воспоминания артист – по Тверской, мимо домов, где выступал он в те давние годы в литературных и драматических кружках. И так до самого Мамоновского переулка, до располагавшегося в нем Театра миниатюр, который держала Марья Александровна Арцыбушева. В садике при театре летом 1913-го она увидела Александра и вскользя заметила:

– Что вы шляетесь без дела, молодой человек? Шли бы лучше в актеры, ко мне в театр.

– Да, но я же не актер, – ответил он. – Я ничего, собственно, не умею.

– Не умеете, так научитесь.

– А сколько я буду получать за это? – деловито спросил Александр и услышал неожиданный ответ:

– Ни о каком жалованье не может быть и речи, но... в три часа дня мы садимся обедать. Борщ и котлеты у нас всегда найдутся. Вы можете обедать с нами.

Борщ и котлеты и стали первым его жалованьем. Возвратившись после долгих лет эмиграции, он с улыбкой вспоминал о своем московском театральном дебюте.

Он хотел пристальнее взглядеться во вновь приблизившиеся к нему московские улицы и бульвары. Но не так-то легко было сделать это в холодные, по-зимнему вьюжные ноябрьские дни. И он стал обзванивать своих давних друзей. Сын старого друга, режиссера и художника Александра Разумного, Владимир, живший в доме на Тверской, пригласил Александра Николаевича в гости. Осмотревшись в комнате, Александр Николаевич «с таинственной, лишь ему присущей артистичностью присел у рояля.

Аккорд, еще аккорд – и вдруг тихо, словно из приглушенного патефона, полилась песня... Стук в дверь, тревожный и упорный, не оставил погруженного в музыку артиста... На пороге – соседка... «Володенька, – тихо проговорила она, – не заводи Вертинского так громко. Ведь люди разные вокруг... – и тут же добавила, – но патефон не выключай, а сделай чуть потише. Ведь это его песни»».

Недолгим было гостевание Вертинского в квартире на Тверской. Новый стук в дверь, и в квартиру вошли «люди в штатском» – служащие гостиницы – и увезли его в «Метрополь».

Воронин Леонид Борисович – писатель, критик. Автор книг: «По следам баллады» (М., Открытый мир, 1996; 2-е изд. – 2001); «Два берега русской поэзии» (М., Артефакт-Стиль, 2001), «Ищу человека» (книга воспоминаний и литературных заметок (М., Волишебный фонарь, 2009); «Эдуард Багрицкий», ЖЗЛ (М., Молодая гвардия, 2018).

И здесь неотвязный вопрос: а почему так приняли вернувшегося артиста-эмигранта? Ведь понятно, что полученное им разрешение на возвращение зависело в конечном итоге не от Молотова, а от первого лица государства – Сталина. И вот прямое подтверждение этому: артист приезжает в Москву в ноябре 1943 года, а уже в январе 1944-го по прямому указанию Сталина в Доме звукозаписи записываются 15 песен Вертинского на восьми пластинках. Сопроводительная записка председателя комитета по делам искусств М. Храпченко приложена к комплекту этих пластинок: «Тов. Сталину. Согласно договоренности, посылаю Вам подготовленные нами грампластинки с записью А. Вертинского». По этим пластинкам, сохранившимся в сталинском архиве, видно, что они неоднократно проигрывались. Интерес Сталина к песням

Вертинского стал решающим в его судьбе. Говорят, что, узнав о просьбе артиста вернуться в СССР, он сказал: «Пусть приезжает. Пусть допоеет».

А когда в начале 1948 года Жданов принес на утверждение Сталину проект постановления политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», где был нелицеприятный отзыв об искусстве артиста Вертинского, Сталин перечеркнул все, что было написано о Вертинском, и сказал: «Дадим артисту Вертинскому спокойно дожить на Родине».

Александр Николаевич и получил такую возможность «спокой-

но жить» в беспокойное время, когда на собраниях творческой интеллигенции обсуждалось партийное постановление, подвергавшее жесткой критике «антинародные тенденции» в советской музыке, оторванность музыкальных произведений «от запросов и художественного вкуса советского народа». На таких собраниях началось, что кто-то вносил предложение: «Осудить концертные выступления артиста Вертинского». Но председательствующий неизменно пресекал подобные попытки: «Вопрос об артисте Вертинском обсуждать не будем».

Однажды на концерте Вертинского побывала Розалия Землячка – известная коммунистка, фурия «красного террора» в Крыму в годы Гражданской войны. На следующее утро после концерта она позвонила А. С. Щербакову, который ведал идеологией в ЦК ВКП(б).

А. Н. Вертинский. «Кокаинетка». Нотное издание 1916 года

Вот что рассказывала об этом Лидия Вертинская в беседе с Эльдаром Рязановым.

Лидия Вертинская: Землячка звонит Щербакову: «Я вчера была на концерте Вертинского, послушала его репертуар. Ему надо создать новый. Это абсолютно не имеет отношения к нашей идеологии». Может быть, не такая в точности формулировка была, но смысл такой. И попросила доложить об этом Сталину. Щербаков на очередном заседании ЦК сообщил Сталину: «Мне звонила Землячка. Она была на концерте Вертинского и сказала, что его репертуар не соответствует нашей идеологии, что ему следует написать другие песни». Сталин выдержал большую, долгую паузу. Он, кажется, замечательно умел делать паузы... и сказал: «Зачем создавать новый репертуар артисту Вертинскому? У него есть

свой репертуар, а кому не нравится – тот пусть не ходит и не слушает».

Эльдар Рязанов: То есть он защищал Александра Николаевича?

Лидия Вертинская: В общем, да, хотя были сказаны одна-две фразы.

Эльдар Рязанов: Этого было достаточно, чтобы фразы стали известны всем, кому положено.

«Кому положено» слышали о таком отношении Сталина к Вертинскому. Так что Александр Николаевич мог «спокойно жить» и выступать с концертами и... не мог не понимать, кому он этим обязан.

Но в 1956 году, после XX съезда КПСС, Вертинский в письме жене от 27 марта 1956 года так осмысливает обрушившуюся на него информацию: «Очень

Александр Вертинский на обложке белого (ВСЮР) журнала «Театр» от 12–13 ноября 1919 года

тяжело жить в нашей стране. И если бы меня не держала мысль о тебе и детях, я давно бы уже или отравился, или застрелился. Ты посмотри эту историю со Сталиным. Какая катастрофа! И вот теперь, на 40-м году Революции, встает дилемма – а за что же мы боролись? Все фальшиво, подло, неверно. Все – борьба за власть одного сумасшедшего маньяка! На съезде Хрущев сказал: “Почтим вставанием память 17 миллионов человек, замученных в лагерях и застенках Сталиным”. Ничего себе?.. Кто, когда и чем заплатит нам – русским людям и патриотам – за “ошибки” всей этой сволочи? И доколе они будут измываться над нашей Родиной? Доколе?»

Он писал об этой неожиданной «истории со Сталиным» со столь же безоглядной искренностью, как и в первые послевоенные годы, когда с поразительной откровенностью делился с женой (в письме от 9 ноября 1950 года) размышлениями о судьбах искусства своей страны:

«Что писать? Что петь? Есть только одна правда – правда сердца. Собственной интуиции. Но это не дорога в искусстве нашей страны, где все подогнано к моменту и необходимости данной ситуации. Сегодня надо писать так. Завтра – иначе. Я устал и не могу в этом разобраться. И не умею. У меня есть высшая надпартийная правда – человечность. Гуманность. Но если сегодня нам не нужна она, значит, надо кричать: “Убей!” и т.д. Все это трудно и безнадежно. И бездорожье полнейшее!»

И такое бездорожье приходилось преодолевать недавнему эмигранту после возвращения на родину.

Прошла война, началась мирная жизнь, и семье Вертинских надо было уже самостоятельно обустраиваться, расставаться с гостиничными номерами и думать о собственном жилье.

Не враз нашлось такое жилье. Но хлопоты по его получению, сложные жилищные обмены привели Вертинских в самый центр Москвы, в квартиру на улице Горького (ныне Тверская). Такой переезд на главную улицу столицы Вертинский принял с восторгом. Подумать только: Москва, центр!

Но была еще одна причина, вызвавшая радость Александра Николаевича, поселившегося в доме на улице Горького. До революции он и его сестра Надя жили в Козицком переулке, на углу которого и улицы Горького и стоит ныне мемориальный дом. Надя, выступавшая в опереточной труппе на сцене Театра миниатюр в Мамоновском переулке, поддерживала

театральные увлечения брата, верила в его творческие возможности. И эта поддержка сестры сохранялась в памяти Александра.

Молодой дебютант нашел себя, нашел свою маску «бродяги Пьеро» на театральной эстраде в том самом Театре миниатюр.

Переломный 1917 год заставил многое переосмыслить. Так что маска Пьеро певцу уже не нужна: метафора в его песенках уступает место прямому, открытому слову.

В ноябре 1917 года Вертинский выступил в Петровском театре в Москве с новой песней «То, что я должен сказать». Она посвящена погибшим юнкерам – сторонникам Временного правительства, защищавшим Кремль в сражении с революционными солдатами в октябрьские дни 17-го года. Артист вышел на сцену не в костюме Пьеро, а в черном фраке с траурным креповым бантом, завязанным на правом рукаве. И вот как пел Вертинский о мальчиках-юнкерах: «Подойдя к краю рампы, я бросал слова, как камни, в публику – яростно, и сильно, и гневно! Уже ничего нельзя было удержать и остановить во мне. Зал задохнулся, потрясенный и испуганный: “Я не знаю, зачем и кому это нужно, // Кто послал их на смерть не дрожавшей рукой...”»

Трагизм происходящего нарастает и прорывается в дерзком укоре ошеломленным слушателям:

И никто не додумался просто
стать на колени
И сказать этим мальчикам,
что в бездарной стране
Даже светлые подвиги –
это только ступени
В бесконечные пропасти
к недоступной весне.

Крамольность этой песни была очевидна для большевиков, пришедших к власти после

Октябрьского переворота. Вот почему автора песни о юнкерах вызвали в Москве в ЧК.

«– Вы что, симпатизируете контрреволюции? Вы на стороне этих буржуазных выкормышей? – спросили меня.

Я ответил, что просто их жалею, что они отдали жизни за безнадежное дело. А их жизни могли бы пригодиться России.

– Новая Россия обойдется без них, – ответили мне.

– Но это же просто песня, и потом вы же не можете запретить мне их жалеть.

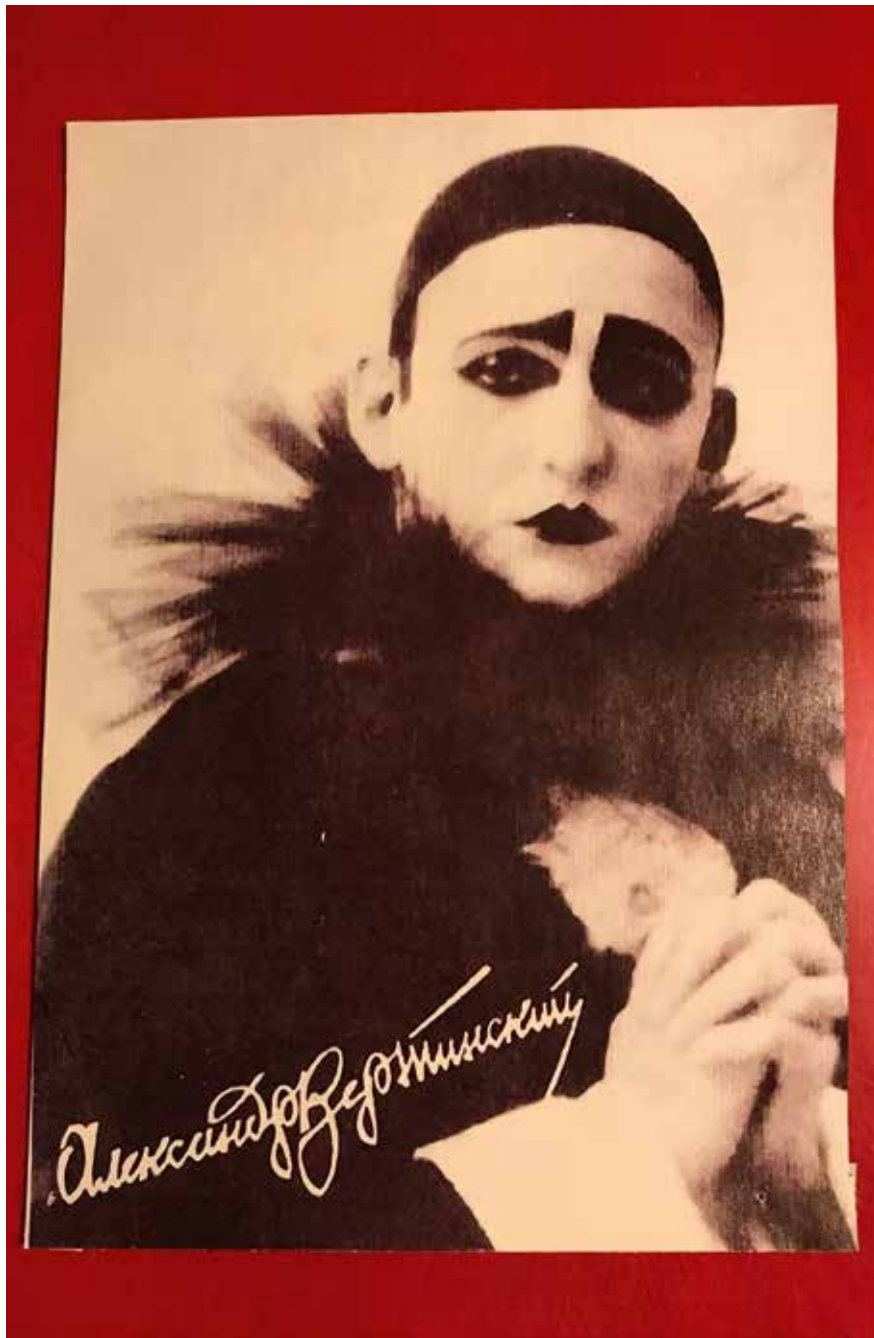
– Надобует, и дышать запретим! Вот тогда я и понял, что для меня места в новой России нет.

И я уехал на юг».

Крым, Севастополь... Так началась эмиграция Вертинского, его сомнения и горькие переживания. Но были и поднимавшие настроение впечатления, и примечательные встречи – и прежде всего в странах, в которых отогрелась его душа и он ощутил прилив новых творческих сил – в Польше и во Франции.

К Польше, рассказывал русский шансонье, «у меня всегда была какая-то нежность. Может быть, потому что в моих жилах, несомненно, течет некоторая доза польской крови. Людей с моей фамилией я в России не встречал. Зато в Польше она попадалась мне более или менее часто. Правда, там она произносится иначе. Поляки говорят: “Пан Вертыньский” или “Пан Верцинский”. Но это уже вопрос произношения. Какой-нибудь прадед у меня, наверное, был поляком».

В Польше создал он песни, которые вошли в его «золотой канон». И самая знаменитая из них песня, точнее романс – «Пани Ирена». Он исполнял его в Варшаве в 1923 году. Пел, обращаясь к сидящей в зале полячке, вглядываясь в ее «крылатые брови», в «лоб

Беатриче», в ее «гордые польские руки». Пел, завершая романс страстным признанием:

*И бледнеть, и терпеть,
и не смею увлекаться,
И, зажав свое сердце в руке,
Осторожно уйти,
навсегда отказаться
И еще улыбаться в тоске.*

*Не могу, не хочу, наконец – не желаю!
И, приветствуя радостный плен,
Я со сцены Вам сердце,
как мячик, бросаю.
Ну, ловите, принцесса Ирен!*

И он бросил со сцены красное картонное сердце в руки взволнованной слушательницы, чье лицо «до восторга, до муки

обожжено» романсом русского шансонье.

Популярность этого романса в Польше была такой, что как минимум две дюжины прекрасных варшавянок, носящих имя Ирена, утверждали, что романс посвящен им.

И не менее чем Польша, дорогá была Вертинскому Франция на рубеже 1920–1930-х годов: его покори́л Париж.

В лучших парижских ресторанах он знакомился с королями, великими князьями, банкирами, миллионерами. «Все они знакомились со мной потому, что их интересовала русская песня, русская музыка, – вспоминал Вертинский. – Случались вечера, когда за столами сидели Густав Шведский, Альфонс Испанский с целой свитой, принц Уэльский, Кароль Румынский, Вандербильты, Ротшильды, Морганы. Приезжали и короли экрана...»

С одним из знаменитых «королей экрана» Чарли Чаплином Вертинский встретился на обеде в апартаментах отеля «Крийон», соседствовавшего с Вандомской площадью Парижа и площадью Согласия.

За обедом Александр Николаевич разговорился с Чаплином и «даже успел подружиться». Начались выступления приглашенных на обед артистов. Серж Лифарь танцевал, Вертинский пел... Когда стали пить шампанское, метрдотель подал знаменитые наполеоновские фужеры старого венецианского стекла с коронами и наполеоновским «N».

Цыгане запели «чарочки» и поднесли первую Чаплину. Тот выпил бокал до дна и, к ужасу присутствующих, разбил его об пол. А через несколько минут выпил второй бокал и тоже разбил.

Все растерянно молчали. Метрдотель подошел к Вертинскому и умоляюще попросил: «Скажите этому “парвеню”, чтобы он не бил

бокалов... Это сервиз исторический. Заменить его нечем».

Вертинский проникся тревогой метрдотеля: «Я подождал, пока Чаплин нальет вина, и когда, осушив бокал, он собирался кокнуть его об пол, я удержал его руку.

– Чарли, – спросил я, – зачем вы бьете бокалы?

Он ужасно смутился.

– Мне сказали, что это русская привычка – каждый бокал разбивать, – отвечал он.

– Если она и “русская”, – сказал я, – то, во всяком случае, дурная привычка. <...> Тем более что это наполеоновский сервиз и второго нет даже в музеях.

Он извинялся и горевал, как ребенок, и больше посуды не бил».

А вслед за Францией – Америка. 5 марта 1935 года Вертинский дает концерт в «Таун-Холле», одном из самых больших, концертных залов Нью-Йорка, вмещающем две с половиной тысячи человек. В касе – аншлаг, а в зале – Федор Шаляпин, с которым он познакомился еще в Париже в 1927 году, Рахманинов, известные музыканты, артисты, художники...

Среди почетных гостей на концерте Вертинского в «Таун-Холле» – знаменитая кинозвезда Марлен Дитрих. «Я считаю, что у меня “русская душа”, – признается она и утверждает: – Русские могут так петь и любить, как ни один народ в мире...»

Она приглашает Вертинского погостить у нее на вилле в Беверли-Хиллз в Голливуде. И он принимает приглашение. Но нет, что-то не ладится, не получается – и артист покидает гостеприимную хозяйку, объясняясь с ней в полусутильной песенке «Марлен»:

*Вас не трудно полюбить.
Нужно только храбрым быть,
Все сносить, не рваться в бой
И не плакать над судьбой.
Надо розы приносить*

*И всегда влюбленным быть,
Не грустить, не ревновать,
Улыбаться и вздыхать.
Надо Вас боготворить,
Ваши фильмы вслух хвалить
И смотреть по двадцать раз,
Как актер целует Вас,
Прижимая невзначай...
Гуд бай!*

Так, улыбаясь и вздыхая, он передает все пережитое им в Беверли-Хиллз и завершает демонстративно-театральной концовкой:

*Нет. Уж лучше в нужный срок
Медленно взвести курок
И сказать любви: «Прощай!..
Гуд бай».*

А странничество Вертинского по миру продолжается. Он приезжает в Китай и здесь, наконец, находит «белую птицу Спасения» – юную Лидию Циргава, ставшую его любимой женой. Лидия – дочь служившего в управлении Китайско-Восточной железной дороги грузина Владимира Константиновича Циргава и Лидии Павловны Фоминой из семьи сибирских староверов.

Лидия была на 34 года моложе Вертинского. Такая разница в возрасте казалась ошеломительной, но ее чувства не подчинялись никаким запретам. Уже первое знакомство со знаменитым артистом покорило Лидию. Вот как вспоминала она о выступлении Вертинского в 1940 году в шанхайском кабаре «Ренессанс»: «Полутемный зал в сигаретном дыму. Небольшое возвышение для джаза. На сцену выходит пианист, и рядом возникает человек в элегантном черном смокинге. Вертинский! Какой он высокий! Лицо немолодое. Волосы гладко зачесаны. Профиль римского патриция! Он мгновенно окинул взглядом притихший зал и запел.

На меня его выступление произвело огромное впечатление. Его тонкие, изумительные и выразительно пластичные руки, его манера кланяться – всегда чуть небрежно, чуть свысока. Слова его песен, где каждое слово и фраза, произнесенные им, звучали так красиво и изысканно. Я еще никогда не слышала, чтобы столь красиво звучала русская речь, а слова поражали своей богатой интонацией».

Лидия Владимировна вошла в жизнь Вертинского той «птицей Спасения», которая принесла ему долгожданный семейный уют, двух дочерей – будущих актрис Анастасию и Марьяну. И сама Лидия Вертинская приобщи́лась к миру искусства, став художницей и киноактрисой.

Сбылось все, о чем мечтал артист в годы эмиграции: есть семья, есть свой дом, надежный и благоустроенный, где живут близкие и родные люди, которые радуются каждому твоему приезду из близких и дальних, подчас нелегких, но всегда плодотворных гастролей.

Да, плодотворных, но в самом деле нелегких для человека, чей возраст приближался к шестидесяти годам, а потом и переваливал за эту черту. А условия, в которых проходили гастрольные концерты, нередко ошарашивали отсутствием элементарного комфорта, техническими неполадками и «выходами» погоды. Вертинский так вспоминал о своем выступлении в Таганроге в мае 1951 года: «На мою беду, концерты в открытом театре, летнем, без крыши, и дует такой ветрило, что срывает крыши. Сукна кулис надуваются, как паруса, и щелкают выстрелами. Временами хлещет дождь, а ветер дует прямо в горло мне – он лобовой. Публика сидит, накрывшись плащами и зонтами, театр полон, а за его стенами еще две толпы стоячих людей, так – по тысяче человек слева и справа. Мне кажется,

Александр Вертинский, Вера Холодная и Аркадий Бойтлер в 1917 году

что я пою на эшафоте. Ни один певец в Союзе не стал бы петь в такой ситуации! Но что же делать? Наряд! Люди пришли. Ждали меня месяц... Я собираю все свои силы и... пою. Слава Богу, хоть микрофоны стоят, кажется, хорошие. Всем слышно, все довольны. Ветром меня охлобывает с головы до ног, и я думаю, будет у меня воспаление легких или не будет? Так, дрожа от холода и горя, я заканчиваю концерт. Утешаю себя мыслью

о том, что если люди идут меня слушать в такую погоду и не уходят до конца, то и я не могу уйти со сцены, как часовой со своего поста». Напряженным был предложенный артисту график работы – 24 концерта в месяц. Причем на каждом концерте из 100 представленных им песен допускалось к исполнению только 30. За этим следил неизменно присутствовавший на выступлениях Вертинского представитель из реперткома.

Конечно же, артисту было тесно в этих рамках, и он, как замечает Лидия Вертинская, «отводил душу, когда пел на закрытых концертах для театральных актеров». Но, увы, не всегда приходилось «отводить душу».

Почти полтора десятка лет прошло после его возвращения на родину, и Вертинский в письме первому заместителю министра культуры СССР С.В. Кафтанову (в 1956 году) подытожил, оценил резонансный отклик своих многолетних гастролей по стране: «Я уже по 4-му и 5-му разу объехал нашу страну. Я пел везде – и на Сахалине, и в Средней Азии, и в Заполярье, и в Сибири, и на Урале, и в Донбассе, не говоря уже о центрах. Я заканчиваю уже третью тысячу концертов. В рудниках, на шахтах, где из-под земли вылезают черные, пропитанные углем люди, ко мне приходят за кулисы совсем простые рабочие, жмут мне руку и говорят: “Спасибо, что Вы приехали! Мы отдохнули сегодня на Вашем концерте. Вы открыли нам форточку в какой-то иной мир – мир романтики, поэзии, мир, может быть, снов и иллюзий, но это мир, в который стремится душа каждого человека!..”

Все это дает мне право думать, что мое творчество, пусть даже и не очень “советское”, нужно кому-то и, может быть, необходимо».

«Форточка в иной мир», о которой писал Вертинский, – это, можно сказать, и своего рода киноэкран, раскрывший грани его дарования не только как знаменитого русского шансонье, но и как яркого киноактера. Еще до революции сыграл он свои первые роли в тогда еще «немом» кино («Великом Немом») – сохранил в памяти самые примечательные моменты его становления, гордился творческой дружбой со знаменитой в те годы «королевой экрана» Верой Холодной.

После возвращения из эмиграции на родину Вертинский активно участвует в работе «говорящего» кинематографа. И получает официальное государственное признание – Сталинскую премию II степени за роль кардинала Бирнча в фильме режиссера Михаила Калатозова «Заговор обреченных», вышедшего на экран в 1950 году. Это откровенно пропагандистский кинорассказ о заговоре реакционных сил против воли народа в некой восточно-европейской стране. По сюжету фильма Католическая церковь участвует в «заговоре обреченных». В роли кардинала Бирнча Вертинский стремился не сгущать красок и не делать из этого персонажа «заведомого» злодея, так что игра актера заслуживала высокой оценки. Он вживался в образ: выучил богослужение на латыни, провел вечер с экспертами – католическими священниками. И как вспоминал артист, ксендзы во Львове, пришедшие смотреть сцену богослужения, были потрясены «благородством образа и точностью исполнения» Вертинского.

Но, пожалуй, самым запоминающимся стало участие Вертинского в фильме «Анна на шее» (по рассказу Чехова), премьера которого состоялась в мае 1954 года.

Режиссер фильма Исидор Анненский писал о Вертинском, сыгравшем в «Анне на шее» одну из центральных ролей: «Роль князя в исполнении Вертинского стала украшением фильма. Это был подлинный князь – представитель высшей российской аристократии... С какой легкостью и убежденностью в своем на то праве распоряжался Вертинский-князь судьбой Анны, как уверенно отнимал ее на балу у Артынова, как царственно и небрежно награждал орденом ее мужа Модеста Алексеевича... Мы

Лидия Вертинская в роли Птицы Феникс в фильме Александра Птушко «Садко»

недаром прозвали его “обломком империи”».

О киноролях вкупе с образами романсовых персонажей размышлял Вертинский в своем поэтическом манифесте:

Я всегда был за тех,
кому горше и хуже,
Я всегда был для тех,
кому жить тяжело.
А искусство мое, как мороз, даже лужи
Превращало порой в голубое стекло.
Я любил и люблю этот бренный
и тленный,
Равнодушный, уже остывающий мир,
И сады голубые кудрявой вселенной,
И в высоких надзвездях синий эфир.
Трубочист, перепачканный
черною сажей.
Землекоп, из горы добывающий мел.
Жил я странною жизнью моих
персонажей,
Только собственной жизнью пожить
не успел.
И, меняя легко свои роли и гримы.

Растворяясь в печали и жизни чужой,
Я свою – проиграл, но зато Серафимы
В смертный час прилетят
за мою душу!

Он не успел завершить свои мемуары. Не успел сыграть роль Барона в пьесе Максима Горького «На дне» на сцене драматического театра и кардинала Монтанелли в фильме «Овод»...

А когда вскоре после смерти Александра Николаевича писатель Лев Никулин был на приеме у чиновника по делам искусств, тот сообщил ему: «А у меня под сукном лежит приказ о присвоении артисту Вертинскому звания “Заслуженный артист”. Я все собирался отдать приказ для публикации в прессе, но не успел. Столько было дел, что я все откладывал».

Сам Вертинский вскоре после возвращения на родину, заполняя анкету, пояснял: «У меня нет ничего, кроме мирового имени».

РОЗЫ И... КРЕСТ

Продолжение. Начало в № 155/05–06 (5026)

ВЯЧЕСЛАВ НЕДОШИВИН

Они случайно, но необычно встретятся еще в 1912 году. Она, дочь врача, москвичка по рождению, жила тогда в Петербурге как раз в доме на 4-й линии. Ее муж Петр Семенович Коган был приват-доцентом университета. Она – двадцатичетырехлетняя восторженная девушка – училась на филфаке Бестужевских курсов. И как-то напишет в воспоминаниях:

«Я возвращалась с Островов. Уже темнело. Я проголодалась и зашла в кафе. Заняв свободный столик, пошла звонить по телефону домой. Вернувшись, застала сидящего за моим столиком Блока. Но в этот момент соседний столик освободился, и Блок, извинившись, пересел»...

Вот и вся первая встреча. Для Блока. Но – не для нее. Ибо после этого вечера она, то ли впервые

увидевшая поэта, то ли уже тогда влюбившаяся в него, почти год решалась написать ему первое письмо. Бросит его в почтовый ящик в марте 1913 года. А в письме (нетрудно представить, что пишут девушки любимым поэтам!) была все-таки одна необычная фраза. Надя спрашивала: не разрешит ли Блок присылать ему иногда красивые цветы. Так просто – из любви к стихам! «Да, если хотите. Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма», – вежливо, но не больше, ответит он. И полтора года, до 28 ноября 1914-го, Блок, вместе с Надиными письмами, будет получать букеты цветов. А 28 ноября она решится и впервые придет к нему домой – вломится (я не ошибся в выборе слова).

«День был снежный, бурный, – пишет она. – Проводив мужа (П. С. Коган шел на вечернюю лекцию – В.Н.), я перешла Дворцовый мост и медленно направилась в сторону Офицерской улицы, где жил Блок... Решительно отворила дверь подъезда, поднялась на четвертый этаж и позвонила... Отворила опрятная горничная... Вешалка, висит шуба, лежит его котиковая шапка. “Барина дома нет”, – сказала горничная, но я почему-то не поверила. “Нет? – переспросила я. – Ну, что же, я вернусь через два часа”. Прислуга изумленно взглянула на меня...»

Наняв извозчика, упрямая Надя помчалась в магазин Гвардейского экономического общества, в дом, который петербуржцы годами звали «ДЛТ» – Дом ленинградской торговли. Поднялась в кафе.

Потом, купив в цветочном магазине букет алых цикламенов, поймала лихача и через полчаса вновь стояла у дверей Блока. На этот раз горничная молча помогла ей скинуть шубу, снять ботинки и провела ее в кабинет. Блока не было в нем, хотя незримо он был. Присутствовал в полумраке комнаты, в горячей настольной лампе, старом уютном диване, на котором (ей пока это было неизвестно!) сидели когда-то у деда Блока и Достоевский, и Салтыков-Щедрин, наконец, в теплой еще голландской печи в углу кабинета и придвинутом к ней кресле. Надя, это она запомнила точно, положила на стол цикламены и почти сразу услышала быстрые, легкие шаги. «Так это вы?» – узнал по цветам свою давнюю корреспондентку Блок. «Да», – кивнула она.

Так начался почти семилетний роман ее. Она запомнит его первые вопросительные – украдкой – взгляды на нее, то, как он ходил по комнате, как, закулив, присаживался у печки, чтобы дым вытягивало в трубу. Пишет, что на том самом диване в кабинете ей сразу стало «привольно, просто и легко». А когда собралась уходить, Блок, наклонившись над ней, сунул в ее муфту, к ее горячим рукам ту «мусагетовскую» книжечку. Она успеет прочесть на обложке – «Ночные часы»...

Он подарит ей шесть своих сборников, которые только будут еще выходить. На последнем – на сборнике «Седое утро» – напишет: «Надежде Александровне Нолле эта самая печальная, а может быть, последняя моя книга. Октябрь 1920».

А вообще, она и сама будет помогать ему выпускать книги, искать издательства, вести переговоры с театрами, с самим Немировичем-Данченко о постановке его пьес, устраивать его вечера в Москве, собирать и отсылать посылки.

Дружба, похожая на любовь, и любовь, очень напоминающая дружбу.

Впрочем, после февральской революции она, как когда-то актриса Наталья Волохова – первая после Любы сильная любовь его, – навсегда уедет в Москву. Ни переписка, ни встречи не оборвутся. Напротив, любовь-дружба только и вспыхнет тогда по-настоящему. Именно Надежда дважды буквально вытащит его в любимую им Москву, когда он не хотел уже даже жить. И именно он, из двух кукол, подаренных ему в Москве, одну оставит ей – на счастье. И только ли куклу?..

В Петербурге у Блока было тьма романов, а в Москве – одна она. В год, когда он увиделся с Надей, у него как раз состоялась встреча с его «Кармен» – Андреевой-Дельмас. До того была «Снежная маска» – актриса Волохова. Я уж не говорю о преданных поклонницах, которые, случалось, обцеловывали дверную ручку его квартиры или – известный случай! – часами незаметно преследовали его на улицах, украдкой подбирая за ним окурки папирос и пряча их в «заветную» коробочку. Что говорить, даже гимназическая любовь Блока Ксения Михайловна Садовская до самой смерти хранила его письма. Ей, когда в нее влюбился 17-летний Блок, было, как помните, 37. Она была уже статская советница, мать троих детей, а вот – поди ж ты... Как стало известно ныне, потеряв в Гражданскую войну детей, состояние и мужа, она, сумасшедшей нищей старухой окажется в одесской больнице, где врач, лечивший ее, узнает в ней героиню стихов Блока из цикла «Через двенадцать лет». Совпадет с ее инициалами посвящение поэта: «К.М.С.».

«Выяснилось, – пишут ныне, – что неизлечимо больная, полубезумная женщина и есть та синеокая богиня, о которой писал Блок.

О посвященных ей бессмертных стихах она слышала впервые». Но, когда она умрет, тогда и узнают, что, «потеряв решительно все, старуха сберегла пачку писем, полученных 25 лет назад». В поезде ее юбки было зашито 12 писем Блока, перевязанных крест-накрест алой лентой. Вот ведь как любили его! А он, надо признать, по-настоящему любил только, кажется, Любу – ту «принцессу» из Боблова, «Офелию» – из Шахматова, ту «маленькую Бу», как звал ее дома. Может, это и есть главная тайна его? И главная трагедия? Ведь в 1916-м он запишет в дневнике: «У меня женщин не 100–200–300 (или больше?), а всего две: одна – Люба; другая – все остальные...»

Помните, я говорил о «петле», в которую попал Блок, о какой-то страшной тайне его? Может, «петля» – это все-таки Люба? Кстати, «петлей» и в том же 1920-м назовет тот давний мучительный треугольник, в центре которого были Люба и Андрей Белый, который скажет Ирине Одоевцевой: «Мы очутились в петле. Ни разорвать. Ни развязать». И признается – он разбил жизни Блока и Любы. Так может, действительно – все дело было в Любе? В его трудной жизни с ней? В его метаниях между вечно ссорящимися женой и его матерью – между «Райлюбой» и «Рай-мамой», как горько шутил Блок, когда вместе с советской властью в быт вошли дикие аббревиатуры? Не знаю! Тайна и есть тайна. Тем более тайна «сфинкса», как назвал Блока критик Голлербах. Но с Любой, его «маленькой Бу», все было уже действительно плохо.

«Люба довела маму до болезни, – писал он. – Люба отогнала от меня людей. Люба создала всю ту невыносимую сложность и утомительность отношений, какая теперь есть. <...> Люба, как только она коснется жизни, становится

Музей-квартира Александра Блока. Санкт-Петербург, ул. Декабристов, 57 (бывшая Офицерская)

сейчас же таким дурным человеком <...> Хуже, чем дурным человеком, – страшным, мрачным, низким <...> Но <...> я не могу с ней расстаться и люблю ее».

Любил, ибо еще одну запись в дневнике в июле 1916 года без острой жалости к поэту читать невозможно: «Ночью, – пишет он, – из комнаты Любы до меня доносится: “Что тебе за охота мучить меня?..” Я иду с надеждой, что она – сама с собой обо мне. Оказывается – роль. Безвыходно все для меня. Устал, довольно...»

Ныне все открыто: и письма, и мемуары без стыдливых купюр. Но это «все» лишь подтверждает – ничто не ново под луной. Ссоры, семейные скандалы, ревность друг к другу, явная и тайная борьба за сына и мужа – так жили, живут и будут жить люди. Все похоже, кроме одного: между двумя этими женщинами «несменяемым часовым» стоял, мучился, разрываемый любовью к обеим, живой гений. Вот трагедия-то! А если помнить неудачи с театром, невозможность честного заработка, бойкот, объявленный

ему за поэму «Двенадцать», когда от него отвернулись Ахматова, Сологуб, Гиппиус, даже лучший друг его, поэт Пяст; если помнить, что он и сам все больше и больше разочаровывался в революции и «новой жизни», то понятны и желание его «наложить на себя руки», и слова о «петле».

Спасала Москва. Он, как преступник на место преступления, рвался туда, где испытал когда-то счастье: с женой, с друзьями, с поэзией. В 1917-м, в самую апрельскую капель, возник на улочках первопрестольной в «защитке». В военной форме: в фуражке, высоких сапогах, в шинели, перехваченной ремнями. Приехал в отпуск из прифронтовых болот, где он, табельщик 13-й инженерно-строительной дружины, «заведовал» окопами, траверсами, ходами сообщения, строительством и пулеметных гнезд, и блиндажей. Он только что вконец разочаровался в войне и только-только впадал в мальчишеское очарование от чуда свершившейся февральской революции. Ведь красный

флаг над Зимним в Петрограде – не чудо ли?! В дневнике записал: «Труд – это написано на красном знамени революции. Труд – священный труд, дающий людям жить, воспитывающий ум и волю и сердце». Матери в те дни писал: «Жалеть-то не о чем, изогавшийся мир вступил, во всяком случае, в ЛУЧШУЮ эпоху <...> Это признак, что мы устали от вранья». Скоро напишет ей: «Я подал голос за социалистический блок (с.-р. с меньшевиками) ... и был очень рад, когда выяснилось, что швейцар, кухарка, многие рабочие тоже подали голоса именно за этот список». И допишет: «А в тайне (склоняюсь) – и к большевизму...» А Любе, бывшей в то время на гастролях, вскоре напишет про интеллигенцию ну прямо, как Ленин: «Если “мозг страны” будет продолжать питаться все теми же ирониями, рабскими страхами, рабским опытом усталых наций, то он и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут... Какое мы имеем право бояться своего великого, умного и доброго народа?...» Увы, скоро этот «народ», чернь, конечно, его первого и вышвырнет из жизни. Да что из жизни – из истории литературы! Сам Фадеев, генсек Союза писателей СССР, через десятилетия, в начале 1950-х, будет грозить с трибуны ему, давно мертвому: «Если бы Блок не написал “Двенадцать”, мы бы его вычеркнули из истории советской литературы». Так будут «любить» его красные. Но ведь и белые за ту же поэму не только отвернутся от него – будут грозить убийством. Известно: адмирал Колчак, ныне всеобщий любимец, пообещает в случае взятия Петрограда прежде всего повесить Горького и Блока. Да, да – это факт!

Впрочем, в апреле 1917-го поэмы еще не было, а Блока в Москве

ждал Художественный театр, где он должен был читать свою пьесу «Роза и крест».

«Раннее утро, ярко освещенное солнцем большое фойе театра», – вспоминала о встрече с ним актриса Гзовская. Вся труппа в сборе: Немирович, Качалов, Лужский, Лилина, Берсенев, Германова. И – минута в минуту – Блок! Видно было, пишет Гзовская, что он взволнован, что, прищурив «лучистые глаза», он чаще смотрел в окно, чем в лежавший перед ним текст: читал почти наизусть. После чтения, когда все, гремя стульями, станут расходиться, она подойдет к нему. «Боюсь я этой роли, – скажет ему, незнакомому еще, про Изору, героиню пьесы, – но очень хочу ее играть» – «Что же вас пугает?» – ласково спросит Блок. – «Да вот она испанка, а я не знаю, не очень ли я северная?...»

Вместе выйдут на московские улицы. И... на минуту влюбятся друг в друга. Не знаю, рассказывала ли она в первый день знакомства, как еще недавно, на одном из его вечеров, Качалов хотел познакомить ее с ним, тянул ее за кулисы, а она упиралась: «Я... побоялась. Я знала по рассказам, какие актрисы нравились ему. Я знала, что я совсем другая, не блоковская...» Наконец, спрашивала ли она Блока в тот первый вечер о войне и рассказывал ли он ей, как, вообще-то, боялся идти в армию: «Ведь можно заразиться, лежа вповалку, питаюсь из общего котла... ведь грязь, условия ужасные». И как потом научился спать при громких разговорах, делить еду, ваксу, иногда даже кровати, как привык подолгу не умываться, есть чужой ложкой, сутками обходиться без чая. Ничего этого мы не узнаем. Знаем только, что вскоре, они, не замечая времени, стали подолгу бродить по Москве. «Блок очень

Надежда Коган

любил московские старинные улицы и переулки», – вспомнит потом Гзовская. Проходя как-то мимо какого-то дворика, он посмотрел на маленькую церквушку, на огни свечей сквозь стекла ее, на детей, игравших во дворе, и, улыбнувшись, сказал: «Вот странно – ношу фамилию Блок, а весь я такой русский. Люблю эти маленькие сады около одноэтажных деревянных домишек...»

Кажется, вместе ходили в гости к Качалову (М. Никитская, 20), который, зная, что Блок любит цыганское пение, приглашал для него в дом цыганку Дашу, свою знакомую, – та пела поэту романс «Утро туманное, утро седое». Догадывался ли Блок, да и Качалов, что оба, великий актер и великий поэт, еще недавно любили одну и ту же женщину – актрису Волохову, блоковскую «Снежную маску»? Теперь Волохова жила

«Женский портрет» (Портрет актрисы Ольги Владимировны Гзовской) работы Аристарха Лентулова. 1918

в Москве, кстати, недалеко от Качалова (Мерзляковский, 6), но Блок вряд ли навещал ее*.

Были с Гзовской в доме с мезонином напротив сада «Эрмитаж» – у Станиславского (Каретный ряд, 4), который и на квартире у себя продолжал репетировать пьесу Блока. Именно Станиславский на собрании труппы вогнал в краску Гзовскую неосторожной шуткой.

«Отгадайте загадку, – спросил у актеров, – что общего между Ольгой Владимировной Гзовской и Россией?» И, лукаво улыбаясь, сам же ответил: «И та, и другая блокированы...» Все рассмеются, а она долго запомнит свое смущение.

Не знаю в точности вместе ли были Блок и Гзовская у «мэтра» – у Вячеслава Иванова еще на Остоженке (Пожарский пер., 10), куда он переехал

из Петербурга в 1912-м – позже поселится на Zubovskom (Зубовский бул., 25). Туда, на Зубовский, Блок придет к Иванову в 1920-м уже с Нолле-Коган, и «мэтр», когда они помирятся после размолвки из-за поэмы «Двенадцать», как когда-то встарь пошлет Блоку на другой день букет роз.

Наконец, не знаю, был ли Блок в 1917-м (в 1920-м, это известно, – был) дома у самой Ольги Гзовской (М. Дмитровка, 22), где она жила с мужем? И последнее – водила ли она поэта в затейливое красное здание 3. И. Перцевой (Соймоновский проезд, 1), в угловой дом рядом с Храмом Христа Спасителя?

Дом Перцевой – знаменитое место! С башенками, балкончиками, с майоликовыми панно, он – по стилю типичный северный модерн – принадлежит ныне МИДУ, и просто так туда не зайдешь. А в 1915–1917 годах именно сюда «просто так» забегали по вечерам писатели, артисты, художники, музыканты. Здесь была тьма студий. Тут «раскинул свой театральный шатер» знаменитый критик Ярцев, чьи репетиции начинались за полночь, когда кончались спектакли в московских театрах. Прославленный в веках Балиев именно здесь создавал свою «Летучую мышь» – его театр вскоре переедет в подвал первого московского небоскреба – в дом Нирензее (Б. Гнезниковский пер., 10). Молоденькая поэтесса Нина Серпинская, тогда, впрочем, еще и «живописица», в огромной шляпе типа «абажур» и черном костюме «директуар», приходила в Соймоновский в «Подвал Московского общества художниц». Приходила рисовать обнаженную натуру, но чаще затем, чтобы «в такт качанию шляпы, – как

откровенничала в старости, – учиться бросать острые кокетливые взгляды и фразы...»

Стены, обитые светлым кретоном, небольшая уютная эстрада с артистической уборной, отдельный ход – все здесь соответствовало некому интимному кабаре. «Каждый член-основатель, – вспоминала Серпинская, – имел право водить своих знакомых, внося по рублю за вход и чай с угощением. Мы не ожидали, какой быстрой и громкой популярностью станут пользоваться наши вечера. Подвал, не вмещавший больше ста человек, к десяти часам наполнялся так, что остальные гости не могли втиснуться». А в другом помещении, рядом, показывал пародии будущий «кинематографщик» Лев Кулешов и, напялив на себя черный балахон, пел под гитару Александр Вертинский: «Ваши пальцы пахнут ладаном...» Вечный художественный кавардак. Беспрерывно варится кофе, кто-то среди ночи глушит коньяк, на низких диванах полусидят, полулежат зрители и исполнители, и не поймешь, кто за чем пришел. А когда вдруг приезжал сам Леонид Андреев или «треугольный» Мейерхольд, то кто-то и того и другого встречал победным маршем на бесхозном рояле. Словом, было «весело, озорно, оживленно». И именно здесь Гзовская не просто бывала – вела студию свободного танца. В стиле модной тогда «босножки» – Айседоры Дункан.

Вообще они были почти ровесниками, Блок и Гзовская – она была на три года младше. Родилась в Москве, в семье таможенника, училась в театральной школе при Малом театре, где и стала играть потом. Дездемона, Марина Мнишек, Клеопатра – все главные роли были ее, как и роли во МХАТе, куда на семь лет она пришла в 1910-м. Потом будет режиссура, съемки в кино, поездки с концертами по фронтам Гражданской войны, (кстати, в 1918 году читала перед красными курсантами «Наш

марш» Маяковского, а в зале, в первом ряду сидел Ленин), а потом, неожиданно – эмиграция, преподавательская работа и в 1932 году – необъяснимое возвращение в СССР. Переиграла в театрах и в кино, кажется, все, только вот роль Изоры в блоковском спектакле ей так и не удалось сыграть. Спектакль уже на генеральной репетиции вдруг забракует Станиславский. Спектакля не будет вообще, и Добужинский, художник, оформлявший его, назовет это катастрофой. «Были обижены все, – пишет Добужинский, – и Блок, и Немирович, и я...»

Да только ли обижены? Ведь для Блока были еще, извините, и меркантильные последствия, вернее – отсутствие их. Попросту – деньги. Ведь в конце 1915-го, он, «проев» отцовское наследство, записал в дневнике, что положение стало не просто критическим – аховым. «“Честным” трудом литературным прожить среднему и требовательному писателю, как я, почти невозможно, – жаловался сам себе. – Посоветуйте же мне, милые доброжелатели, как зарабатывать деньги: хоть я и ленив, я стремлюсь делать всякое дело как можно лучше. И, уж во всяком случае, я очень честен».

Короче, крушение надежд на постановку пьесы «Роза и крест» вызвало бурю чувств в его душе. Даже через три года, в 1920-м, приехав в Москву уже по зову Нади Нолле, он, забежав к Гзовской, прежде всего спросит: не жалеет ли она, что не сыграла

Памятник Александру Блоку на ул. Спиридоновка в Москве

Изору? А получив утвердительный ответ, странно улыбнется и добавит, что со Станиславским, хоть он и великий человек, они все-таки не всегда понимали друг друга...

С Гзовской встретится и в 1920-м, но короткий роман их закончится еще в 1917-м. Да и роман ли? Скорее флирт, увлечение, «романтическое приключение», как говорят ныне. Ведь он писал матери про Гзовскую, что «она любит Игоря Северянина» и что он, помимо этого, никак не может «в нее... влюбиться»...

Все, сцена, сцена! Розы еще будут ему в Москве, а вот крест, вернее, крестик, та же Цветаева, именно в 1916 году написавшая про то, что его «заставят» умереть, увидит в руках у Нади Нолле только после смерти поэта. Крестик, увитый искусственными розами.

Продолжение следует

* О любви Блока к актрисе Наталье Волоховой (ур. Анцыферовой) можно долго рассказывать. Но по словам В. П. Веригиной, близкой к семье А. А. Блока, сам поэт к концу жизни не только разлюбил Волохову, но говорил о ней с раздражением, почти с ненавистью. Последний раз Блок встретил ее в апреле-мае 1920 г. в музыкальной студии МХАТа – столкнулись в фойе. Условились поговорить в антракте. Видимо, инициатива принадлежала все-таки Волоховой, ибо, когда в зале зажгли свет, Блока уже там не было.

ОЧЕРК

БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАЛОЙ РОДИНЫ

*Родина – она и в поле, и на пруду, и на грибной опушке, в августовском дожде,
в добром поступке, чистом помысле*

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН

В.М. Сидоров. «Жаркий день сенокоса». 1980

Станция, бетонка, церковь Покрова на высоком холме, продуваемом всеми ветрами. Вновь я посетил Головково, тот уголок земли, где прошли годы беспечного детства. Как много воспоминаний связано с этой деревней! И вроде деревня как деревня, каких тысячи в России, что тут особенного? Все особенное!

Что есть Россия? Как понять патриотизм? Счастливая пора детства. Сейчас особенно памятно мне время сенокоса – страда (может потому, что поля у Головкова не засеивают). Правда, косами уже не косили, работала техника. День,

другой – поле голо. Только высятся огромные горы сена, горы высотой три-четыре метра. Переживая страх и восторг, карабкались мы на самую вершину, а потом скатывались вниз. Высокое лето, опьяняющий запах скошенной травы.

Недавно увидел я картину В.М. Сидорова с сенокосом, и все в памяти ожило: далекое, невозвратное время. Еще памятна вспашка: по полю, дымя трубами, плавно ходят один-два трактора, это гиганты «Кировцы», за плугом оживление, летают десятки чаек и грачей. У них пир. А ты стоишь и смотришь на пашню, как темнеет только что

взрытая металлическим лезвием земля. Прогревается на солнце земля-кормилица, иной раз можно увидеть, как поднимается пар к небу, едва приметный. Скоро колхозники засеют поля рожью или картошкой, горохом или подсолнухом, а может поднимется разнотравье (полю дадут отдохнуть годок).

Помню на лесной дороге встретился нам однажды бородатый мужчина – родители, тихо переговариваясь, повторяли: «Никоненко». Актер жил и работал над ролью в Головково. Занесло в Головково и Порфирия Крылова (одного из Кукурыничков), нарисовавшего улицу в деревне. Смотрю и узнаю дома.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы... Как читал я в одном историческом труде: «...на пустошь Шилову вблизи погоста были переселены крестьяне из сел Вознесенского и Борщево, так появилось село Головково». Деревянная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы появилась в 1720-е годы. В 30-е годы XVIII века выкопали два пруда, возвели деревянные хоромы для тверского архиепископа, посадили яблоневый сад. В 1856 году по проекту архитектора Быковского началось строительство нового каменного храма. В 1864 году храм был освящен.

Я помню церковь в Головке разоренной. Мальчишками приезжали мы на велосипедах к каменной громадине, с замиранием сердца пробирались внутрь, там всегда было сумрачно и прохладно. Под

П. Н. Крылов. «Головково». 1964

куполом ворковали голуби. На земле валялись бревна, полов не было. Потрясли меня на всю жизнь чудом сохранившиеся росписи. Эти изображения древних святых тронули мальчишескую душу. Очень хотелось забраться на колокольню, но лестница сгнила и обвалилась. За окнами шелестели листьями липы. Часть лип порубили при реставрации церкви. Старые росписи закрасили и переписали. А мне они сняты. Знаменитая художница Т.А. Маврина увековечила головковскую церковь и пейзаж, который в наши дни существенно изменился. Очень точно сказано у Мавриной о красоте подмосковного края: «Пейзаж за пейзажем. Целая непрерывная лента пейзажей, если день по душе. Где остановит глаз? Наше Подмосковье с малыми речками, неглубокими

оврагами, невысокими увалами – так красиво»!

Помню я и исток Истры. «Два ручья, берущие начало в болоте у деревни Коськово, слившись образуют неширокую, но уже четко выраженным руслом и заметным течением речку. Неподалеку от места их слияния, на возвышенном берегу, в селе Головково стоит церковь» (из книги «По берегам Истры и ее притокам», М., Искусство, 1974 год).

Помню я Истринское водохранилище у Кривцова, выброшенные на берег катера, казавшиеся мне пароходами. В Истре, через которую были переброшены два бревна, мы купались, едва ли где были места глубже метра, омуты мы не нашли. Чистая и холодная Истра. На другом берегу поля, засеянные подсолнухом и кукурузой. Теперь иное: вместо полей – дачи, дачи,

дачи. Недавно мой старший брат спросил: «Как ты думаешь, могу я по течению Истры дойти от Лаптева до Солнечногорска?» Я очень засомневался: слишком заросло русло, чересчур застроены берега – не пройти. А в памяти: я все еще плещусь в Истринских водах, а над головой возвышаются ели.

Окрестности Солнечногорска богаты на памятные места и имена. Другая деревня – Чепчиха возле платформы Сенез. В XIX веке здесь стояла усадьба бабушки поэта Аполлона Майкова, живавшего в Чепчихе и написавшего:

*Картины бедные полуночного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню умирая;
От сердца полного все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми,
учили жить меня.*

Т.А. Маврина. «Головково». 1945

А в другом стихотворении Аполона Николаевича есть строка: «Себя я помнить стал в деревне под Москвой».

Усадьба не сохранилась, но в старом парке остались рукотворные пруды. Я помню, как на лодках катались по пруду жители дома отдыха. Сейчас и дом отдыха закрыт, на территорию майковской усадьбы не попасть. Легко было идти по земляным тропинкам парка, щедро засыпанным хвоей, вперед и вперед. За деревьями шумело Ленинградское шоссе.

Сенеж – чудо природы! В старой книге «Рыболов-спортсмен» за 1958 год можно прочитать две любопытные истории. «Сенежское озеро, расположенное в 60 километрах от Москвы и в двух километрах от станции Подсолнечная Октябрьской железной дороги, образовалось в результате устройства

земляной плотины, сооруженной в долине рек Сестры и Мазихи. Ранее существовало небольшое озеро, площадью около 80 гектаров, на месте нынешней части озера, известной под названием Старого Сенежа.

Возникновение озера Сенеж относят к 1825 году. Создание этого искусственного водоема связано со строительством водной системы для соединения Волги с Москвой через систему рек Дубна – Сестра – Истра. Для этого между верховьями рек Сестры и Истры был построен соединительный канал, который можно и сейчас видеть в Солнечногорске, а также на Истринском водохранилище в районе Кривцово – Миронцево»... Читать это, как смотреть и «путешествовать» по географической карте – дух захватывает!

Соединить Москву с Волгой задумал царь Петр в 1722 году. Инженер Вилим Генинг готовил русскому самодержцу проект в трех вариантах. Только отложили это дело на столетия. Рыли канал, спрямили Истру, построили тринадцать каменных шлюзов. И в 1844 году пошли по подмосковным берегам бурлаки, тянувшие баржи с грузами.

Но построенная Николаевская железная дорога обесценила «новый» водный путь. Перестали возить грузы по воде, заилились и заросли каналы. Скоро их бросили. Как иронична судьба, как история в чем-то напоминает зеркало...

Ах, Сенеж, мой, Сенеж – протяжно скажу я, почти повторив барда. Было время! О громадных сенежских карасях весом 4–5 килограммов упоминает в своей книге «Рыбы России» знаменитый русский зоолог и рыболов

Л. П. Сабанеев (1882). Гигантских карасей нам ловить не доводилось, но мой старший брат рыбу на озере ловил, а еще больше промышлял раков, пока берега не засыпали песком, нагородив пляжи.

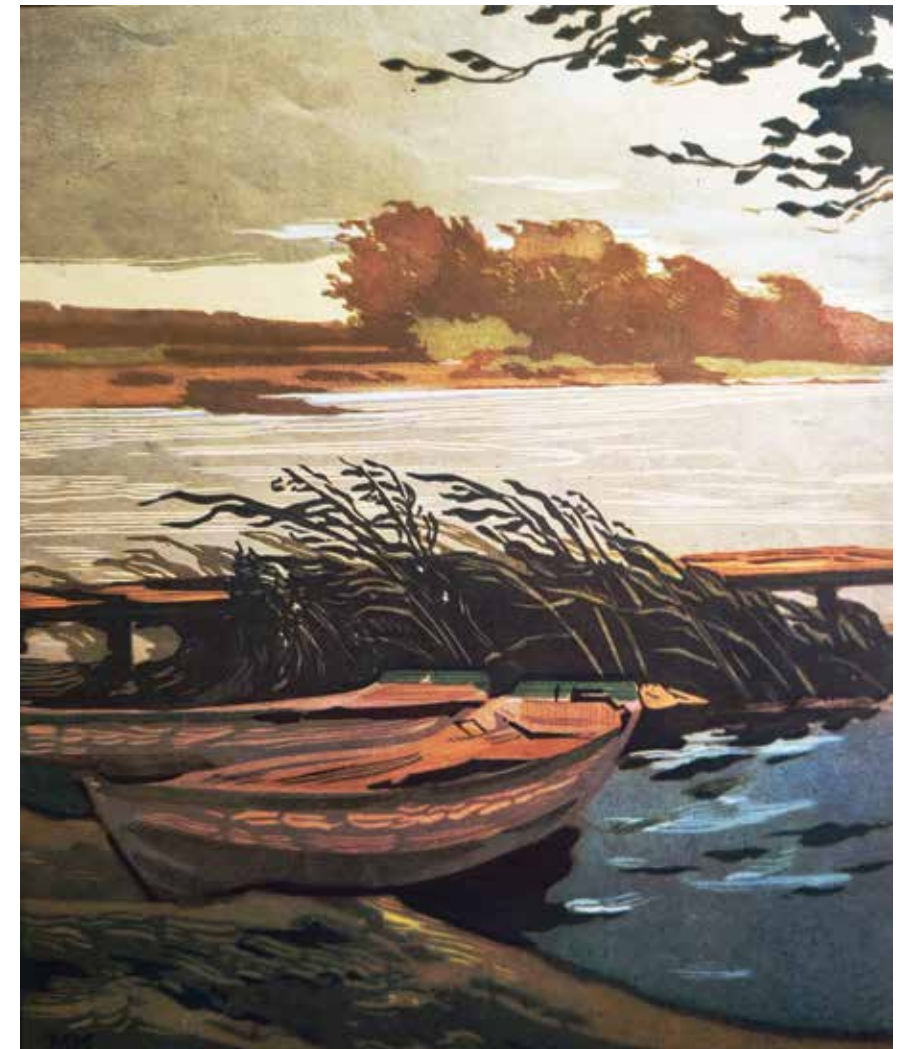
Для себя недавно сделал я открытие: какое множество художников рисовало мой Сенеж! И художники замечательные. М. В. Маторин – один из лучших гравиров не однократно приезжал и работал на Сенеже. Его пейзаж с лодками считаю одной из лучших работ. Много работ создано художниками, но лучше один раз увидеть, чем бесконечно слушать рассказы.

Уже пожив на свете, добрался я до Тараканова, Шахматова, Боблова, увидев, наконец, блоковские места. Александра Александровича Блока до сих пор считаю своим соседом и земляком. С трепетом беру книги его стихов, читаю:

*Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.*

Образы знакомые и родные... Вид елового леса, зубчатый рисунок верхушек деревьев (сказочный орнамент!) до сих пор приводит меня в восторг. С этих еловых зубцов начинается для меня всякий раз сказка. Жаль, что возле Головкова лес одряхлел и повyrублен. Не могу я смириться с застройкой и заборами. Где было чистое поле – садовые товарищества. А ведь исторический пейзаж – это достояние народа. Как объяснить потом внукам, что такое вольная воля, полевой простор, если они жизнь видят из-за забора?

Впрочем, животным в зоопарке воля не нужна. Может и человек такое «животное в неволе»? Нет, не могу с этим свыкнуться, не тому

М.В. Маторин. «Сенеж. Станция». 1950-е годы

учили А. С. Пушкин, А. К. Толстой, Н. А. Некрасов, Ф. И. Тютчев. Родина – она и в поле, и на пруду, и на грибной опушке, в августовском дожде, в добром поступке, чистом помысле.

Трепещет сердце в груди в ожидании того, что через тридцать минут автобус довезет меня в Ожогино или Тараканово. Родная земля, ты и неузнаваемая – родная. Лес одряхлел, местами порублен, но и спустя сорок лет я знаю, как пройти до грибных полей, как выйти на старую квашнинскую дорогу, где еще на моей памяти перегоняли скот из Квашнино в Головково. Как красивы были засеянные

горохом поля у Субботино! Мальчишками, мы совершали на них набег, рискуя попасть под горячую руку сторожа.

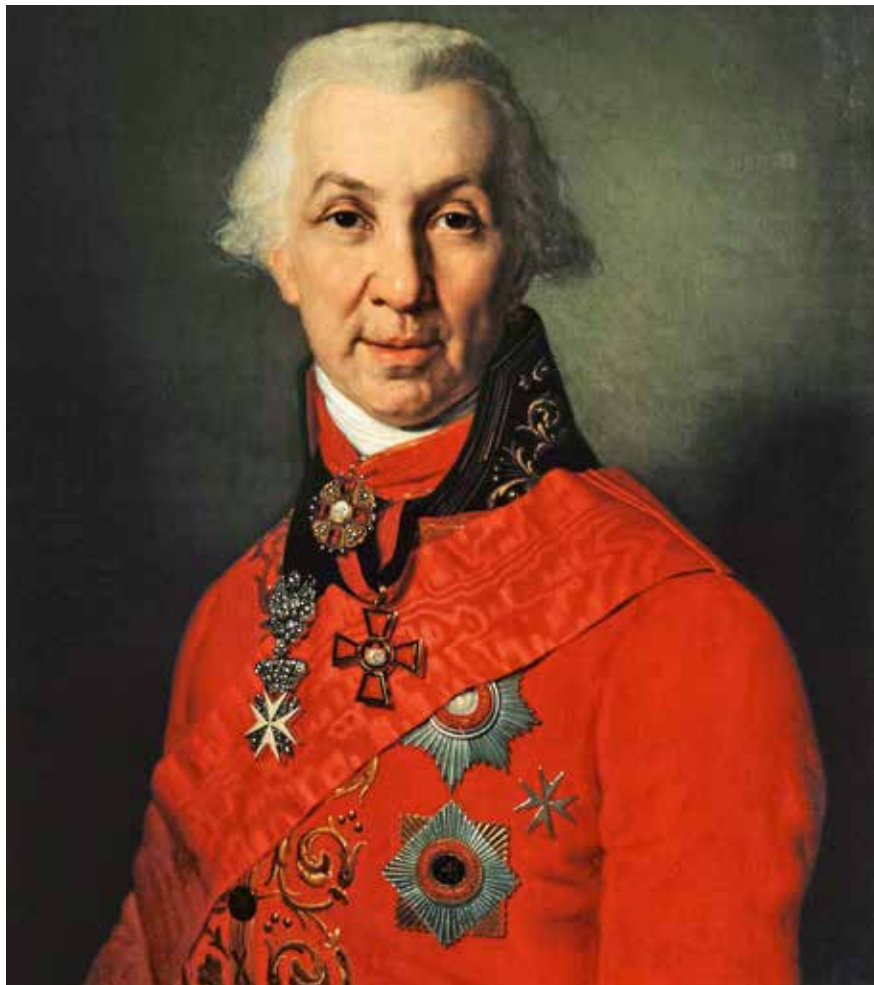
Знал я многих деревенских жителей: помню, как навоз возил кривой, толстый мужик на телеге. Однажды, в непогоду, его конь вытащил из грязи машину. В Лаптеве, за огородами стояла конюшня. Никого нет в живых из старых деревенских знакомых, и пейзаж изменился. Но почему душа болит и тянет на родное пепелище?

Хотелось мне, чтобы любовь к малой родине не оставляла нас, как родительское благословение. Только так и счастье не оставит...

«И ВРЕМЕНИ ПОЛЕТ ЕГО НЕ СОКРУШИТ...»

К 280-летию со дня рождения Гавриила Державина

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ,
заместитель главного редактора журнала «Историк»

Он родился 3 (14) июля 1743 года под Казанью. Как подходит ему, поэту, громкая фамилия – Державин. И родословная – от татарских мурз, издавна служивших русским князьям. Он стал первым стихотворцем империи, державы, государственным человеком и в то же время

непревзойденным лириком и мастером иронии.

Могучий, неисчерпаемый русский поэт, он был еще и крупнейшим политическим деятелем. То губернатор, то кабинет-секретарь императрицы, Державин занимался и банковскими делами, возглавлял прокуратуру империи, был

первым русским министром юстиции. Служил добросовестно, не боялся отстаивать свое мнение перед монархами, боролся с коррупцией и оправдывал невинно осужденных, вникая в каждое дело.

Жил в последние годы в настоящем дворце на Фонтанке, который построил на свои честные сбережения. Когда Державину нужно было хорошо заработать, он не ждал подношений от монархов (которые подчас щедро благодарили его за стихи), а садился за ломберный стол. В зрелые годы ему особенно удавались не азартные, а коммерческие игры вроде преферанса, которые требуют расчета и выдержки.

И слава, и почести, и влияние пришли к нему по меркам того времени в весьма зрелом возрасте – на пороге сорокалетия. До этого он маялся, пытался вырваться из нужды и неизвестности. Служил в Преображенском полку, потом был столоначальником средней руки в прокуратуре. Писал стихи к тому времени уже лучше всех в России, но об этом мало кто знал. Он выбивался из всех канонов, писал раскрепощенно до ошеломления – не по-ломоносовски и не по-сумароковски, а на свой салтык:

*Лобызаю, умираю,
Тебе душу отдаю,
Иль из уст твоих желаю
Душу взять с собой твою...*

Судьбу поэта решила его дерзкая и веселая ода «Фелица»,

посвященная Екатерине II, но не напрямую, а с ажурными иносказаниями от «петербургского мурзы». Фактуру он позаимствовал из «Сказки о царевиче Хлоре», которую сама Екатерина II написала для своего внука Александра.

Вышло так, что Екатерина по стихам Державина полюбила русский язык. Она уже знала многих русских поэтов – Александра Сумарокова, Василия Петрова... Но они слишком мудрствовали, а Державин в стихах оказался остроумным, смелым, парадоксальным собеседником:

*Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знамен,
Но всякий человек есть ложь.*

Ей не хватало в русской словесности именно такой легкости, того, что сам Державин позже назвал «забавным русским слогом», который годится и для шуток, и для глубоких афоризмов, и для поэтического полета. И Екатерина решила приблизить к себе этого острослова. Отчасти они разочаровали друг друга. Поэт, увидев ближе объект своего восторга, заметил в «богоподобной царевне» и склонность к интригам, и лицемерие. А ее одновременно и восхищало, и ужасало его бурное правдолюбие. Правда, с годами, изучив преемников императрицы – Павла и Александра I, – Державин сумел по достоинству оценить величие «матушки», ее взвешенную политику, ее умение выдвигать талантливых людей.

Во времена «дней Александровых прекрасного начала» Державин слыл не только живым классиком, но и одним из немногих консерваторов в окружении царя. Будучи министром юстиции и генерал-прокурором, сам Гаврила Романович считал себя главой правительства. Работал энергично и от других требовал того же.

Не терпел прожектерства, бессмысленных высоких слов. В итоге дождался насмешливых слов императора, которые означали отставку: «Ты слишком ревностно служишь». Александр I предложил Державину тихую синекуру – заседания в Сенате. Оставаясь сенатором, Гавриил Романович гарантировал бы себе высокое министерское жалованье и высший орден империи – Андреевскую ленту. Но тут выиграла гордость: «Сенат? Мне там нечего делать». На старости лет он остался без должностей, вольным поэтом.

Державин успел благословить юного Пушкина на лицейском экзамене. Искру небывалой поэзии заметил сразу. Оставаясь непонятым, он все-таки многому научил стихотворцев «золотого века» русской словесности. Прежде всего – искусству вести непринужденный разговор с читателем – сразу и о личном, и о политике, искусстве, винах, ветчине и щах с желтком... В этом секрет и «Фелицы», и «Евгения Онегина». И «Приглашения к обеду», и «Домика в Коломне».

А вот – «Видение Мурзы», своеобразное продолжение «Фелицы»:

*На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блмстаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.*

По убеждениям Державин был монархистом и даже сторонником дворянских привилегий, вплоть до крепостного права. Правда, он считал, что дворянство должно быть не «вольным», а служивым, исполняя свои обязанности, главное из которых – защита державы. А если не сражаешься за Отечество, то и от поместий откажись.

И Державин – сатирик, лирик, бытописатель – стал певцом армии. Кстати, он первым начал употреблять слово «Родина» в значении «Отчизна», подарил нам это слово. Что такое солдатская лямка и офицерская служба, он знал не понаслышке. Участвовал и в сражениях – во время Пугачевского восстания.

Последнее, недописанное стихотворение Державина стало легендой. «На тленность» – так должна была называться новая ода, от которой осталось только восемь строк, начертанных грифелем на аспидной доске:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И обшей не уйдет судьбы.*

Скорее всего, Державин, при его неистребимом жизнелюбии, продолжил бы эти стихи антитезой. Рассказал бы, что бессмертие все-таки существует. Прежде он уже провозглашал: «А я пиит – и не умру». И – в переложении Горация:

*Я памятник себе воздвиг
чудесный, вечный,
Металлов тверже он
и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит
быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.*

Не все его надежды сбылись. До сих пор не видели сцены многие державинские драматические произведения, которые он на склоне лет считал своими главными творениями. Но века отобрали в свою сокровищницу стихи, лирику и героичку Державина – наследие, которое действительно «выше пирамид».

ВЕЛИКИЙ КОМАНДОР ПОЭЗИИ

К 130-летию со дня рождения Владимира Маяковского

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Обветшал ли язык русский к началу XX века? Рифма износилась точно: как платье, что использовали многие; рифма истрепалась, стала скучной, чуть ли не вовсе лишней. Нужно было перетряхнуть пласты языка и избрести новую рифму, давая образцы работы поэтам будущих поколений. И Маяковский, вламываясь в крепость литературы, принялся за работу с истовостью и всей щедростью своего дара, граничащего с гениальностью.

Не слышали ранее таких созвучий – и показались они грубыми... Не слышали и не рассчитывали услышать после нежной и грустной музыки символизма; не предполагали, что такую лестницей можно идти – лестницей с широкими ступенями нового стихосложения.

Маяковский гремел, блистал; слова сталкивались, как шары в бильярдной игре, которую он так любил, и высекали, что искры, новые значения, а суммируясь, давали неведомую доселе образность: дикую и яркую, в рост нарождавшегося века. Кабы не эксперименты Маяковского с рифмой, сегодняшняя поэзия писалась бы, возможно, верлибром...

Он вершил труды сквозь бездны преград и препятствий, сквозь мещанскую косность мировосприятия; он шел от бездны, ведомой только ему, и бездна эта дала блестящую метафизическую победу – несмотря ни на что... И на маяк Маяковского

пошли корабли поэтов будущих поколений.

Актер и режиссер

Маяковского не мог не интересоваться кинематограф, который, как и футуризм, был будущим. Кроме того, есть нечто общее в принципе монтажа и построения фильма и стихотворения, особенно у Маяковского, чья монтажная лесенка стихов сама часто организует зримые кадры.

Демонический Маяковский – в плаще и шляпе итальянского карбонария... Демоническая роль в фильме «Драма в кабаре футуристов № 13». Каким еще мог быть номер? Только 13... Из Мартина Идена вырастает «Не для денег родившийся», ибо футуризм видел планету, купающуюся в солнце счастья измененных отношений людей: но у денег свое мнение по этому поводу. Не оттого ли не сохранилось ни одной копии фильма?

Более отчетливо Маяковский – актер и режиссер – представляется по ленте «Барышня и хулиган», хотя едва ли кто-то вспомнит рассказ, по которому он сделан; но выразительность хулигана, отмеченного живым монументализмом огромного (во всех смыслах) поэта, врезается в память так, что не вытравить.

Был еще эксцентрический бурлеск «Октябрюхов и Декабрюхов»... Но все могло быть, видимо, иначе – иной яркости, – будь кинематограф во времена Маяковского

более развит. Впрочем, и той, дополнительной к поэтическому дару яркости Маяковского в кино хватает.

Путь по облакам

Поэма «Про это»... С раскатами маяковского «р», с нежностью и презрением к процыганенному романсу, со сравнением с собой, поэтом, перелопачивающим груды слов ради решительного обновления общего поэтического словаря; сравнением, ради которого, возможно, и предпринят был в поэме образ мальчика, попавшего в страшную ситуацию бездны жизни.

Век стал ломать привычные устои, век делегировал Маяковского, чтобы появился язык, соответствующий предстоящим громам...

Хотя мотивы одиночества и бессмыслицы никуда не уходят:

*Все чаще думаю —
не поставит ли лучшие
точку нули в своем конце.
Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт.*

Концерт «Флейты-позвоночника» оказался не последним, отчего поэзия выгадала, однако утверждение насчет точки рисует жизнь как безнадежное предприятие. Но нет, ощущение ложно: громоздятся лестницы поэм, и ступает по облакам великий командор поэзии.

«Летающий пролетарий» социален в той же мере, в какой «Облако...» лирично; и все торжественно-приподнято настолько, что небольшой объем поэмы тянет на эпос, а иные метафоры не могут не удивлять.

Маяковский подчеркивал свой антиинтеллектуализм, хотя связь его с гудящим державинским звуком куда сильнее, нежели со звуком Пушкина, так и не сброшенным ни с какого корабля. Стоило ли снимать профессору «очки-велосипед», чтобы послушать рассказ «о времени и о себе»? Стоило, конечно. Ибо последний документ Маяковского «Во весь голос» – квинтэссенция его поэзии, как сама она – квинтэссенция души.

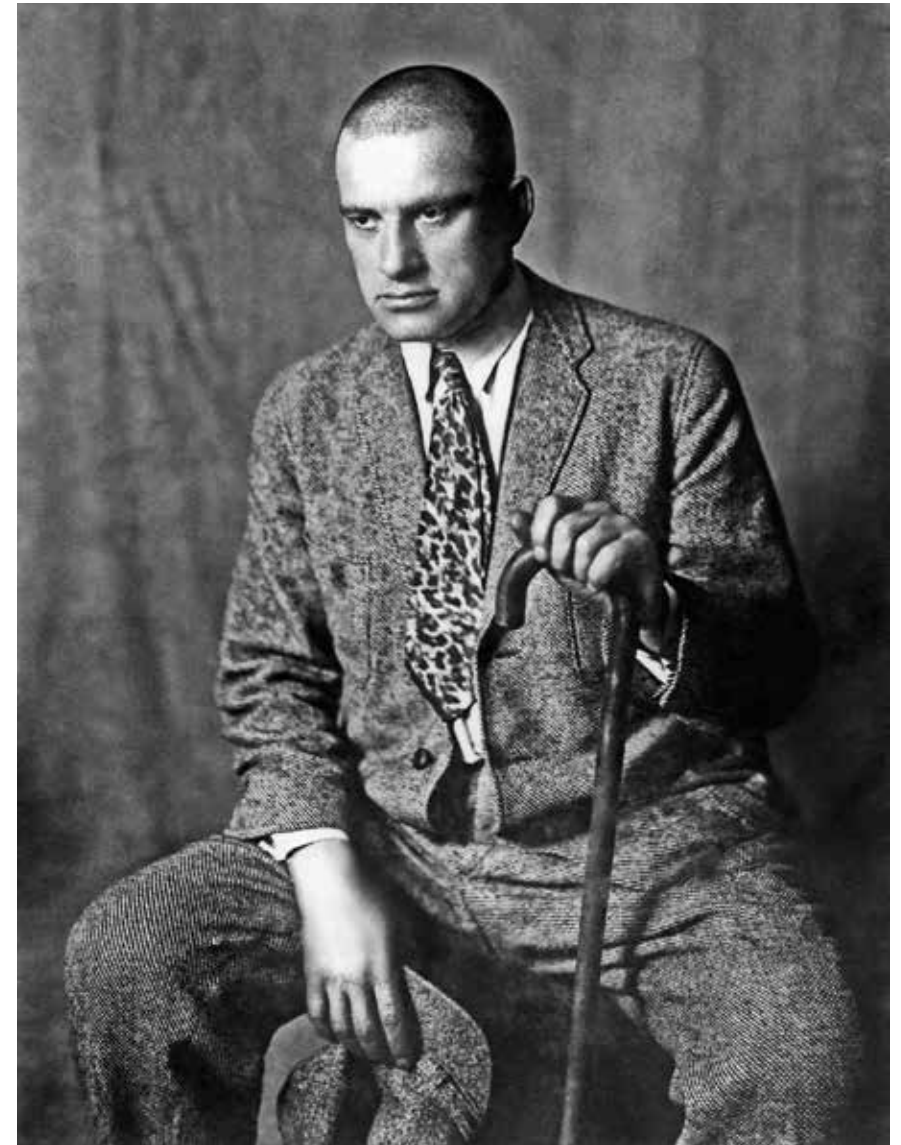
«Летающий пролетарий» декларирует интерес поэта к тому, что будет через сто лет и даже двести... Главное – размах, с которым кидалось все в лицо миру, и – будто вызывающее презрение к нему: таковому, не желающему меняться.

«Облако в штанах» дает невиданные ранее формы лиризма, интенсивность которых берет в полон. «Облако в штанах» ошеломляло – казалось, оно отрицало все предшествующие поэмы, созданные в русском пантеоне, хотя и гудело державинским звуком. Но ведь и нежность одиночества была запредельной: край дымчатого, заповедного не отрицал все тот же речевой размах.

Маяковский писал хроники начала века, над которыми летит пролетарий, писал неистово, разрушая Карфаген традиционного отношения к слову и лестницами своими поднимаясь и нисходя, отправился в сияющий путь по облакам, оставив внизу свои грозно рокошующие поэмы и стихи...

«Я сам»

Насколько поэзия Маяковского празднична, избыточно-пестра

Владимир Маяковский в 1920 году

и причудливо-необычна, настолько проза его проста, суха, деловита.

«Я сам» – рассказ о себе, расчлененный на сегменты, и в каждом сказано ровно столько, сколько требовалось сказать. Начало пути. Вхождение в жизнь. Восприятие революции... или «Как делать стихи».

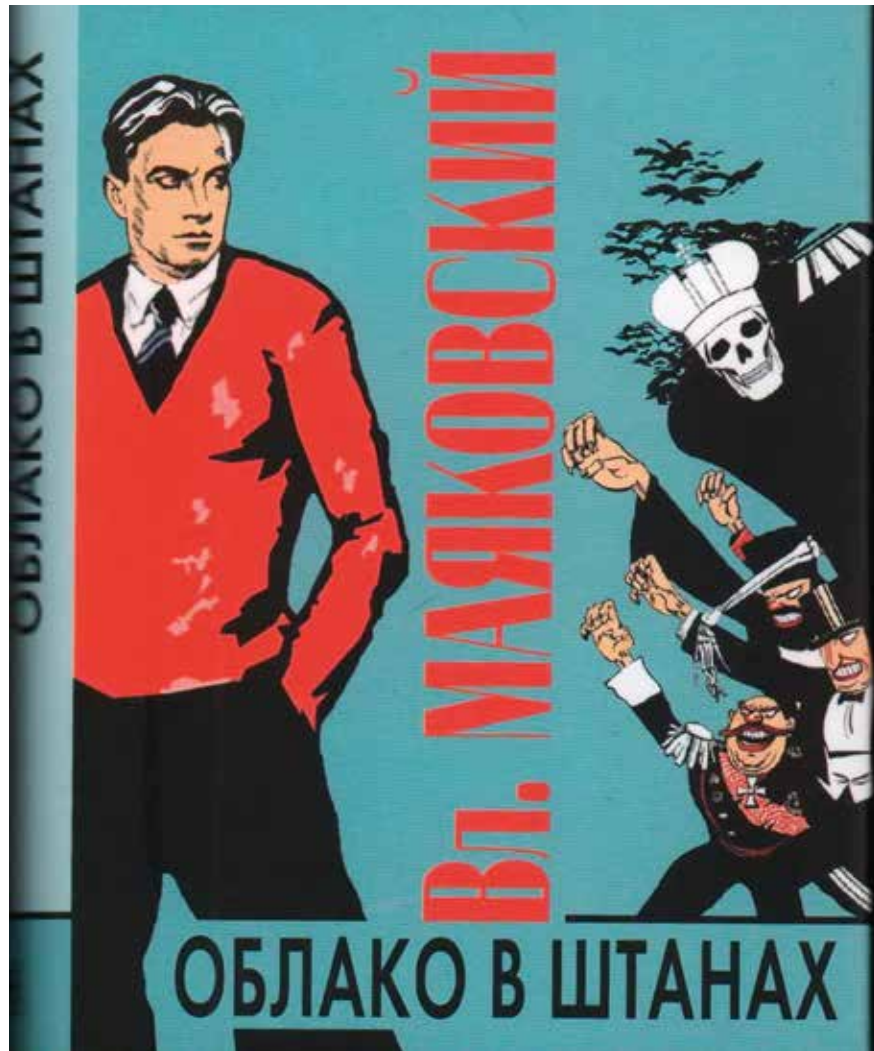
Опыт огромен, просквожен молниями, сверкает красками, и вновь – сухо и точно отливается в чеканные строки, превращается в крепко-прозаический рассказ о работе.

А работа – превращение обыденности жизни в чудо: и эта работа может выполняться просто, сухо, внятно.

Очень интересная проза, чудесно дополняющая громогласную поэзию.

«Архангел-тяжелоступ»

У Маяковского свои отношения с Богом, небом, высотой; он ступает по облакам: «архангел-тяжелоступ», по сверхточному

определению Цветаевой; он ступает по облакам словес, добывая еще неслыханную музыку, и она разнится уже больше века...

...Были совсем ранние стихи: еще не слишком «маяковские», в них было иное ощущение Бога: точно связанное с патриархальностью, с медоточивостью церкви даже. Еще не характерно, еще проступает, трепещет, зыбкость поиска собственного «я»...

Иное звучание имеет «Послушайте!», где нежность внутреннего религиозного чувства – стыдно громовержцу Маяковскому продемонстрировать нежность! – облачается в урбанистические метафизические одежды конкретики:

*Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет,
чтобы они были?
Значит – кто-то называет
эти плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда! –
клянется –
не перенесет эту беззвездную муку!
А после*

*ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!»*
(1914)

Похоже ли это на стихи атеиста? Собственно, и атеизм – странное состояние, изнаночная вера, необходимость подкреплять себя мыслью об отсутствии главенствующей силы, чтобы оставить себе хоть крохи самостоятельности в жизни... Парадокс заключается в том, что атеист может быть гораздо ближе к Богу, нежели церковный иерарх.

У поэта было огромное, все вмещающее сердце... Человек, обладающий подобным сердцем и соответственно сознанием, не может не чувствовать огромности пластов, нависающих над нами, не говоря о безднах, сокрытых в нас...

Своеобразная вера Маяковского была горячее, раскаленной даже; и ее факелы часто освещали его могучие, великолепные стихи...

Он стремился сделать жизнь: новую, яркую, приравняв перо не только к штыку, но одновременно – к строительному материалу и различному инструментарию...

В одном Маяковский ошибался, утверждая: «В этой жизни помереть нетрудно...» Трудно, ох, как трудно, ежели достойно, стойчески, мудро, но речь не об этом: в данном контексте стихотворения «Сергею Есенину» строка совершенно оправдана, ибо здесь – о новом, неизвестном еще, но бурно развивающемся, строящемся мире: «Сделать жизнь значительно трудней...»

Слева направо: Тамизи Найто, Пастернак, Эйзенштейн, Ольга Третьякова, Лиля Брик, Маяковский, Арсений Вознесенский (советский дипломат) и переводчик с японского. 11 мая 1924 года

Представляя противоположные полюса, они – Есенин и Маяковский – сложно относились друг к другу, порой насмешничали, но стихотворение «Сергею Есенину» предельно серьезно и столь же уважительно.

*Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?!
Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.*

Эти строки дают четкое понимание сверхважной роли Есенина – в стране, где поэтическое слово раскатисто слышно (в отличие от нынешней), на которое наслаивается очевидное сожаление о самоубийстве Есенина.

Стих был популярен. Он разносился широко – ибо отрицал смерть; он рокотал жадой жизни, деятельности, подвига.

Стих Маяковского рвется болью, и даже полет Есенина, врезающегося в звезды, отдает чем-то религиозным. Лестница, ведущая вглубь страны, выводит стремительно к всплеску горя одного поэта от самоубийства другого:

*Навсегда
теперь*

*язык
в зубах затворится.
Тяжело
и неуместно
разводить мистерию.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забудыга подмастерье.*

Маяковский знал, как почтить равного ему собрата-поэта.

И почтил. И звонко данный финальный афоризм, отрицающий суицид Маяковского, врезаются в плоть реальности вечной правдой: с маленькой такой ошибкой – достойно умереть очень трудно.

ДИТЯ ФАТА-МОРГАНЫ

Окончание главы из книги «Истории из пропавшего чемодана».
Начало в №154/03–04

АЛИСА ДАНШОХ

Монако

Фото: Рубен Рохард

Бывая на Лазурном Берегу, я время от времени забредаю в страну Гримальди и наношу визиты культурным объектам. Однажды в память о моем двоюродном деде, дружившем с Жак-Ивом Кусто, я раскошелилась на билет в местный океанографический музей. Его здание высотой 85 и длиной 98 метров срослось с отвесной скалой. Музей строился долго, обошелся в кругленькую многомиллионную сумму, и содержать его непросто и накладно, что, естественно, отражается на входной цене. Зато в семидесяти аквариумах экспозиции можно увидеть небывалые морские диковины. Здесь и живой коралловый риф из Красного моря, и двадцатиметровый скелет кита, а рыбки неземной красоты из южных морей радуют всеми цветами радуги толпы любопытных туристов. Однако посетители океандрома по большей части глазеют на выставленных чудищ. Они-то меня и напугали. Я имею в виду не туристов, а подводных гадов. Мне казалось, что какой-нибудь из гигантских аквариумов непременно лопнет в моем присутствии и, прежде чем я утону, меня сначала парализует скат электрическим разрядом хвоста, потом ужалит ядовитая мурена и наконец мерзкие пирании обгложут несчастное тело мое.

Пережитый в океанографическом пространстве страх помешал мне заглянуть в музей восковых фигур княжеской династии, где представители рода Гримальди в натуральную величину демонстрируют костюмы эпох, в которые

они жили, а заодно и портретное сходство с оригиналами. Зато я попала на выставку сценической одежды скандально известной американской певицы Леди Гага. Забрела я на нее по ошибке, ибо шла посмотреть на коллекцию кукол. Впрочем, прикиды шоу-дивы произвели на меня впечатление. Они свидетельствовали о неумной фантазийной эпатажности ее создателей.

Решив быть хотя бы объективной, я обошла большое количество кафе и ресторанов, каждый раз вздрагивая от приносимого счета за выпитое и съеденное. Очевидно, цена определялась в первую очередь местом, а не качеством и количеством. Побывала я и на гонках ретроавтомобилей перед началом «Формулы-1». Больше всего меня восхитила искренняя детская радость молодых дяденек, сидевших рядом со мной на зрительских трибунах. При виде старых машинок их глаза блестели не меньше, чем при взгляде на стройные ножки молоденьких женщин. Увидела я и старт этапа ралли Париж – Дакар. Он ознаменовался весьма романтическим происшествием. Наш соотечественник под прицелом объективов многочисленных телекамер открыл изящную коробочку с бриллиантовым кольцом и попросил руки и сердца своей возлюбленной. Конечно, она не устояла и дала прилюдное согласие. Получилось очень трогательно и гламурненько с фото на обложку глянцевого журнальчика.

Несколько раз на стадионах Монако я наблюдала за спортивными состязаниями, болела за теннисиста Джоковича и переживала за нашу команду по регби-7 на олимпийских отборочных играх. От посещений у меня на память остались бесплатные соломенные шляпки с цветными атласными ленточками.

Однажды, оказавшись в Монако, я решила на отчаянный поступок и посетила местный великосветский благотворительный бал. «Уж коли хлебать гламур, то по полной», – сказала я себе. Надела самое нарядное, что оказалось под рукой, нацепила вежливую улыбку и поставила таймер на излучение позитива. Организатором мероприятия выступил Красный Крест, а пээмжовцы всех национальностей откликнулись. Они не поскупились, отвалив приличную сумму за входной билет, что позволило им показать себя в парадной форме и проявить материальное сострадание к страждущим.

Собравшиеся, глотнув игристого, выслушали благодарственное приветствие от высокопоставленного члена Красного Креста и представителя верховной власти в лице принца Альбера II. Наградив выступивших овациями, все расселись по указанным местам и застучали ножами-вилками. Между куском еды и глотком вина каждый старался поддержать застольную беседу, которой мешали звуки му. Они выпускались эстрадной звездой из далекого прошлого. Со временем светило потускло, возможно, поэтому с удовольствием предавалось воспоминаниям. Недолго, но громко. К концу обеда со мной случилась неприятность: где-то внутри меня произошло короткое замыкание доброты. Источник позитива отключился, и происходящее стало раздражать. Сквозь показной блеск просочились фальшь, скука и формальность. Казалось, люди пришли на благотворительное мероприятие, чтобы подтвердить свою благонадежность, платежеспособность и преданность монархическим властям. Я уверена, что у каждого пээмжиста помимо официального документа от властей и вовремя поданной налоговой декларации имеется еще

членский билет профсоюза гламура и глянца. Взносы у членов высоки: надо вести постоянную активную светскую жизнь, делая отметки в личной учетной карточке публичной суеты.

Взявшись писать о Монако, я решила выписать себе временное удостоверение гламурного профсоюзного члена. Надолго меня не хватило, но кое-где побывать удалось. Например, случился очень симпатичный гастрономический обед в отеле «Эрмитаж». Его устраивала очаровательная молодая дама, прекрасно разбирающаяся в высокой кухне и хорошем вине. Она знакома со многими звездными шеф-поварами из самых крутых ресторанов мира. Про обед в Монте-Карло можно было сказать: «Там русский дух, там Русью пахнет», и даже очень вкусно. Об этом свидетельствовали отзывы присутствующих и опустошенные ими тарелки. Каждая подача сопровождалась музыкальными номерами замечательного коллектива «Терем-квартет» из Санкт-Петербурга. Популярные мелодии классического репертуара исполнялись на домре, балалайке, баяне и контрабасе. Необычная аранжировка всеми узнаваемых шедевров придавала музыкальному опусу особое звучание, так же как неожиданная комбинация приправ добавляет пикантности традиционному блюду. Однако финальный аккорд долгой трапезы поразил всех. Легкая сладость воздушного десерта оттенялась тонким ароматом цветущих лимонно-апельсиновых рощ Ментоны. Особую же изысканность заключительной фазе пиршества добавил неповторимый баритон Василия Ладюка. Он с блеском исполнил русские романсы и неаполитанские песни. Особенно меня порадовало то, что подслушанные на выходе из отеля восторженные отзывы полностью совпали с моими собственными.

Если благотворительный обед Натальи Марзоевой меня восхищал, то танцевальный гала-концерт местного театра оперы и балета поверг в уныние. Верилось с трудом, что в 10–30-х годах двадцатого столетия выступления артистов «Дягилевских сезонов», а позднее русской балетной труппы на этой же сцене покоряли европейскую публику. На оперный спектакль я так и не решилась пойти. Ему я предпочла посещение *American Bar* «Отеля де Пари», чтобы послушать заезжего итальянского эстрадного певца. Выступление начиналось поздно, но такова празднично-отдыхательная монегасская ночная жизнь. Считая, что одинокая женщина в общественных местах и на улице в позднее время суток вызывает у окружающих двусмысленную реакцию, я появляюсь на людях только с самым надежным спутником – моим мужем. Оказавшись в престижном заведении при гостинице в пять звезд, я через несколько минут засомневалась, не ошиблись ли мы адресом. Мой взгляд постоянно наткивался на не соответствующее месту и времени одетых девиц с преувеличенным макияжем. На их лицах застыло выражение голодного волка, озабоченного поиском пищи. Похоже, это была целая стая. Одни следили за входной дверью, другие «работали по залу», сканируя оценивающим взглядом всех мужчин в поисках добычи. Я вдруг вспомнила, как в Помпеях экскурсовод нам рассказывал, что до гибели города продажные женщины в ночное время волчьим воем оповещали клиентов о местонахождении публичного дома. Мне даже показалось, что сейчас одна из местных «волчиц» завоюет, усядется на колени к моему мужу и потребует угостить ее шампанским. К счастью, ничего подобного не произошло, а итальянский певец Алессандро из Сан-Ремо

Фото: Саймон Мур

отвлёк нас от созерцания девушек с пониженной социальной ответственностью.

Алессандро был великолепен, он виртуозно владел как вокальной техникой, так и мимикой, жестом и пластикой движений. Уникальные данные позволяли ему включить в репертуар разнообразные шлягеры мировой эстрады: Пресли, Челентано, Том Джонс, Стинг, Майкл Джексон и др. После двухчасового шоу мы подошли к Алессандро поблагодарить за доставленное удовольствие. В разговоре мы узнали, что его неоднократно приглашали на российские корпоративы, на пышные свадьбы наших соотечественников в местных замках и на скромные торжества на многометровых яхтах, бросающих якорь в прибрежных водах. Мысленно я похвалила соплеменников за выбор звезды развлекательной программы. В лице одного молодого итальянского певца они получали команду исполнителей лучших ностальгических хитов второй половины двадцатого века. Приходилось признать, что талант Алессандро прекрасно вписывался в окружающий гламур, придавая ему еще больше блеска.

На время шоу я перестала обращать внимание на то, что знаменитый бар в ночное время скорее напоминает дом терпимости из второразрядного американского фильма, чем эксклюзивное питейное заведение, в котором отметились все знаменитости прошлого века. С другой стороны, девушки легкого поведения и легкой судьбы – неотъемлемая составляющая красивой монегасской действительности, такая же, как дорогие апартаменты, гостиницы, рестораны, авто, модные лавки и, конечно, яхты. Приверженность гламуру подразумевает если не владение яхтой, то хотя бы временное пребывание на чужой. Сегодня *dolce vita* и яхта – это сиамские

Грейс Келли в 1955 году

сестры-близняшки. Чтобы по достоинству оценить первую, надо почаще общаться со второй.

Мой яхтенный опыт меня не слишком вдохновил: то ли я принадлежу всецело к разряду сухопутных, то ли плавучие средства передвижения не отвечали моим представлениям о комфорте в морских условиях. Скорее всего, мне просто не повезло. Вот если бы я попала на яхту Абрамовича!.. Увы... Зато несколько лет назад меня позвали на яхт-шоу в Монако, где я чуть не попала под колеса электромобиля самого

принца Ренье. Несмотря на наезд, пожилой князь произвел благоприятное впечатление. Он был элегантен, синий клубный пиджак оттенял седину хорошо сохранившейся шевелюры, которая придавала принцу благородства. Думаю, в свое время многие дамы мечтали разделить с ним жизненный путь, подарив стране и мужу наследника. Князь не торопился и наконец сделал свой выбор. Насколько он был удачен, покрыто мифом гламура. Однако в 1956 году союз представителя старинного рода Гримальди с самой прекрасной куклой Барби,

олицетворявшей американский идеал женского начала, казался обреченным на полный успех. Как в сказке Шарля Перро, еще одна Золушка повела принца под венец. Меня всегда интересовала судьба сказочной героини после исполнения торжественного марша Мендельсона, и я решила получить представление о супруге Ренье III, ознакомившись с ее творчеством. Всю фильмографию я не осилила, мне хватило двух фильмов с участием Грейс Келли. Я посмотрела «Высшее общество» – неудачный ремейк симпатичной комедии 1942 года «Филадельфийская история» и не лучший триллер Альфреда Хичкока «Поймать вора».

Увиденное подтолкнуло меня к двум выводам. Во-первых, Грейс действительно миловидна, умеет носить вещи и прекрасно вписывается в предложенные сценарием интерьеры. А во-вторых, даже очень привлекательная внешность не может заменить настоящий актерский талант. Несмотря на то что в свое время фильм «Сельская девушка» с Келли в главной роли и получил кучу «Оскаров», сегодня, кроме узкого круга специалистов, мало кому придет в голову его пересматривать. А тем более восхищаться игрой смазливой и никому не известной актрисы. И все же мне кажется, что с ролью, предложенной величайшим мастером всех времен – жизнью, она справлялась неплохо. Не в кино, а в реальности она 24 часа в сутки пребывала в образе великосветской богатой американки. Она уверенно вошла в европейскую аристократическую элиту, а главное – выполнила возложенную на нее миссию государственного значения: обеспечила страну законным наследником власти по мужской линии. Более того, внешние данные и популярность в мире кино сделали актрису символом гламурно-глянцевого крошечного Монако. Все монегаски

во главе с князем гордились принцессой Грейс. Она была так хороша! Ее манеры были безукоризненны, а улыбка обворожительна. Если бы волшебное зеркальце существовало, оно бы не задумываясь ответило на провокационный вопрос о том, кто прекрасней всех на свете: «Ты, Грейс, прекрасней всех имеющихся на земле принцесс». Впрочем, ее мужу Ренье обладание подобным сокровищем не мешало уделять повышенное внимание другим женщинам. Безусловно, сей факт безмерно огорчал прелестную Грейс, но она научилась не придавать слишком большого значения семейным неурядицам. Гордость не позволяла ей ни жаловаться, ни вызывать у окружающих сочувствие. Новая родина сделала княжну не только своим символом, но и рекламным щитом, и магнитом туристического притяжения, и талисманом. В общем, *noblesse oblige*, то есть по-прежнему положение обязывает. Супруга принца Ренье занималась воспитанием детей, благотворительностью, блистала на приемах, встречалась с американскими друзьями-актерами и проливала невидимые миру слезы. После трагической гибели в 1982 году Грейс Келли превратилась в трогательную легенду.

Оставшись без матери, трое юных Гримальди не давали скучать ни папе, ни прессе. Общественное мнение одаривало их жалостью и снисходительностью, а у двух сестер и брата всегда имелись в запасе для любопытной публики и репортеров светской хроники соблазнительные скандалчики. Детки демонстрировали редкостное умение попадать в разного рода передраги. Впрочем, большие и маленькие неприятности свидетельствовали о том, что в княжеской семье все как у людей. Они не мешали Гримальди регулярно участвовать в традиционных мероприятиях

Принц Ренье III и Грейс Келли с детьми в 1966 году

родимого Монако, терпеливо позировать перед камерами, посылая Лазурному Берегу и всему миру немного грустную улыбку. Она давала понять: «Несмотря ни на что, у нас все хорошо. Приезжайте и сами в этом убедитесь».

Для многомиллионной туристической братии так все и было. Поездка на Лазурный Берег почти всегда сопровождалась

посещением Монако. Для русско-го человека в стереотипе красивой жизни заложена необходимость хоть как-то отметить во владениях князей Гримальди. Принять, например, участие в работе очень научного конгресса или конференции, отпраздновать юбилей или сыграть свадьбу. В конце концов, хотя бы услышать слова «Делайте ваши ставки, господа», а потом

проигратся в пух и прах, как это случалось с тысячами наших соплеменников до Великой Октябрьской революции и с нашими эмигрантами после.

Не скрою, подобно другим посетителям Французской Ривьеры, я тоже совершаю короткие набеги на Монако. Какова бы ни была цель визита, я непременно захожу в *Café de Paris* на площади *Casino*, чтобы выпить клубнично-малиновый *milk shake*. Точно такой же, но гораздо вкуснее и во много раз дешевле был в детстве любимым лакомством. На языке далекого советского прошлого этот напиток назывался «молочный коктейль». Он вызывает у меня нежные ностальгические чувства. По субботам сэкономленных в течение недели копеек от школьных завтраков хватало на порцию взбитого с молоком мороженого. Ядовитого химического цвета сироп добавлял содержимому граненого 250-граммового стакана розоватый оттенок. Тогда, стоя в отделе «Соки-воды» соседнего с домом гастронома и потягивая разбавленный нектар советского розлива, я, естественно, и подозревать не могла, что через много-много лет буду тянуть через трубочку идентичную розовую смесь в одном из самых престижных мест в мире. Удовольствие от этого я получала и во второразрядном московском продуктовом магазине с неистребимым запахом не совсем свежей рыбы, и в знаменитой кофейне Лазурного Берега. Однако природа испытываемого чувства была различна. Если в первом случае его доставляло исключительно десятикопеечное содержимое стакана сомнительной чистоты, то во втором оно заключалось в основном в созерцании фланирующего мимо столика нескончаемого людского потока.

Однажды я решила не ограничиваться молчаливым наблюдением за прохожими и вступила

в разговор с обслуживавшим меня молодым официантом. Мой собеседник оказался родом из соседнего, теперь уже французского Рокебрюна. В кафе он работал несколько лет и считал, что ему повезло: в Монако зарплаты выше, чем на родине, и на зимний период отели и общепитовские заведения не закрываются. Я спросила у молодого человека, бывает ли в кафе кто-нибудь из знаменитостей, кто бы ему нравился. Официант задумался, а потом радостно сообщил, что среди постоянных клиентов был очень обаятельный человек, истинный джентльмен, красавец с потрясающей улыбкой и приятным низким голосом, и звали его Роджер Мур. Я обрадовалась, потому что мне он тоже всегда нравился. Я считала его одним из лучших агентов 007. Он был актером с чувством юмора, свойственным исключительно британцам. Чувство это замешано на самоиронии, парадоксе и нонсенсе, что делает их обладателей в моих глазах просто неотразимыми. Я тут же припомнила, сколько эпизодов с Роджером Муром было отснято в здешних краях. Чего стоят только многосезонные сериалы «Святой» и «Искренне ваш» (*The Persuaders*)! Очевидно, актер прекрасно себя чувствовал на Лазурном Берегу, потому что обзавелся жильем в Монако, где и скончался в возрасте 86 лет.

Воздав должное супермену Роджеру Муру, я поинтересовалась всегдатаями *Café de Paris*: много ли их и кто они. Молодой человек окинул взглядом террасу и негромко сообщил, что справа от меня через три столика расположилась пожилая дама с мелкой собачкой. Она итальянка, ее муж умер много лет назад, оставив ей, по слухам, отменный счет в банке, дом, яхту и бриллианты. Бывшая танцовщица из ночного клуба была моложе супруга лет на тридцать. Овдовев,

судилась с детьми мужа от первого брака, и, судя по ювелирной вышивке на шее, руках и запястьях, успешно. В кафе ее ежедневно привозит водитель на темно-вишневом «бентли». Она пьет кофе, курит одну сигарету за другой, разговаривает по мобильному телефону и всегда оставляет чаевые. Подобные дамы, подсушенные возрастом, с поджаренными на солнце морщинистыми телами, в боевой макияжной раскраске, украшенные бижутерией, в фирменных прикидах и непременно на каблуках эксгибиционируют себя не только в Монако, но и на всех мало-мальски известных курортах. У меня они вызывают и восхищение, и щемящую жалость. С одной стороны, они похожи на оживших, прекрасно отреставрированных манекенов из музея моды, а с другой – при ближайшем рассмотрении обнаруживают возрастную несовместимость тел и лиц с демонстрируемой одеждой. По мне, однако, все же лучше быть смешной и нелепой, чем злобной и неприбранной в ореоле запаха старости.

Разговор с официантом пришлось прервать ввиду внезапного наплыва посетителей. Я еще раз как можно незаметней и пристальной оглядела б/у танцовщицу с собачкой. Несмотря на искусственные стразы ошейника и слезящиеся глазки, болонка выглядела естественной хозяйки. По крайней мере, она не пользовалась макияжем и не меняла натуральный окрас собственной шерсти на модный цвет сезона. Впрочем, обе посетительницы *Café de Paris* – хозяйка и ее протезы – чувствовали себя прекрасно.

Безусловно, тема дамы с собачкой не нова. На полотнах известных мастеров частенько изображались анималистические дружки с их владелицами. И в литературе четвероногие тоже наследовали. Взять хотя бы шпица из повести Чехова

«Дама с собачкой». Как в былые времена, так и сегодня некрупные лающие создания свидетельствуют о социальном статусе и материальном положении тех, кому они принадлежат. Как на одежду, так и на четвероногих существует мода и спрос. Современная тенденция – это мини-дружок от экспериментальных скрещиваний, ценой подороже, размером поменьше и внешности самой экстравагантной. Сей неведомой породы экземпляр носится на руках, под мышкой или в сумке, на землю его не спускают из боязни раздавить. Если вы живете в Монако, говорите по-русски, но у вас нет карманного лающего существа, то с вами ни общаться, ни дела иметь не стоит. Зверек неведомой породы нынче заместо пропуска в здешние райские кущи в российской трактовке.

«Чем же отличается местный парадиз от всех остальных?» – спросите вы. Главное его достоинство – безопасность, и ею безмерно гордятся все монегаски и пээмжовцы. Здесь камер видеонаблюдения не счесть. Все консьержи с упоением следят за жильцами вверенных их заботам домов и регулярно отчитываются об увиденном и услышанном перед начальством. Боюсь ввести в заблуждение, но стражей порядка здесь не то трое на одного, не то один на троих жителей. Кстати, все полицейские не местные. Монегасков на правоохранительную работу не берут, чтобы не пользовались служебным положением и коррупцию не разводили, тогда как на получение любых других должностей они имеют преимущество.

Я не знаю, как тотальная слежка с доносительством сочетаются со свободой, равенством, братством и политкорректностью, но население и пээмжисты предпочитают безопасность вышеперечисленным ценностям своей могущественной соседки Франции. Что

Роджер Мур

касается самих граждан великой ядерной державы, то они с удовольствием живут и работают в Монако, но непременно и как можно чаще стараются выезжать на родину, где имеют уютную частную собственность в горах, в живописных деревушках и городках. Посещение дополнительных объектов недвижимости дает им возможность забыть о делах, бизнесе, налогах, подышать свежим целебным воздухом Лазурного Берега, послушать тишину, ненадолго избавившись от навязчивого шума бесконечной монегасской стройки.

Многие состоятельные русскоговорящие пээмжисты следуют примеру французов. Один наш знакомый, живущий в Монте-Карло по долгу службы, снял видовую квартирку в соседнем с Монако городке Болье. Он говорит, что ежели бы не дела, то ноги бы его не было в «опереточном государстве». Такая скука в этом мифическом раю, где обитают с детьми забытые жены отечественных удачливых бизнесменов и ими же брошенные любовницы! Зато безопасно и удобно добираться до золотого миража Лазурного Берега.

«В ТЕНИ ТРОНА» ВАСИЛИЯ ЗУБАКИНА

«Русская мысль» продолжает публикацию фрагментов из новой книги В. А. Зубакина, вышедшей в 2022 году в издательстве «Время» (начало читайте в № 149/09, 150/10, 152/12 и 153/03–04)

Великий князь Михаил Александрович Романов в начале 1900-х годов

После наделавшей немало шума в прессе встречи с Гитлером, Геббельсом и другими немецкими бонзами британская контрразведка МИ-5 стала все пристальней присматриваться к Дэвиду-Эдуарду и его морганатической жене Уоллис Симпсон. Романтическое отречение Эдуарда от престола не вычеркнуло своенравного, склонного к экстравагантным поступкам принца из списка наиболее видных и приковывающих к себе внимание публики фигур высшей английской аристократии. Что же касается Уоллис, то отношение к ней в верхах общества складывалось далеко не в ее пользу: ее подозревали в работе на германскую разведку. Причиной тому была демонстративная симпатия жены экс-короля к крайне правому, прогитлеровскому движению в Англии, призывавшему к военно-политическому альянсу с нацистским Берлином.

Сердечная встреча Дэвида и Уоллис с Гитлером, уже приступившим к агрессивному переделу Европы, послужила для английского правительства красной чертой. Супружеская пара ненадолго задержалась после скандального randevu в Австрии, а оттуда перебралась на прекрасную Ривьеру, где Дэвид с Бесси отлично проводили время в своем Шато Кро, на мысе Антиб.

Темы бесед Дэвида с нацистским руководством не остались тайной для Лондона и вызвали, мягко говоря, раздражение в кабинете министров и в королевской резиденции.

Информацию, разумеется, немедленно засекретили, ее распространение заблокировали. Было выдвинуто несколько довольно-таки радикальных предложений, направленных на обуздание принца, поведение которого представляло угрозу безопасности королевства. Но Дэвид-Эдуард, родной брат правящего короля Великобритании, проявил благоразумие, шокирующих политических заявлений не делал и, поселившись на мысе Антиб с видом на заснеженные вершины Альп, предавался радостям семейной жизни с любимой Бесси. Главной страстью его оставалась охота, похвастаться которой Ривьера не могла, разве что морская рыбалка, но она не входила в круг увлечений принца. Дэвид жаждал преследовать добычу верхом, догонять и убивать выстрелом. А холонокровная рыба, скрытая в воде от глаз, не пробуждала в нем охотничьего азарта.

Безвылазное сидение в замке могло наскучить кому угодно, и опальный принц не переставал мечтать о настоящей охоте на крупного зверя – матерого вепря, а лучше волка, выследить которого представлялось возможным только в горном массиве Меркантур. Волею судьбы последние волки Европы уцелели лишь там – на безлюдном клочке земли, куда Дэвид-Эдуард планировал непременно добраться поближе к зиме и добыть серого во что бы то ни стало. И встреча с волком, и таинственная история массива, овеянного легендами, манили его.

На Ривьере принц, как всякий английский аристократ голубых кровей, бывал, разумеется, не однажды – и с семьей, и сам по себе, по романтическим причинам. Он любил эти места и глядел с побережья на снежные вершины гор, но на Меркантур не поднимался никогда. Однако рассказы о древних охотниках, некогда здесь

Принц Уэльский и Уоллис Симпсон в 1934 году

обитавших, о волшебной Долине чудес и загадочных рисунках на скалах волновали его воображение. Дэвид, при всем его прагматизме, приправленном романтикой, был не чужд мистики: в глубине души он не верил в случайности, предпочитая видеть в них непреклонную власть Судьбы. И он ничуть не сомневался в том, что она приведет его когда-нибудь на плато Меркантур.

Медлить с осуществлением мечты нельзя: война, подобно железному катку, надвигалась на мир,

угрожая раздавить с великим трудом устоявшуюся после окончания Первой мировой жизнь.

Выехали на волчью охоту группой: Дэвид, егерь, загонщик, коновод и носильщик-оруженосец.

За несколько дней до выезда Дэвид в сопровождении загонщика и егеря проехался на авто, для общего ознакомления, по деревенькам предгорья. Проводника здесь

Михаил Романов рисовал в детстве избушку, которую позже нашел в реальности на плато Меркантур (фотография из Гатчинского дворца)

можно было найти без хлопот, а вот охотничьи планы Дэвида вызывали в деревенских жителях смешанные чувства. Услышав о них, крестьяне сдвигали кепки на лоб и скребли в затылках: охоту на волков никто из них не мог припомнить на своем веку... Эти досадные обстоятельства, однако, не смогли поколебать намерения принца: он верил в свою звезду.

И вот наступил день охоты. Проводив Дэвида, Уоллис осталась в замке Кро дожидаться возвращения мужчин с охотничьими трофеями.

Путь к предгорьям проделали на автомобилях с прицепами для перевозки лошадей, отобранных из конюшни Шато Кро. Подъем от подножия до кромки плато занял около двух часов – лошадки шли шагом, спешить было некуда: волки гостей не ждали, а охотникам хотелось растянуть удовольствие. Носильщик придерживал перекинутую через седло объемистую переметную суму, одно отделение которой было набито снедью, а в другом лежала туша

козла – привада для волков. Егеря выглядел слегка озабоченным: как выйти на волков, он понятия не имел. А загонщик на его наводящие вопросы только плечами пожимал: если водятся здесь волки, значит, будут и следы, это же понятно! Проводник, получив задаток, был настроен на успех: волки есть, они живут в пещерах за Долиной чудес, туда мы и пойдем. Эти слова музыкой звучали в ушах Дэвида.

Преодолев подъем, остановили лошадей, огляделись. Унылость пейзажа навевала тоску. Не видно было ни зверей, ни птиц. Загонщик спешил и, нагнувшись низко, с любопытством всматривался в сырую то ли от мороси, то ли от росы землю под ногами. Ничего обнадеживающего он не нашел – ни заячьих следов, ни лисьих, разве что мышка недавно здесь пробежала по своим делам.

Не доезжая Долины чудес, устроили короткий привал. Наскоро перекусив, выслали вперед, на разведку, проводника и загонщика; всей гурьбой не поехали, чтоб волков не распугать. Загонщик

вернулся воодушевленный: волчьи следы нашлись у пещер – свежие, отчетливые. Теперь дело стало за егерем и стрелком. Немного охотничьего везенья, и зверь будет выслежен и убит. Козлиную тушу положат рядом с цепочкой обнаруженных следов, на виду. Привада привлечет волков и выведет их под выстрел Дэвида, укрывшегося в засаде. Бельгийский «Легран» двенадцатого калибра, снаряженный картечью патрон – тут и слепой не промахнется.

Как задумали, так и сделали: заложили приваду, егерь с носильщиком соорудили нечто вроде гнезда из валежника, в котором и укрылся Дэвид со своим ружьем.

Смеркалось, шел уже седьмой час вечера. Летучий снежок прекратился, как будто его никогда и не было, и высокое небо с первыми робкими звездами изливало на землю мягкий серебристый свет. Луна с полнейшим безразличием, словно желтый уличный фонарь, светила на Долину чудес, на тушу козла и на Дэвида, устроившегося в своем гнезде. Все было на своих местах: плато, долина и охотники, вот только волка не было.

Но наконец появился и волк. В неверном вечернем свете он казался не серым, а голубым. Вынырнув как бы из ниоткуда, зверь приблизился к туше козла, уселся над ней по-собачьи на задние лапы, закинул лобастую голову к небу и завыл протяжно и залихватом, будто шарики перекачивались в его горле.

На мушку своей дустволки Дэвид поймал не желанную для охотника мишень, а голубое чудо. Задержав дыхание, он тихонько потянул спусковой крючок. Прозвучал выстрел, эхо гулко покатилося по ущельям. Волк отпрыгнул в сторону и пошел прыжками, будто не в него попал охотник, а в плотную его тень. Дэвид выскочил из своего укрытия, бросился

к лошади, взлетел в седло и погнался за подранком. На освещенной лунной прогалине он увидел бегущего зверя и, бросив поводья, выстрелил из второго ствола. Испугавшись выстрела, лошадь подалась вбок, закусил мундштук и понесла.

Опытный наездник Дэвид сделал то, что единственно следовало предпринять в такой ситуации: сунул ружье дулом под колено, дотянулся руками до поводьев и, пытаясь высвободить мундштук из стиснутых зубов лошади, принялся с силой дергать пристегнутые к кольцам удила ремни то влево, то вправо. Но лошадь прикусила мундштук намертво и, не выпуская из зубов этот железный механизм управления, продолжала бешеную скачку. В конце концов она растратила бы весь свой задор и осталась бы в темноте, в низком стае, на всем скаку угодила передними ногами в яму и на миг встала как вкопанная. От резкой остановки Дэвид, едва успев выдернуть ноги из стремян, вылетел из седла и грохнулся на землю. А лошадка встряхнулась и уже без седока легко продолжила бег и исчезла в темноте.

Поднялся и Дэвид и, прихрамывая, потирая ушибленное плечо, зашагал в потемках по раннему снегу куда глаза глядят. Холодало, задувала метель.

В хижине было тепло, очаг пылал жаром, и уютный свет керосиновой лампы выбивался сквозь окно в ночь. Михаил в белой нательной сорочке, низко распахнутой на груди, и в широких крестьянских штанах сидел за грубо сколоченным дубовым столом над кипой газет и журналов, привезенных Магомедом снизу на прошлой неделе. События Большого мира доносились до Меркантура как сквозь вату.

Руины избушки великого князя Михаила

Фото: Василий Зубакин

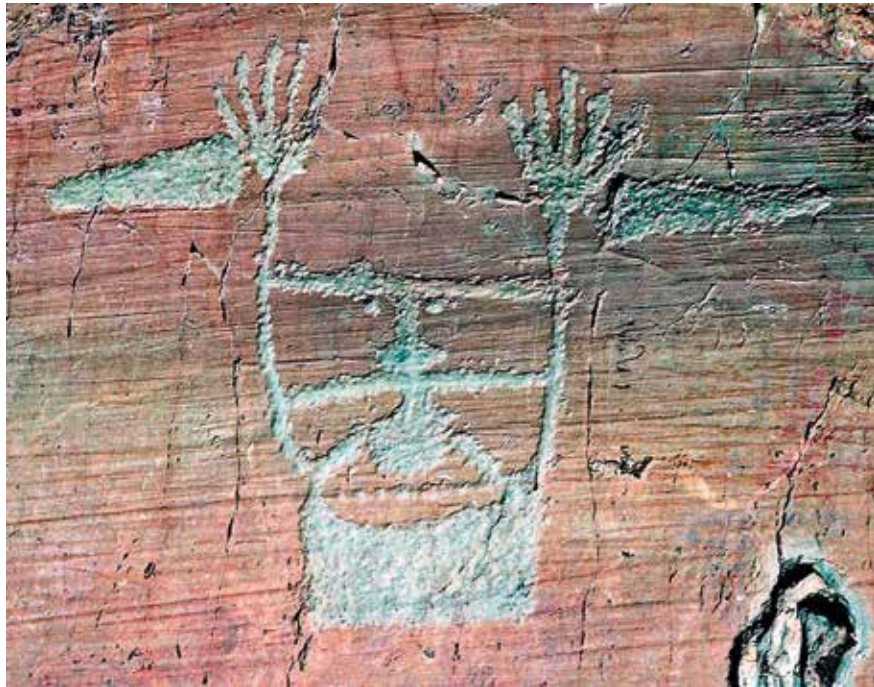
Газеты повествовали о повсеместных успехах немцев и их речистого лидера. В небо над Европой уже слетались черные демоны войны, их можно было разглядеть невооруженным глазом. Только точное время начала всеобщей бойни оставалось пока неизвестным. Впрочем, для Бека неопределенность эта не имела никакого значения – для него время остановилось в стенах хижины, а грозный Большой мир существовал в воображении отшельника как бы параллельно. В том, другом мире жила Наташа, которой он сохранил жизнь ценою вечной разлуки с мужем. Чекистские ищейки, найдя графиню Брасову в Европе, вроде бы и напали на след Михаила, но так до него и не дотянулись, след его простыл. И интерес к Наташе они потеряли. И мама, вдовствовавшая императрица Мария Федоровна, умерла, и любимый сыночек Джорджи погиб... И император Михаил Второй исчез для мира и не появится вновь, чтобы не растревожить ничью память и не пробудить несбыточные надежды в горячих душах. Весь мир словно ножом разрезан

теперь для царственного затворника на две части: безлюдный горный массив Меркантур и то, что лежит за его пределами со всех сторон до самого края земли. Аминь.

Скрипнула дверь, в комнату вошел Магомед с небольшой дорожной сумкой в руках. Оторвавшись от газет, Бек взглянул сначала на сумку, искусно сшитую из мягкой коричневой кожи, а потом, просителем, на вошедшего.

– Лошадь поймал здесь у ручья, – сказал Магомед. – Пити она пришла. Чужая лошадь – убежала или всадника сбросила. Вот это было к седлу приторочено.

Он положил сумку на стол перед Беком. На ее кожаном боку был набит золотом выцветший замысловатый вензель. Бек внимательно всмотрелся в полустершиеся буквы и корону над ними и отщелкнула металлическую застежку. В сумке лежали личные вещи владельца: бритвенный прибор, блокнот с письменными принадлежностями, тяжелая хрустальная, наполненная рубиновым порто фляжка в кожаном чехле и с массивной серебряной крышкой, на головке

Петроглиф «Колдун» в Долине чудес

которой были выгравированы герб и имя: «Дэвид-Эдуард, принц Уэльский».

– Лошадь, говоришь, сбросила? – переспросил Бек, вертя в руках фляжку с вином.

– Или убежала, – подтвердил Магомед. – Кто его знает...

– Раз лошадь пришла, то и хозяин, того гляди, может появиться, – сказал Бек. – Ну что ж... Нам с тобой из нашего дома идти некуда. Подождем.

– Подождем, – согласно откликнулся Магомед.

И часа не прошло, как в дверь раздался стук.

– Гость, – сказал Бек. – Иди открой.

На пороге стоял охотник.

– Добрый вечер, господа! – сказал пришелец по-французски с легким английским акцентом. – Заблудился я, увидел свет в окошке... Разрешите тут у вас погреться?

– Заходите! – пригласил Бек. – Присаживайтесь вот у огонька.

Незнакомец опустился на табурет у стола и вытянул ноги к печке.

Его прекрасный охотничий костюм в результате падения с лошади оказался весь в грязи.

– Мое имя Дэвид, – приступил он к необходимым разъяснениям. – Мы тут охоту на волков устроили...

– И как? – с интересом спросил Бек. – Удачно? Волка подстрелили?

– Не совсем... – замялся Дэвид. – Я бы даже поверил в оборотней, если б мог. В голубых оборотней. Навероятно, но я видел его собственными глазами и стрелял в него!

– И как? – повторил Бек.

– Как в луну! – досадливо сказал Дэвид. – Никак.

– На охоте много чего может случиться, – уклончиво заметил Бек. – Всяко бывает.

Повисла напряженная пауза. Дэвид впился глазами через стол в вырез рубахи хозяина: на груди Михаила золотился нательный крестик и расплющенный чекистской пулей оберег королевы Виктории.

– Когда-то один мой близкий родственник, – не сводя глаз с амулета, продолжил беседу

принц, – пригласил меня к себе в Россию на медвежью охоту, с какими-то особенными собаками, забыл, как называются. – Дэвид посмотрел на Михаила сурово, чуть ли не угрожающе. – Королева Виктория, моя бабушка, надела такой талисман, – он указал на разбитый оберег Бека, – на шею считаным людям, в том числе русскому наследнику... – Здесь гость перешел на английский: – Майкл, это вы?

– Наша медвежья охота была бы поудачнее, – заговорил по-английски и хозяин. – Медведи никуда не делись, а вот собак-меделянов не осталось, да и от той России, строго говоря, не осталось почти ничего.

– Значит, это вы, – выдохнул Дэвид. – О Господи!

– Я тоже, Дэвид, сразу вас узнал, – признался Михаил. – Прочитал имя на фляге – лошадь принесла сюда вашу дорожную сумку, и в газетах на фотографиях видел вас с женой рядом с Гитлером. Вы мало изменились.

– Чего не скажешь о вас, – смущенно улыбнулся Дэвид. – Вас просто не узнать...

Улыбнулся и Михаил и руками развел.

– Весь мир гадал, – продолжал Дэвид, – где вы: в Сибири, в Японии? А вы как в воду канули – ни следа, ни вести... Зачем?

– Это – главный вопрос, – помолчав, сказал Михаил. – Вопрос жизни и смерти... Не от своей смерти я спасался, хотя мне она была гарантирована: на всех нас, Романовых, до последнего человека, большевики открыли охоту. Они, я знаю, выслеживали и мою жену – ждали, когда я у нее появлюсь, чтобы убить нас обоих. Это у них, Дэвид, называется «ход истории»: извести весь царский род, чтоб удержаться у власти. Женщин, детей – всех под корень. Убить прямых конкурентов,

а потом взяться за косвенных; это их тактика, на том и стоят.

– Но прошло уже столько лет! – неуверенно возразил Дэвид. – Новый мир, новые люди. Неужели ничего не изменилось?

– Для большевиков не существует такого понятия, как «срок давности», – продолжил Михаил. – Это следует принимать как данность. Сегодня я легитимный наследник трона, и им необходимо было избавиться от меня, чтобы с облегчением поставить еще одну галочку в своем грессбухе. Но и, выйди я из тени на свет, моим убийством и уничтожением моей семьи дело бы не ограничилось.

– А... чем? – спросил Дэвид. – Чем еще?

– Полегли бы десятки, может, сотни тысяч русских людей, – сказал Михаил, – верящих, что вооруженным путем и под царскими знаменами можно смести красную власть и возродить монархию в России. И я...

– Гитлер это сделает вместо вас, Майкл, – перебил Дэвид. – Ждать осталось недолго.

– Вы заблуждаетесь, Дэвид, – сказал Михаил. – Никто не сделает ничего полезного для России, кроме самих русских. Да и русские, как видите, утопили голову в плечах и не спешат. Страх правит миром, а не добродетель!

– Гитлер – великий человек! – с жаром возразил Дэвид. – Он перестроит мир и сделает его лучше.

– Все вожди-воители хотят перестроить мир, – пожал плечами Михаил. – Александр Македонский хотел, Чингисхан хотел. Даже Ленин с Троцким хотели. А теперь вот Гитлер.

– Я был у него, – сказал Дэвид. – Вам непременно надо с ним познакомиться.

– Мне? – удивился Михаил. – Зачем?

– У него есть в отношении России определенные

планы, – сказал Дэвид. – Я слышал это от него самого.

– Планы? – спросил Михаил. – Какие же?

Разговор продолжился по-английски. Не понимавший на этом языке ни слова Магомед заварил крепкий индийский чай и поставил кружки на стол.

– Гитлер ненавидит демократию не меньше, чем большевиков. Не исключено, что он захочет восстановить монархию в России и тогда будет согласен увидеть вас на троне, – сказал Дэвид. – А я, может так случиться, вернусь на мой престол в Лондоне.

– Значит, снова война? – спросил Михаил. – Без крови никто власть не уступит. Но если Европа встретит Гитлера цветами, то Россия – огнем и свинцом.

– А разве можно перестроить мир без войны? – удивился Дэвид. – Мир это лишь передышка между войнами, не так ли? Адольф Гитлер выполнит свою миссию, и тогда наступит справедливый мир навсегда.

– Навсегда – это Его прерогатива, – Михаил поднял палец к потолку, к черному ночному небу над крышей хижины, – а не наша... Нам заглядывать дальше нынешнего вечера – грех и богохульство.

– Да, конечно, – досадливо согласился Дэвид. – Но великим людям дано менять правила игры.

– Значит, Гитлер – великий человек? – не скрывая иронии, спросил Михаил.

– Ну да! – сказал Дэвид. – Он уже легко, как нож в масло, вошел в историю. Разве не видно?

– Как топор-колун, – уточнил Михаил. – Ему нужна Россия не для наведения там европейского порядка, а для грабежа. Я в его помощи не нуждаюсь. Спаси меня Бог от такого благодетеля!

– Скоро вы иначе посмотрите на происходящее, – убежденно сказал Дэвид. – Человек творит

историю. И Гитлер может прийти к власти над всем миром. Не он нам, а мы с вами, Майкл, могли бы стать ему в этом партнерами, заодно защищая интересы своих народов!

– Немцы знают, где я? – озабоченно спросил Михаил. – Как вы думаете?

– Думаю, что нет, – ответил Дэвид. – Но они почему-то считают, что вы живы и появитесь из тени в нужный час.

1 сентября 1939 года, спустя считанные дни после той встречи, германские войска пересекли границы Польши с запада, севера и юга и двинулись на Варшаву. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, а 17-го числа того же месяца Советский Союз вторгся в восточную часть Польши. Польское государство перестало существовать. Началась Вторая мировая война.

Дэвид-Эдуард, перебравшийся после захвата немцами Франции на задворки Европы в Португалию, общался там с сотрудниками германского посольства и не скрывал свою прогерманскую позицию. Одно из его пораженческих интервью в тот период, когда немцы нещадно бомбили Лондон, окончательно вывело англичан из себя, и, по настоятельной рекомендации Черчилля, экс-король был отправлен на военном корабле подальше от охваченной военным пожаром Европы и любезных ему немцев губернатором на Багамские острова.

После краха гитлеровского рейха ему и его жене Уоллис Симпсон было позволено вернуться в Европу и поселиться во Франции, где пара в довольстве и благополучии прожила до конца своих дней.

Окончание следует

МУСОРНЫЙ КОРОЛЬ

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира МАЛЫШЕВА из книги «Возвращение», вышедшей в 2022 году в московском издательстве «Вече»

Круизный лайнер к ночи достиг середины Атлантики. Желтый круг луны прочертил на бархатной водной глади золотистую дорожку, указывая путь для дальнейшего следования. Народ на палубе спать не собирался. Бармены разливали коктейли, музыканты оркестра были еще бодры и выдавали одну за другой популярные мелодии. Пассажиры из стран с разными языками и обычаями смирились с тем, что им еще несколько суток предстояло пробыть вместе, а посему пытались притереться друг к другу, заводя мимолетные знакомства.

В этом разношерстном сообществе можно было заметить чопорных европейцев и вечно неизвестно чему улыбающихся людей Востока, плавно-медлительных представителей арабских стран и темнокожих африканцев и даже нескольких непонятно каким образом попавших сюда русских.

Среди последних особо выделялся своим нелепым обликом мужчина средних лет, чей костюм явно указывал на его принадлежность к категории постсоветских чиновников средней руки, а обвислые рыжеватые усы и зализанная на раннюю лысину прядь волос говорили о своеобразном понимании им западной моды. Заметно было, что сей экземпляр уже успел осушить приличное количество дармовых рюмок и, забыв свою природную замкнутость, уверенно пытался сблизиться с находившимися рядом пассажирами.

Как раз в это время вышла на палубу с бокалом вина очаровательная блондинка в ярком вечернем наряде, подчеркивающим

идеальную фигуру, и быстро направилась в темноту.

Если все мужчины лишь проводили девушку взглядом, оценив ее выдающиеся формы и не совсем твердую походку, то наш герой, будучи не в силах отвести взгляд от завораживающего покачивания бедер, тут же ринулся за ней.

Она остановилась на корме и в сумраке ночи закурила сигарету.

– Гуд ивнинг. Какой прекрасный вечер, а вы тут одна? – слету начал он, приближаясь.

Блондинка повернулась и, окинув его удивленным взглядом, ответила:

– Ноу андестенд.

«Не наша», – пронеслось в голове у захмелевшего ловеласа, и это только раззадорило его. Как-то вдруг вспомнились школьные уроки иностранного:

– Их бин Иван Петрович Сидоров, я рашен, рад познакомиться.

– О! Рашен Иван, вери гуд, ай эм Мэри. – Она протянула ему руку. Сидоров галантно пожал ее и, поняв, что контакт налаживается, продолжил:

– Гуд вечер, гуд музыка, может дансинг?

– О дансинг, йес, йес, – ответила блондинка и положила руку ему на плечо. Под доносящуюся из бара музыку они плавно заскользили в танце по палубе, и у Ивана уже закралась смелая мыслишка о продолжении знакомства в его каюте.

Но идиллия быстро прекратилась с появлением двух верзил, в которых безошибочно угадывались специалисты боев без правил. Довольно резким движением они рассоединили пару, и один из них, отведя девушку в сторону,

начал что-то ей сердито выговаривать на непонятном Сидорову языке. «Арабы», – подумалось ему, потому как часто повторялось слово «шейх».

После короткого разговора мужчина схватил блондинку за руку и, не обращая внимания на ее слезы, потащил за собой.

– Эй, парни, вы че творите? А ну-ка отпустите девушку, – закричал Иван Петрович и, явно переоценив свои силы, попытался их остановить. Алкоголь заставил Сидорова быть смелым, после того, как его грубо отшвырнули, он повторил попытку. Привело это к тому, что один из охранников увел блондинку, а другой занялся персонально им.

Если бы Иван Петрович не упорствовал, все бы завершилось парочкой синяков. Но, к несчастью, Сидоров был пьян и с упорством маньяка насакивал на громилу. А когда тому эта возня вконец надоела, он просто сгреб Сидорова в охапку и вышвырнул за борт.

Однако в последний момент Ивану удалось ухватиться за спасательный круг, так кстати закрепленный на перилах, и он начал карабкаться назад. В конце концов громила, оторвав Сидорова вместе с кругом, сбросил его в морскую пучину.

Оказавшись в воде, наш герой сначала кричал, а затем молча и долго смотрел вслед удаляющемуся кораблю, пока тот совсем не исчез. Сгоряча Иван попытался, ухватившись за круг, куда-то плыть, однако вскоре понял бесполезность этой затеи.

Вода быстро отрезвила его, и вскоре унылое одиночество овладело им. Сидоров понял

безысходность своего положения, лег спиной на свое плавсредство и, отказавшись от всяких активных действий, стал безучастно смотреть на звезды.

Утро не принесло ему радостных ощущений и лишь убедило в безнадежности ситуации. А к середине дня, когда палящее солнце выжгло из головы Ивана все мысли, кроме единственной – о глотке воды, он и вовсе перестал думать о спасении.

В конце второй ночи Сидоров впал в транс и мечтал только об одном, чтобы уж быстрее наступил конец его мучениям. Он мысленно попрощался с жизнью и отдался во власть океана.

Прошло еще несколько ужасных часов, как вдруг Ивану показалось, что его затылок уперся во что-то

твердое. «Рыба», – подумалось ему. «Хорошо бы акула, сожрала бы, и дело с концом», – пронеслось в голове. Но акула не шевелилась, и Сидоров из последних сил перевернулся. То, что он увидел, можно было бы принять за мираж, но на ощупь под пальцами оказалась реальная твердь.

Перед взором предстала бесформенная масса из каких-то деревяшек, пластиковых бутылок, кусков пенопласта и прочего мусора с одной общей отличительной чертой – все это в силу своего содержания плавало и не могло утонуть. Не без труда Иван вскарабкался на этот остров и забылся в беспамятстве.

Очнулся он ближе к вечеру, когда проклятое солнце перестало пытаться превращать его тело

в мумию. Впервые за двое суток Сидоров принял естественную человеческую позу – встал на ноги и осмотрелся. Увиденное поразило его. Это был огромный, судя по всему в несколько сотен километров, остров из соединившихся между собой мусорных отходов. Все, что когда-то было создано человеком и потом выброшено за ненадобностью, непостижимым образом какими-то течениями, ветрами, бурями соединилось посреди океана и превратилось в реальный остров, не отмеченный ни на одной географической карте. Мелкий мусор и водоросли послужили скрепляющим более крупные предметы материалом, а солнце, просушив эту массу, узаконило ее существование на воде.

Для начала Сидоров стал исследовать близлежащую территорию и, к великой радости, обнаружил в одной из пластиковых бутылок немного питьевой воды. Утолив жажду, он двинулся дальше и вскоре нашел в вакуумном пакете сухофрукты, затем пластиковую коробку галет, рядом с которой пристроилась на треть недопитая бутылка виски. Употребив все это в скоростном режиме, Сидоров повеселел и начал обустраивать себе жилище.

В куче мусорного архипелага обнаружили коленное кресло, деревянный ящик и даже дряхлый кожаный диван. А в придачу к этому добру нашелся еще большой кусок брезента, превратившийся в крышу и одеяло.

Ночь прошла спокойно, а утром Иван вновь приступил к изысканиям, и к концу дня у него образовался солидный запас съестных продуктов и питьевой воды. Необходимые предметы утвари ему попадались как в одном экземпляре, так и целыми партиями. Он нашел множество всяких упаковок, несколько нераспакованных деревянных ящиков с жестяными банками каких-то консервов, неизвестно кем и зачем выброшенных в воду, и даже какие-то лекарства.

Из обрывков сетей, которыми остров был просто завален, Сидоров изготовил снасть с самодельными крючками, и к вечеру ему удалось поймать несколько рыб, которых он разделал на филе и зашил найденным соевым соусом.

Деликатес на завтрак получился отменный.

Следующий день был посвящен разведению огня. Для этого Иван смастерил из подручных прозрачных средств нечто наподобие линзы, собрал и высушил клочки бумаги, сухие деревяшки и после долгих упорных попыток развел костер. Так в меню новоиспеченного Робинзона появилась горячая пища. Он даже умудрился соорудить из пленки бассейн и туалет, чтобы не ходить каждый раз на край острова.

Ежедневно обследуя территорию, Сидоров находил кучу полезных вещей и не переставал удивляться, почему их выбрасывают. Ведь многие из них, еще даже не распакованные, могли бы долго

служить людям. И если для кого-то они оказались лишними, то для других навернякагодились бы. В конце концов он пришел к выводу, что мир просто сходит с ума.

Жизнь Сидорова более-менее стала налаживаться. Единственное что угнетало, это одиночество. Ни одной живой души вокруг. Лишь однажды, когда Иван опустил сетку с рыбой в воду, из глубины вдруг вынырнула огромная акула и, мгновенно откромсав кусочек острова, вместе с уловом исчезла в пучине. Так прошла неделя.

И вот однажды Сидоров, как всегда после завтрака восседаая в кресле, вдруг обнаружил что-то необычное на горизонте. Постепенно по мере приближения стали вырисовываться очертания большой лодки с людьми, и можно было различить около пятидесяти темнокожих мужчин, женщин и детей.

Их появление обрадовало и вместе с тем озадачило Сидорова. «Уж не людоеды ли какие, – подумалось ему, сожрут еще с голодухи и не подавятся, сразу видно – дикари». Он на всякий случай обернулся в брезент, нахлобучил блестящую жестяную банку на голову и взял длинную палку.

Когда лодка причалила, изможденные путешественники выгрузились на берег. Иван гордо подступил к ним и, простерев руки к небу, громко произнес: «Я король Робинзон Второй, а это мое королевство. Ай Эм Кинг! Все прибывшие напряглись и застыли в нерешительности. Сидоров не дал им опомниться и твердо приказал всем: «На колени», – сопроводив красноречиво свои слова палкой-жезлом.

Ослабевшие люди покорно рухнули на поверхность владений самозванного короля. А Иван проследовал в свое бунгало и, жестом подозвав одного из мужчин, спросил: «Я Робинзон, а ты ху?» Мужчина молчал, но после несколько раз повторенного вопроса

наконец-то заулыбался и ответил «Матумба». «Назначаю тебя главным моим слугой Матумба», – сказал король и вручил ему несколько бутылок воды и коробок с едой. «Разрешаю вам поселиться в моем королевстве, гоу туда, шнель». И Сидоров палкой показал в сторону. Матумба поклонился, что-то сказал соплеменникам, и они пошли вглубь острова.

Постепенно люди освоились, мужчины разбрелись добывать себе пищу и воду, а женщины, покормив детей, стали сооружать лежанки и готовиться к ночлегу. Иван, поняв, что ему ничто не угрожает, успокоился, поужинал и прилег в своем шатре. Вдруг он услышал, что кто-то его зовет. Сидоров выглянул.

Перед ним стоял Матумба вместе с молодой девушкой. Он начал что-то бормотать, показывая на негритянку, потом подтолкнул ее вглубь палатки и, кланяясь, исчез в темноте. «Ты вот что... давай иди отсюда, мне спать надо», – решительно приказал Иван и указал рукой в сторону, где разместилось племя. Однако та отрицательно замотала головой, села на брезент в позе лотоса и, ткнув себя в грудь, произнесла: «Таонга». «А мне хоть таонга, хоть маонга, хоть принц датский – все равно, сиди, если хочешь в темноте, а я спать буду», – сказал Сидоров и лег на диван, загасив светильник.

Через какое-то время он услышал шорох и, почувствовав прикосновение, вскочил. Перед ним стояла Таонга и держала в руке какой-то пузырек. «Ты это чего, отравить меня хочешь? – закричал король. – Совсем рехнулась, пошла вон, дура». Девушка заплакала, бубня сквозь слезы: «Мистер, массаж... мистер, массаж...» Так продолжалось не менее получаса, после чего Сидоров не выдержал и сказал: «Да ладно не реви, иди, уж коль тебе приказали, делай

свой массаж», – и поманил Таонгу к себе. Та тут же перестала плакать, заулыбалась и подползла к Ивану. Она налила на ладонь ароматную жидкость из пузырька и привычными движениями начала растирать Сидорову спину. При этом девушка вполголоса затянула заунывную африканскую песню. Постепенно Иван успокоился. Нежные женские руки скользили по его изможденному телу, расслабляя каждую мышцу и снимая напряжение последних дней. Затем Таонга скинула платье и склонилась над Иваном. Магический аромат пустыни и каких-то незнакомых пряностей исходил от ее молодого тела. Он почувствовал, как упругая женская грудь сосками чиркнула по его коже, высекая первую искру влечения. Плотно прижавшись к нему, девушка в темноте своими губами нашла его губы и поцеловала так, что у Ивана перехватило дыхание. Ее уже совсем не нежная, а решительная и требовательная рука поползла вниз и мгновенно возбудила в нем страстное желание, на которое Таонга тут же откликнулась. И тела их окончательно слились.

Никогда прежде Иван не испытывал такого блаженства. Он то крепко обхватывал бедра девушки, то накрывал руками чаши ее груди, то впивался в мягкие губы. Тело Таонги в такт движениям передергивали судороги, она тихо постанывала и прерывисто дышала. Казалось, что прошла вечность, прежде чем они исчерпали себя и, обессиленные, распластались на «королевском» ложе.

Проснулся Сидоров, когда уже ярко светило солнце.

Таонги не было, и все случившееся могло показаться лишь сном, если бы на столе не стоял приготовленный завтрак. Иван окунулся в бассейн, перекусил и пошел общаться с населением острова. День пролетел быстро: было выучено несколько русских и африканских

слов, необходимых для общения, состоялся совместный обед, и даже в честь короля был дан концерт силами местной самодеятельности. А вечером в темноте опять послышалось пение Таонги, и все повторилось только еще более длительно и страстно.

На третий день совместного пребывания, под вечер, что-то стало происходить с погодой. Сначала водную гладь растревожили порывы ветра, затем на горизонте появились свинцовые тучи, приближающиеся

с внезапной быстротой, а через час над островом загрохотал гром, заблистали молнии и хлынул ливень. Все это произошло так неожиданно, что островитяне не успели подготовиться к шторму. Каждый из них старался хоть как-то укрыться от ветра и дождя и удержаться, чтобы не быть смытым громадными волнами. Сидоров на всякий случай привязал себя к закрепленному шесту, подпирающему свод его пристанища, что оказалось совсем не лишним. В середине ночи остров не выдержал напора бури и разошелся на несколько частей.

Ураган бушевал всю ночь и только под утро покинул эти широты. Небо вновь стало голубым. На нем как ни в чем не бывало засияло яркое солнце. Очнувшись от ночного кошмара, Иван выполз из-под обломков и огляделся. Оказалось, что основную часть его владений унесло в неизвестном направлении. Он остался на крохотном островке, что не прибавило ему оптимизма. На большие запасы воды и еды надеяться не было никаких оснований.

И вновь Сидорову пришлось хоть как-то приспособлять этот кусочек суши для проживания. После

полудня, когда он отдыхал от трудов праведных, ему вдруг показалось, что вдали появилась какая-то точка. «Мираж», — подумал Иван. Однако точка не исчезала, а наоборот, увеличивалась. Не веря себе, он стал тереть глаза, но потом понял, что, скорее всего, это корабль. «Не дай Бог не заметят, пройдут мимо», — испугался Сидоров и лихорадочно стал искать в куче хлама свою линзу. К счастью, ее не смыло. Иван стрёб кучу сухого мусора и, поймав в линзу солнечные лучи, стал добывать огонь. Через некоторое время пошел дымок, а потом появились языки пламени. Все, что могло гореть, пошло в костер.

На карту была поставлена жизнь. Если его не заметят, он останется здесь без малейшей надежды на дальнейшее существование. Через какое-то время Сидоров понял, что судно изменило курс и стало приближаться к нему. После всех переживаний силы вдруг покинули его. Он просто сел и безучастно стал наблюдать за тем, как спустились на воду лодку, как она приближается к острову. Как какие-то люди подошли к нему и чего-то спрашивают. Ему вдруг стало казаться, что все это происходит с кем-то другим и уж никак не с ним.

Пришел в себя Иван только на корабле, когда проспал часов десять кряду. Он принял душ. Ему принесли нормальный человеческий завтрак, а после пригласили к капитану, которому он и поведал про свои приключения, естественно умолчав о некоторых интимных деталях. Оказалось, что буря переместила его маленький остров аккурат в то место, где проходят морские торговые пути, вследствие чего Иван и оказался на французском сухогрузе. Капитан сообщил о Сидорове в соответствующие инстанции, и в ближайшем порту его встретили представители российского посольства.

Через несколько дней Иван Петрович Сидоров как ни в чем ни бывало вышел на работу и влился

в свой родной коллектив. Оказалось, никто, кроме начальства, особо и не заметил его отсутствия. Только сосед по кабинету, взглянув на загар Ивана, мимоходом спросил, где он провел свой отпуск. Жизнь пошла своим чередом: дом-работа, работа-дом, рыбалка по выходным, телевизор по вечерам. Только ночью Сидорова тревожили сны. Опять он был на мусорном острове, и снова к нему приходила Таонга. Утром с досадой он понимал, что это был всего лишь сон.

Но однажды все резко изменилось. Кто-то из сотрудников откопал в Интернете статью иностранного журналиста о приключениях Ивана со всеми подробностями и фантазийными

добавками. В одночасье Сидоров стал звездой в коллективе. Посыпались вопросы коллег, представителей прессы и прочих любопытных.

Большей частью Иван отмалчивался или отвечал односложно, из-за чего в конце концов стали появляться необычные версии. Кто-то додумался до того, что Сидоров после общения с африканцами подхватил заразную неизлечимую лихорадку и жить ему осталось несколько недель. Коллеги стали сторониться его, в столовой отсаживались за другой стол, некоторые вообще перестали общаться и здороваться. Начальник тоже обходил его стороной и не здоровался за руку.

Дни Иван проводил в одиночестве, а если и общался с кем-либо,

то исключительно по телефону. Так бы, наверное, тихо и прошла жизнь Ивана Петровича Сидорова, но однажды ему позвонили из международной ассоциации по защите природы и предложили встретиться. Не ожидая ничего хорошего, Сидоров из любопытства все-таки пошел на эту встречу.

— Добрый день, господин Сидоров, — поприветствовал его служащий кампании и крепко пожал ему руку. — Восхищен вашим мужеством и находчивостью, которые вы проявили, оказавшись на острове. Мусор — это беда всего человечества. И если ее нельзя победить, то можно обратить на пользу обществу. Убежден, что будущее за такими островами, — азартно чеканил представитель фирмы. — На них можно

будет построить города, фабрики и заводы, фешенебельные отели и казино, в конце концов тюрьмы для изоляции особо опасных преступников. Это огромный перспективный бизнес. Мы работаем над этой проблемой, и нам нужны первопроходцы. Прежде чем начать освоение этих территорий, необходимо изучить, как человеческий организм поведет себя в новой среде.

Не давая Ивану опомниться, служащий продолжил:

— Предлагаю вам, господин Сидоров, стать участником нашего проекта. Разумеется, все ваши расходы фирма берет на себя.

— Все это так неожиданно, — неуверенно пробормотал Иван. — Да и справлюсь ли я? А потом, у меня ведь работа.

— Конечно, сможете, мы прочитали о вас информацию.

Сотрудник взял со стола документ и протянул Сидорову:

— Вот наши условия: за год пребывания на острове вам гарантируется ежемесячная зарплата 20 тысяч долларов, плюс страховка, оборудование и доставка за наш счет. В ваши обязанности будет входить предоставление ежедневного отчета. Надежную связь мы обеспечим. Подумайте до завтра и сообщите о вашем решении.

Ночью Иван Петрович почти не спал, все прикидывал, взвешивал. Придя утром на работу, еще не был уверен, как ему поступить. Но часа через три, просидев уныло в кабинете, он понял, что терять ему в принципе нечего, и подал заявление на увольнение.

Получив расчет, Сидоров тут же связался с фирмой, подписал контракт и, пройдя краткий курс английского, через месяц прибыл на мусорный архипелаг.

Здесь он почувствовал себя значительно уверенней, чем в первый раз. В его багаже была аппаратура для видеосвязи, радиомаяк, опреснитель морской воды, приспособление для разведения огня, комплект необходимых лекарств и еще много других полезных вещей. Все остальное по условиям контракта Сидоров должен был использовать из местных ресурсов.

Первый месяц Иван Петрович провел в налаживании быта, спокойном созерцании океана, восходов и закатов, а также размышлениях о смысле жизни. Как ни странно, он совершенно не страдал от одиночества и с каждым днем все больше ощущал себя совсем не лишней частицей окружающего мира. Постепенно с него сползала наносная шелуха современной цивилизации. Вспоминая свою жизнь, он отчетливо стал осознавать, что основные усилия уходили у людей на ненужные бесконечные заботы, суету и интриги, совсем не на то, ради чего человек появляется на свет.

Однажды от этих мыслей его отвлек неожиданно прилетевший вертолет, из которого выскочили шустрый молодой человек и оператор с телекамерой. Поздоровавшись и представившись Гопкинсом, ведущим телеканала TCN, он тут же бесцеремонно приступил к съемке.

— Я веду свой эксклюзивный репортаж с далекого острова, — начал ведущий. — Здесь уже больше месяца находится человек, который ведет жизнь добровольного отшельника. Мы попытаемся выяснить у него причину столь странного поступка.

— Сэр, что заставило вас покинуть наше общество, — на ломаном русском языке спросил журналист, приблизившись к Сидорову.

— Я просто заключил контракт с фирмой, — растерянно пробормотал Иван.

— А все же какая у вас цель, — напирал Гопкинс и, подмигнув, шепнул: — Ну, помогите же мне, господин Сидоров, скажите что-нибудь этакое пафосное.

— Да просто мне здесь хорошо, — после паузы промямлил Иван и уже более уверенно под ободряющие жесты ведущего выпалил то, о чем он думал последнее время. — Человечество наделало столько глупостей, что в конце концов погубит себя. Армагеддон приближается с геометрической прогрессией, и не откуда-то свыше. С каждым изобретением оружия, с каждой новой разработкой по искусственному интеллекту и прочими штучками люди гонят себя к точке невозврата. А я не желаю принимать участие в этом безумии и хочу умереть последним нормальным человеком на этой планете.

— Конечно, конечно, вы прямо философ, переживаете за наше будущее, — воскликнул Гопкинс и, резко повернувшись к камере, продолжил: — Но мы обладаем другой информацией: дело в том, что этот господин уже был на таком острове, и не один, а с представителями африканского племени, оказавшимися там после катастрофы. Обессиленные, они не могли сопротивляться ему, и он делал с ними все, что хотел. Сначала изнасиловал невинную девушку, а потом совершил ужасное убийство одного из детей и несколько дней питался человеческим мясом. А когда начался шторм, этот негодяй отсоединил часть острова и бросил людей на верную гибель. Слава богу, они спаслись. Бедная девушка, изнасилованная негодяем, теперь ждет ребенка, а этот преступник скрывается здесь от правосудия. Наш канал нашел его в России и поместил это чудовище на необитаемый остров.

Выдержав театральную паузу, ведущий объявил:

— Сегодня мы начинаем новое телешоу. Каждый из вас, дорогие зрители, может принять в нем участие. Делайте ставки, заключайте пари на то, сколько протянет этот изверг в одиночестве, через какое время он одичает и превратится в зверя. Присылайте ваши прогнозы. Победителя ждет приз — миллион долларов. Смотрите нас ежедневно в прямом эфире...

Договорить ведущий не успел.

— Ах, ты, паскуда, сволочь, гнида поганая. Убью! — взревел Иван, схватил валявшийся рядом шест и погнался за Гопкинсом. Он успел несколько раз пройти вдоль его спины, досталось и оператору, прежде чем они забрались в вертолет и немедленно взлетели.

До самого вечера Сидоров не мог прийти в себя и бродил по острову. Но в конце концов спокойная гладь океана и золотистый закат восстановили его душевное равновесие. Он сел и долго смотрел вдаль. Потом встал, снял с мачты радиомаяк, взял аппарат для связи и, подойдя к краю острова, бросил их в воду. Понаблюдав, как они пошли ко дну, ухмыльнувшись и прокричав в темноту:

— Я хочу умереть последним на этой планете!

Все попытки фирмы обнаружить Сидорова успехом не увенчались. Можно только предположить, что он перебрался на другой мусорный остров, коих теперь множество в океанах, или же утонул во время очередного урагана. А может быть, Сидоров непостижимым образом все же попал в Африку и сейчас воспитывает сына вместе с любимой Таонгой. Кто знает...

Автор иллюстраций — Е. А. Катыхшева, студентка второго курса факультета анимации и мультимедиа ВГИК, мастерская М. В. Курчевской.

«ОДИНОКИЙ “ЮНКЕРС”»

Продолжение публикации повести Валерия ПОВОЛЯЕВА «Одинокий “Юнкерс”»
(начало в № 153/01–02 и 154/03–04)

Военно-санитарный поезд. 1942

Косяков вышел из вагона. На улице было тепло. Теплее, чем в южных предгорьях, где располагался полк штурмовиков – косяковский полк. Прохлада там приходила с близких гор, ледниковых полей и снежных шапок, накрывавших камни, макушки скал, словно бы замороженных изнутри, и от разреженного воздуха высоты. Станция, на которой остановился пассажирский «пятсот-веселый», удлиненный на четыре госпитальных вагона, выглядела мирно, словно бы совсем недалеко не гремела война – ни одного разбитого здания, ни одной воронки на подметенном асфальте перрона, ни одной проломленной крыши... В общем, картина предвоенная. Две старушки предложили Косякову молока, он отказался, мол, духа попробовала соблазнить

свежим, домашнего изготовления сыром – он тоже отказался, затем к нему подошли два школяра в солдатских пилотках, украшенных железными звездочками, с интересом начали в него вглядываться, словно бы впервые повстречали военного летчика. – Вам чего, ребята? – спросил Косяков. Пионеры все так же молча, не произнеся ни одного слова, отошли от него. Вид у одного из них, того что постарше, сделался смущенным. Так и не понял Косяков, чего им надо было. Может, хотели попасть на фронт? По блату, так сказать, а? Заодно попросить денег на дорогу, узнать, где лучше покинуть вагон, чтобы сразу попасть в боевое подразделение, успешно перемалывающее фашистов, к толковому командиру? Или

хотели поинтересоваться, не обменяет ли он на полтора килограмма самодельной кровяной колбасы свой личный пистолет ТТ? Господи, что за чушь лезет в голову? Неожиданно за спиной у него раздался крик, их перекрыл мощный резкий голос, Косяков обернулся. Два безногих инвалида в тележках, поставленных на шарикоподшипниковый ход, схватились друг с другом из-за толстого початка вареной кукурузы. Оба нахохленные, с растрепанными волосами и красными лицами, крутились на небольшой, хорошо утоптанной ногами земляной площадке, пытаются обойти человека, вставшего между ними и не дававшего возможности разгореться ристалищу. – Уймись, бойцы! – вновь грозно рявкнул этот человек. От рявканья над головой его беспокойно зашевелились облака. Инвалиды, словно бы испугавшись чего – ну будто имели дело с генералом, – дружно откатились от него, но через мгновение, встретившись, снова ринулись друг на друга. – Цыц! – опять прозвучал резкий голос, легко подмял инвалидов. Оробев, они подчинились человеку, находившемуся над ними, громыхнули подшипниковыми колесами, прикрученными к тележкам, разъехались, как на плацу, и вновь по-петушиному свирепо устались один на другого. Что же такое случилось, что произошло, серьезное и непоправимое, коли эти люди, помеченные общей бедой, устроили прилюдную свару? Совсем охренели, что ли? Из-за чего стоит этот неприличный ор? Из-за пустяка? Из-за обломка вареной кукурузы, на который

нацелились сразу два рта? Из-за понюшки табака, доставшейся одному бойцу, но не доставшейся другому, – из-за этого в пространстве залокотала слепая ярость? Но что невольно сдавило Косякову горло – на любителях прилюдно выяснять отношения, красовались старые солдатские гимнастерки... Впрочем, на красноармейцев нынешней войны инвалиды не были похожи, скорее всего повздорили ветераны Халхин-Гола или схваток на озере Хасан. Драки на Хасане для Советского Союза были неудачными, оставили ощущение досады, обиды, еще чего-то, о чем позже вспоминали с горечью, а вот Халхин-Гол – дело совсем другое, тут японцам выдирали много перьев, те, кто уцелел, потом мчались в свои казармы быстрее звука. Впереди летели сами самураи, позади – мятые перья и выбитые зубы. Интересно, где же воевали эти скандальные ветераны? Рядом с Косяковым оказалась старушка с живыми, очень молодыми черными глазами, левой рукой она прижимала к боку белый эмалированный таз, накрытый чистым вафельным полотенцем. – Попробуй нашей рассыпчатой картошечки, – предложила черноглазая старушка, – она вкуснее масла, ей Богу! Характер она имела бойкий, откинула полотенце, и Косяков увидел крупную рассыпчатую картошку, одобренную зеленым укропом и мелко нарезанным чесноком, лежавшую на свежих лопуховых листьях; в стороне от картошки плотной аппетитной горкой высались огурцы. Судя по виду и запаху – поздние, свежего молодого посола, самое то под стопку холодной водки, весьма любимой летным составом их полка. У технарей были другие предпочтения, более крепкие по градусам и менее изысканные по вкусу. – Попробуй, не пожалеешь, – пропела старушка, сияя молодыми

блестящими глазами, – не пожалеешь, служивый. Косяков вспомнил рекомендации начальника поезда и поддался уговорам бабули с черносмординовыми глазами и купил себе картошки, к ней несколько огурчиков, три головки маринованного чеснока и пару перцев – всего понемногу. Очень вкусно все это выглядело и еще более вкусно пахло. Перед тем как уйти с едой в вагон, он огляделся: а где же инвалиды? И инвалиды куда-то испарились, и криков их прокуренных не было слышно. Растаяли. Вместо крикунов Косяков увидел начальника поезда. Тот стоял неподалеку и, заметив, что старший лейтенант засек его, постучал пальцем по стеклу наручных часов: – Пора! Еще раз окинув глазами базар, Косяков инвалидов не обнаружил и поспешно поднялся на нижнюю ступеньку вагона: раз начальник требует «занять места согласно купленным билетам», значит, надо это сделать. Площадь перед поездом наполовину опустела, по ней шли трое патрульных с автоматами, торговый шум угас почти мгновенно. – Что, драчунов на инвалидных досках ищешь? – спросил у Косякова начальник поезда. – Исчезли куда-то. – Увез пахан, который рявкал на них. – Он что, содержит эту команду? На собственные шиши? – Зачем на собственные? Все они из одного инвалидного дома, к нему не то, чтобы приписаны – временно состоят на учете, пока война не кончится. А станция здешняя – место их промысла, представлений, как в театре. – Всюду жизнь, в общем, – понимающе проговорил Косяков и тут же выругал себя: не те слова возникли у него на языке, со всем не те...

– Выкручиваются как могут, в инвалидном доме – голодно, – начальник поезда махнул рукой, словно бы хотел сменить тему разговора. Так, собственно, оно и было. – А мы на последнем перегоне еще одного солдата потеряли. Из санитарного вагона снова покойника вынесли. Паровоз подал голос, за время стоянки он окреп, даже огрубел немного – видать, машина заправилась угольком и водой, теперь до самой Москвы тянуть сможет. Косяков прошел на свое место – на нем сидела женщина в тесном жеребковом жакете, с обеих сторон к ней жались двое пацанов – ну совсем как маленькие солдатики. Женщина была объемная, плотная, походила на цыганку. Косяков присел на край скамьи, положил на колени лопуховые листья, прочные, будто были вырезаны из рубчика – хлопчатобумажной ткани, покоился на солдатиков. Один из них неотрывно смотрел на картошку: уж очень аппетитной она была, а мелко покрошенный укроп, тот распространял такой огушающе вкусный дух, что весь вагон начал чмокать губами, стараясь, чтобы чмокание это совпадало со стуком колес... Театр какой-то. Косяков поймал жадный взгляд солдатика, все понял и придвинул ему лопуховый лист: – Будешь? Тот по-птичьему поспешно клонул головой – буду! Получить угощение не успел – мать со всего маху ударила его ладонью по хрупкому прозрачному запястью: – Не бери! Сейчас куру есть будем! Солдатик стремительно сунул руку за спину: мать ударила больно, от удара он даже сморщился. Совать ему картошку помимо воли матери Косяков не решился. Выручил дядя Ваню, он нарисовался совершенно внезапно, будто вытаял из воздуха, и, хмыкнув в кулак, положил руку на плечо летчика:

«Юнкерсы» обладали особой хваткой, нападали по-волчьи, из-за облаков, поезд перед ними был беззащитен

– Пошли-ка со мной, товарищ командир, здесь тебе поесть не дадут... Останешься с листьями от лопухов, а они не всегда бывают съедобны.

Косяков, кивнув согласно, поднялся с лавки.

Поезд неторопливо стучал колесами на стыках. Музыка эта убаюкивала, но это было плохо – убаюкиваться нельзя: вдруг развернется воздух? «Юнкерсы» – немецкие бомбардировщики, именуемые нашей пехотой «лаптежниками», обладали особой хваткой, нападали по-волчьи, из-за облаков, с неспросматриваемой стороны, поезд перед ними был беззащитен. Автомат ППШ, висящий в каморке дяди Вано, этих волков не остановит.

С другой стороны, хорошо, что пропала сливочно-желтая плашка солнца, похожая на головку свежего сыра, красовавшаяся в небе с утра, с севера навстречу поезду потянулись облака... Перистые, хмурые, похожие на старое тряпье. По мере того как на колеса наматывались километры чугунного полотна, облака становились плотнее и темнее, смыкались друг с другом, отделяя светлую небесную темноту от заскорузлой осенней земли непроницаемым пологом.

Вряд ли «юнкерсы» захотят при такой облачности летать... Уже только одно это было хорошо.

Дядя Вано был прав – пообедать в его каморке было спокойнее и удобнее, чем в самом вагоне,

среди шума, на нервно держащейся лавке, где суматошно покрикивающие люди, случилось, вместе со стаканом чая съезжали на пол, расплескивали все на себя. Хорошо, если лишь со стаканом чая, а не с увесистым

котелком наваристого супа...

Котелком можно вообще облить половину вагона. Вместе с багажом, с детьми и мамами, с бабьими и прочим людом, решившим пуститься в поездку.

Чем ближе становилась Москва, тем тревожнее делалось на душе у Косякова. Знать бы, что ждет его в родной белокаменной, он бы пораскинул мозгами, поразмыслил, как быть и что-нибудь придумал бы, а так – дохлый номер, все пусто, сплошные белые пятна. Какое задание придумали для него дорогая партия и не менее дорогое правительство?

А может, что-нибудь интересное возникло в самой Ставке? Но какое дело может быть высокой Ставке до обычного, земного старшего лейтенанта?

С другой стороны, все могло быть. В Москву поезд пришел ранним утром, небо еще было темным, каким-то косматым; над городом висела угрюмая тишина, а над самим вокзалом, почти над крышей по пространству шарил луч прожектора, искал чего-то.

Косяков слышал, что в столице часто проводят облавы на немецких шпионов, диверсантов, лазутчиков, прочий, не самый светлый люд, чистят ряды мародеров, гоп-стопников, любителей залезть в чужую квартиру, и в борьбе этой здешние ряды правопорядка здорово преуспели. Милиция

московская находится на высоте, в общем.

Старший лейтенант огляделся. Хоть и был поезд набит довольно плотно, а в Москву прибыла лишь одна десятая часть того, что вез поезд, остальные растворились на промежуточных станциях, в малых и средних городах, сходили даже в поле, если там поезд замирал хотя бы на несколько минут, – какая-нибудь простоволосая баба обязательно выпрыгивала из вагона. Приложив ладонь ко лбу, она всматривалась в окрестности, и если видела неподалеку деревню, то направлялась к домам...

Люди в военную пору искали лучшую долю, уходили от опасности, съезжались с родственниками, чтобы вместе переживать беды, невзгоды, и Косяков хорошо понимал их. Он и сам был таким.

В общем, поезд пришел в строгую заснеженную столицу почти пустым. Пока Косяков оглядывался, около него оказались двое подтянутых молодых людей в фуражках с голубыми околышами, что удивило летчика. Судя по всему, по ночам потрескивали серьезные морозы – без ушей остаться можно. Холодно в фуражках-то...

– Косяков Иван Андреевич? – поинтересовался один из них сухо; словно бы боясь ошибиться, оценивающе прищурил глаза.

– Так точно!

– Мы за вами, – тоном более дружелюбным и теплым сообщил второй встречающий.

В петлицах у них красовалось по два кубаря, по армейским меркам – лейтенанты, а вот по табели о рангах их ведомства, неверное, всего сержанты. Или старшие сержанты.

– Поехали, нас ждут, – сказал первый встречающий и, повернувшись круто, со скрипом, зашагал по перрону к выходу.

Продолжение следует

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ХРАМ КО ДНЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

28 июля 2023 года, в День памяти святого равноапостольного великого князя Владимира и 1035-летия со дня Крещения Руси, на набережной Москвы-реки в инновационном квартале Тушино откроется Храм святого равноапостольного князя Владимира, который займет центральное место в новом церковном комплексе, сообщается на сайте Русской Православной Церкви.

В высоту храм достигает 58 метров (до креста). Внутри традиционно разделен на три части: притвор, моельный зал и алтарь. Архитектурный ансамбль также включает культурно-выставочный центр, отдельно стоящую звонницу и часовню. Вокруг будет разбит живописный парк, образующий единое стилистическое пространство с территорией храма.

Одно из главных украшений храма – масштабные мозаичные панно, расположенные на фасаде

центрального здания и отражающие более чем тысячелетнюю историю Русской Православной Церкви, начиная с исторического момента выбора веры князем Владимиром и до восстановления поруганных соборов, монастырей и церквей на рубеже XX–XXI веков.

У главного (западного) входа в храм будут расположены фигуры равно-

апостольных князя Владимира и княгини Ольги. С восточной стороны, в центральной нише, установят образ Святой Троицы, а по сторонам от него – фигуры святого благоверного князя Димитрия Донского и преподобной Евфросинии Московской. В боковых нишах, обрамляющих северный портал, будут изображены благоверные князья Александр Невский и Даниил Московский. А в боковых нишах,

обрамляющих южный портал, – святые князья-страстотерпцы Борис и Глеб с одной стороны и благоверный князь Андрей Боголюбский – с другой.

Автор проекта Духовно-культурного центра – Сергей Чобан, российский и немецкий архитектор, художник, почетный академик Российской

академии художеств и Союза немецких архитекторов (BDA)

Автор скульптуры святого равноапостольного великого князя Владимира – Александр Рукавишников, народный художник России, действительный член Российской академии художеств.

ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ

Молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет составляют около 16% населения Земли. Сознывая огромный творческий потенциал молодежи, ЮНЕСКО оказывает молодым людям большую поддержку, создавая условия для их участия в решении злободневных вопросов современного общества и его развития в целом.

С этой целью ЮНЕСКО также поощряет «Молодежные пространства», инициативу, направленную на расширение прав и возможностей молодежи, поощрение и поддержку деятельности молодых людей, содействие установлению партнерских связей и обеспечению их признания.

